
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

ПОЛИТОЛОГИЯ

2022. Том 16. № 1

Редакционная коллегия

Л. А. Фадеева (гл. редактор), Н. В. Борисова, И. М. Бусыгина,
В. Я. Гельман, И. В. Мирошниченко, П. В. Панов, В. Н. Руденко,
И. С. Семенов, А. В. Стародубцев, К. А. Сулимов
Ответственный секретарь – Н. М. Беляева

Редакционный совет

Бусыгина Ирина Марковна, д.полит.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)
Бушар Мишель, профессор, Университет Северной Британской Колумбии (Канада)
Малинова Ольга Юрьевна, д.филос.н., профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
Морозова Елена Васильевна, д.филос.н., профессор, Кубанский государственный университет
Мацузато Кимитака, профессор, Центр славянских исследований университета Хоккайдо (Япония)
Росс Камерон, профессор, Университет Данди (Великобритания)
Саква Ричард, профессор, Кентский университет (Великобритания)
Сморгунов Леонид Владимирович, д.филос.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Фадеева Любовь Александровна, д.и.н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет
Филиппов Михаил Георгиевич, профессор, Университет штата Нью-Йорк в Бингемтоне (США)

Выпускающий редактор П. В. Панов

© Редакционная коллегия, 2022

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свид. о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-68264 от 27 декабря 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

История и теория политики

<i>Цумарова Е. Ю., Волохова В. В.</i> Коммеморация Великой Отечественной войны в Карелии: в поисках места в «большой истории»	5
<i>Gonzalez C.</i> Characteristics of Extremist Political Ideologies: the Case of the Spanish Fascist Front Bastion	14
<i>Зарипов Н. А.</i> “Между Западом и Востоком”: идея белорусской нации в современной академической дискуссии	22

Политические институты, процессы, технологии

<i>Грабевник М. В.</i> Электоральный регионализм: случай Демократического союза венгров Румынии	31
<i>Назукина М. В., Тарасова Е. Ю.</i> Опыт брендинга российских республик: вариативность институционального компонента	40
<i>Красильщиков Г. Г.</i> Локальные элиты в сельских территориях Пермского края в контексте преобразования (укрупнения) муниципальных образований	49
<i>Сулимов К. А., Сычев О. А., Белоусов К. И.</i> Особенности использования моральной лексики депутатами фракций Государственной думы: эмпирическая оценка на основе контент-анализа ..	58
<i>Михеев А. К.</i> Факторы участия «зеленых» партий в правительствах стран Западной Европы в XXI в.	74

Международные отношения

<i>Смирнов П. Е.</i> Изменения в подходах США к региону Восточной Европы после начала украинского кризиса	84
<i>Zhang Yuqun.</i> From Pan-Turkism to Xinjiang Separatism: an Analysis of Turkic Factor	94
<i>Рожков А. А., Е Вэймянь.</i> Мир иными средствами: бизнес и разрешение гражданских конфликтов	106

Обзоры и аналитика

<i>Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Гриценко Г. Д., Иванова С. Ю., Шульга М. М.</i> Общероссийская идентичность на Северном Кавказе: опыт экспертной оценки	115
<i>Любарев А. Е.</i> Исследование совмещенных выборов: за кого голосовали избиратели «Новых людей» при отсутствии партии в бюллетене	125
К сведению авторов	136

Bulletin of Perm University. Political Science

“**Bulletin of Perm University. Political Science**” is a peer-reviewed academic journal that sees its mission in sustaining a high level of academic discussion, which corresponds with the international political sciences standards. The journal publishes research articles, reviews of current issues in both English and Russian languages, which have not been published previously and are not under consideration for publication elsewhere.

Since 2010 the Bulletin is on The list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences should be published (list of Higher Attestation Commission).

The Bulletin is included in the national information and analytical system "Russian Science Citation Index" (RSCI) and is available in the E-library.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov A. Fadeeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda V. Borisova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Irina M. Busygina – Doctor of Political Sciences, Professor, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Vladimir Ya. Gelman – Candidate of Political Sciences, Professor, European University at Saint Petersburg and University of Helsinki

Inna V. Miroshnichenko – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Petr V. Panov – Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Research Fellow, Department of Research on Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of RAS

Viktor N. Rudenko – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Corresponding Member of RAS, Director of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS

Irina S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of RAS, Deputy Director for Scientific Work, IMEMO RAS

Andrey V. Starodubtsev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Applied Political Science, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Konstantin A. Sulimov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Executive Secretary – Natalya M. Belyaeva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Perm State University

Editorial Council

Busygina Irina (Higher School of Economics – Saint Petersburg, Russia)

Bouchard Michel (University of Northern British Columbia, Canada)

Malinova Olga (INION of Russian Academy of Science, Higher School of Economics, Russia)

Matsuzato Kimitaka (Slavic Research Center of Hokkaido University, Japan)

Morozova Elena (Krasnodar University, Russia)

Ross Cameron (Dundee University, United Kingdom)

Sakwa Richard (Kent University, United Kingdom)

Smorgunov Leonid (Saint Petersburg University, Russia)

Fadeeva Lyubov (Perm State University, Russia)

Filippov Mikhail (State University of New York at Binghamton, USA)

CONTENT

Political History and Theory

<i>Tsumarova E.Yu., Volokhova V.V.</i> Commemoration of the Great Patriotic war in Karelia: searching for a place in the «Great» history	5
<i>Gonzalez C.</i> Characteristics of Extremist Political Ideologies: the Case of the Spanish Fascist Front Bastion	14
<i>Zaripov N.A.</i> “Between the West and the East”: the Belarussian national idea in current academic discussion	22

Political Institutions, Processes, Technologies

<i>Grabevnik M.V.</i> Electoral Regionalism: Case of Democratic Alliance of Hungarians in Romania	31
<i>Nazukina M.V., Tarasova E.Yu.</i> Branding experience of Russian republics: variability of the institutionalization of the ethnic component	40
<i>Krasilshchikov G. G.</i> Local elites in the rural areas of the Perm krai in the context of transformation (consolidation) of municipalities	49
<i>Sulimov K. A., Sychev O. A., Belousov K. I.</i> Features of the use of moral language by deputies of the State Duma factions: an empirical assessment based on content analysis	58
<i>Mikheev A. K.</i> Factors of green parties’ participation in governments of West European countries in the XXI century	74

International Relations

<i>Smirnov P.Ye.</i> U.S. varying approaches towards Eastern Europe after the outbreak of the Ukraine crisis	84
<i>Zhang Yuyan.</i> From Pan-Turkism to Xinjiang Separatism: Analysis of Turkic Factor	94
<i>Rozhkov A.A., Ye.Weimian</i> Peace by Other Means: Business and Civil Conflict Resolution	106

Reviews and Analysis

<i>Avksentev V.A., Aksiumov B.V., Gritsenko G.D., Ivanova S.Yu., Shulga M.M.</i> All-Russian Identity in the North Caucasus: Expert Assessment	115
<i>Lyubarev A.E.</i> The study of combined elections: for whom did the voters of the "New people" vote when their party was not on the ballot	125
Information for the authors	140

История и теория политики

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-1-5-13

КОММЕМОРАЦИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В КАРЕЛИИ: В ПОИСКАХ МЕСТА В «БОЛЬШОЙ» ИСТОРИИ»

Е. Ю. Цумарова, В. В. Волохова

Цумарова Елена Юрьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительных политических исследований,

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: tsumarova@gmail.com (ORCID: 0000-0001-9960-4119. ResearcherID: N-4998-2018).

Волохова Валентина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории,

Петрозаводский государственный университет, Россия, Петрозаводск.

E-mail: vavolokhova@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-5486-7740. ResearcherID: AAI-9392-2021).

Аннотация

Дан анализ стратегий коммеморации Великой Отечественной войны в Карелии. Политика памяти в регионах рассматривается как «игра на двух уровнях»: внутри региона, где происходит взаимодействие разных мнемонических акторов в процессе формирования доминирующего нарратива, и вовне – на котором региональный нарратив соотносится с общефедеральными практиками и интерпретациями. Анализируется то, каким образом особый опыт Карелии, связанный, прежде всего, с наличием другого противника – финнов, осмысляется в публичном пространстве республики. Эмпирической основой исследования выступили архивные материалы, публикации в республиканских СМИ и структурированные интервью с основными акторами политики памяти в Карелии. Исследование показало, что в Карелии существует фрагментированный режим памяти о войне. Доминирующая стратегия коммеморации направлена на закрепление в публичном дискурсе региона героического нарратива, рассказывающего историю войны на территории Карелии как череду событий, внесших важный вклад в достижение общей Победы. Носителями этого нарратива являются прежде всего представители ветеранских и поисковых организаций, которые пользуются поддержкой региональных органов власти. Альтернативная стратегия фокусируется на коммеморации действовавшего в Карелии оккупационного режима. Основным актором, борющимся за продвижение этого нарратива, являются бывшие узники финских концлагерей; подобной же стратегии придерживаются и представители архивного, музейного и научного сообществ. Однако недостаток у этих акторов символических и коммуникативных ресурсов не позволяет в полной мере составлять конкуренцию доминирующей стратегии коммеморации.

Ключевые слова: политика памяти; коммеморация; Карелия; Великая Отечественная война; нарративы.

Победа в Великой Отечественной войне уже давно стала играть роль нового «мифа основания» российского государства. Являясь самым народным, самым понятным и личным праздником, День Победы консолидирует, сплачивает российское общество. Вокруг него выстраиваются основные нарративы и практики коммеморации (См., например, Габолич, 2020). Между тем память о великой Победе не является однородной на территории страны. Во многих регионах сегодняшней России общефедеральный нарратив дополняется региональными практиками и интерпретациями, связанными с особенностями военного времени. Так, в частности, осмысление опыта Великой Отечественной войны в Карелии связано не только с наличием особого противника – финнов, но и с начавшимся уже

в первые годы после войны сближением СССР и Финляндии¹. Региональное сотрудничество Карелии и Финляндии играло важную роль в советско-финляндских отношениях второй половины 1940-х – середины 1980-х гг. и не утрачивает свое значение до сих пор.

Данная статья посвящена анализу практик коммеморации Великой Отечественной войны в Карелии. Нас интересует то, какие акторы участвуют в создании, поддержании и воспроизводстве нарратива(-ов) о войне и какие стратегии коммеморации они используют. Основной вопрос статьи сформулирован следующим образом: как особый опыт Карелии в Великой Отечественной войне осмысливается и закрепляется в коммеморативных практиках?

Политику памяти мы понимаем как всю сферу «публичных стратегий в отношении прошлого», включающую практики коммеморации и преподавания истории (Миллер, 2013: 114). Содержание политики памяти отражает существующий в тот или иной момент времени характер взаимодействия мнемонических акторов, которые используют имеющиеся у них символические ресурсы для утверждения своего представления об истории в качестве доминирующего. Как отмечает О. Малинова, коммеморация представляет собой «процесс отбора того, что надлежит вспоминать, и что – предавать забвению». При этом «в зависимости от контекста «вспоминаемое» событие может рассматриваться как повод для торжества и/или коллективной скорби» (Малинова, 2018: 13).

Политика памяти в регионах обладает рядом специфических черт, связанных со статусом региональных сообществ как составных частей государства. ИмPLICITным актором политики памяти в регионах всегда является центральная власть, задающая «правила коммеморации» и ограничивающая возможности для интерпретаций событий прошлого и их продвижения в публичном пространстве региона. Другими словами, перед региональными мнемоническими акторами возникает сложная задача комбинирования / встраивания регионального исторического нарратива в общегосударственный. Региональные акторы могут либо полностью воспроизводить государственный исторический нарратив, либо видоизменять его, апеллируя к особенностям событий на территории региона. Отталкиваясь от переработанной метафоры Р. Патнэма², можно утверждать, что политика памяти в регионах (как и политика идентичности) является игрой на двух уровнях (Гельман и Попова, 2003). Региональные мнемонические акторы действуют одновременно и внутри региона, конструируя доминирующий исторический нарратив, и вовне – соотнося региональный нарратив с общенациональным. Таким образом, формирование того или иного режима памяти (Малинова, 2020) в регионе зависит не только от распределения среди региональных мнемонических акторов символических и коммуникативных ресурсов, но и от позиции государства.

В рамках исследования мы попытались выявить сложившиеся в Карелии стратегии коммеморации Великой Отечественной войны, опираясь, с одной стороны, на анализ трансформации мемориального пространства, а с другой – на анализ существующих нарративов. Изначально мы фокусировались именно на материальном воплощении памяти о войне в республике. Это позволило выявить основные мнемонические акторы, а также официальное представление о войне путем анализа выступлений политических деятелей Карелии на праздничных и памятных мероприятиях. Основными источниками данных на этом этапе стали архивные документы, публикации в средствах массовой информации, посвященные обсуждению событий Великой Отечественной войны в Карелии, установлению новых памятников и/или созданию новых мест памяти.

На следующем этапе были проведены полуструктурированные интервью с основными акторами политики памяти в республике (N=13). Гайд включал в себя вопросы, связанные с общим восприятием событий войны на территории Карелии и оценкой существующих практик коммеморации. При этом в вопросах интервью мы спрашивали информантов о войне, не уточняя ее хронологические рамки. Это позволило понять, встраиваются ли события в Карелии в историю только Великой Отечественной войны, или рассматриваются как часть более масштабной Второй мировой. На основе анализа интервью мы выделили основные элементы «военного нарратива», разделяемого разными акторами политики памяти. Интервью проводились в Петрозаводске летом 2021 г.

Структура статьи в целом соответствует логике исследования. Вначале мы опишем основные этапы формирования мемориального пространства в Карелии, а затем представим результаты анализа существующих нарративов. В заключении приведены основные выводы исследования.

¹ Основой советско-финляндских отношений стал «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией», подписанный в 1948 г. Он сформировал особые взаимоотношения двух стран, которые во внешней политике Финляндии стали называться «линией Пааскиви-Кекконена» (по фамилиям президентов Финляндии, проводивших курс на сближение с СССР).

² См. определение политики идентичности, предложенное В. Гельманом и Е. Поповой (Гельман и Попова, 2003):

Мемориальное пространство Карелии: рассказ о подвигах и славе

Выстраивание монументального образа Великой Отечественной войны началось на территории Карелии еще до Победы. В 1944 г. была образована Комиссия по созданию и охране памятников Великой Отечественной войны и увековечению памяти героев, павших в боях за родину, при Совете Народных Комиссаров Карело-Финской ССР. Постановления комиссии ярко свидетельствуют о стремлении ее участников рассматривать прошедшие события как часть борьбы всего советского народа с общим врагом без акцента на особенностях войны на территории республики¹.

В конце 1960-х гг. начался процесс масштабного увековечения памяти героев Великой Отечественной войны. Если ранее памятники чаще всего устанавливались на братских могилах, то теперь все больше новых мемориалов появлялось на улицах советских городов. Главным военным мемориалом республики стал открытый в 1969 г. в Петрозаводске мемориал Вечный огонь с Могилой Неизвестного солдата. И церемония открытия, и символическое решение памятника перекликались с мемориалом у Кремлевской стены в Москве, в очередной раз вписывая историю участия в войне жителей Карелии в общесоюзный рассказ о победе над нацистской Германией.

В то же время, стороной обходилась тема финского оккупационного режима на территории Советской Карелии. В условиях успешно развивавшихся советско-финляндских отношений обе стороны старались не затрагивать сложные и болезненные вопросы советско-финляндской истории (Веригин, 2020: 20). В результате «немецко-финские оккупанты», фигурировавшие в официальных речах и документах в первые послевоенные годы², превратились в «фашистских захватчиков»³.

В 1970–1980-е гг. история войны в Карелии нашла свое отражение и в научных публикациях (см., например, Морозов, 1983), и в статьях в праздничных номерах республиканских газет, и в учебных пособиях для школьников, и на вновь открываемых памятниках и в музейных экспозициях. Описание военных событий происходило в контексте уже сложившегося общесоюзного нарратива: героизм на фронте (с акцентом на историю освобождения Карелии в ходе Свирско-Петрозаводской операции), сопротивление партизан и подпольщиков на оккупированной территории, трудовой героизм в тылу.

Новый этап в увековечении памяти о Великой Отечественной войне наступил во второй половине 1990-х гг. В это время под влиянием федерального правительства День Победы обрел прежний масштаб, была возрождена традиция парадов с военной техникой, призванных продемонстрировать мощь государства. С этого периода начинается следующая волна открытия военных памятников. Здесь были представлены события и военные деятели общесоюзного масштаба. Например, в 2000 г. в Петрозаводске был открыт памятник маршалу Г. К. Жукову и оформлена площадь его имени. Однако особое внимание с этого времени и до наших дней уделяется событиям и героям Карельского фронта. Важную роль в создании новых мемориалов играли ветеранские организации, поддерживаемые властью. Среди множества памятников самым масштабным стал открытый в 2003 г. и существенно расширенный и дополненный в 2015 г. Мемориальный комплекс в честь воинов Карельского фронта, партизан и подпольщиков Карелии (Аллея Памяти и Славы).

Новацией 1990-х гг. стала установка памятных знаков на местах гибели финских солдат. Инициатором здесь выступала финская сторона, на деньги финляндских общественных объединений, как правило, эти памятные знаки и сооружались. Знаком примирения стал и сохранявшийся в официальной риторике отказ от указания на национальную принадлежность противника, воевавшего на Карельском фронте. Например, в 2004 г. была учреждена памятная медаль «60 лет со дня освобождения Карелии от фашистской оккупации»⁴, в 2009 г. был установлен День освобождения Карелии от фашистских захватчиков (30 сентября)⁵.

¹ Постановление республиканской комиссии по созданию и охране памятников Отечественной войны и увековечению памяти героев, погибших в боях за Советскую Родину. 1 дек. 1944 г., *Национальный архив Республики Карелия*. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 43/452. Л. 71-74.

² См., например, НА РК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 43/452. Л. 71-74. Постановление республиканской комиссии по созданию и охране памятников Отечественной войны и увековечению памяти героев, погибших в боях за Советскую Родину. 1 дек. 1944 г.

³ См., например, НА РК. Ф. П-3. Оп. 25. Д. 42. Л. 19-20. Протокол заседания Бюро Карельского Обкома КПСС от 20 нояб. 1974 г.

⁴ О памятной сувенирной медали «60 лет со дня освобождения Карелии от фашистской оккупации»: Указ Главы Республики Карелия от 9 июня 2004 г. № 50.

⁵ Об установлении Дня освобождения Карелии от фашистских захватчиков: Закон от 23 июня 2009 г. № 1306-ЗРК.

В то же время именно с 1990-х гг. началось более активное изучение истории оккупации части Карелии финскими войсками. В выходивших в это время публикациях находило отражение положение и тех, кто оказался в концентрационных или трудовых лагерях (это, прежде всего, русское население края), и тех, кто был отнесен финскими властями к «родственному» населению и оказался в более благоприятном положении (См., например, Голубев и Осипов, 2007). Однако постепенно ключевую роль в сохранении памяти об оккупации стала играть созданная в 1989 г. региональная общественная организация «Карельский союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей». Получив возможность после долгого вынужденного молчания озвучить свои воспоминания о войне, члены Союза подвергли сомнению и даже осуждению тех, кто, по их мнению, пытался в своих рассказах смягчить жестокость оккупационного режима (Голубев, 2010)¹. Лейтмотивом воспоминаний об оккупации членов Союза стала мысль о том, что условия содержания в финских концлагерях были хуже, чем в нацистских. Дискуссии о характере оккупационного режима были очень эмоциональными, так как затрагивали не только болевые точки памяти, но и непростое положение переживших заключение в финских концлагерях. Их попытки получить компенсацию от финской стороны не увенчались успехом, а материальная поддержка, предоставляемая в России, оказалась минимальной. При этом работа Карельского союза бывших малолетних узников фашистских концлагерей по увековечению памяти погибших в лагерях не встретила достаточной поддержки со стороны региональных властей. Средства на установку памятных знаков на местах бывших лагерей члены Союза собирали самостоятельно. Главные коммеморативные мероприятия у этих мемориалов также проходили по инициативе не власти, а общественных организаций в Международный день освобождения узников фашизма. В результате тема страданий населения Карелии, становясь частью общей истории гибели мирных граждан в годы Второй мировой войны, как бы отделялась от истории участия Карелии в Великой Отечественной войне.

Однако в последние годы ситуация стала очевидно меняться. В 2017 г. на Петрозаводском кладбище «Пески», где находятся могилы советских граждан, умерших в годы оккупации, был открыт новый мемориал, посвященный узникам финских концлагерей, символически воплощающий тему страдания. Памятник был возведен на средства А. Ю. Молчанова и Г. Н. Морозова – правнуков А. Д. Романова, трагически погибшего в заключении в концлагере. Федеральный проект «Без срока давности» вновь привлек внимание к характеру оккупационного режима на территории Карелии. Идея, заложенная в памятнике на кладбище «Пески», оказалась созвучна новой риторике представителей республиканской власти, поддерживавших федеральный нарратив о страданиях мирного населения. Именно о необходимости помнить «о невинных жертвах, которые погибли, которые были замучены в фашистских концлагерях»² говорил, выступая в апреле 2021 г. перед ветеранами и бывшими узниками финских концлагерей, спикер Законодательного собрания Карелии Элиссан Шандалович. Сегодня история оккупации Карелии – это, прежде всего, история гибели мирного русского населения, осмысливаемая в рамках истории подвига. «Для нас важно говорить не только о героизме воинов, но и героизме мирного населения, которое точно так же сражалось за свою жизнь и свою Родину за колючей проволокой», – подчеркивала в одном из интервью Наталья Абрамова – автор проекта создания музея-реконструкции финского концлагеря в одном из районов Карелии³.

Кульминацией описания героического военного прошлого стала установка в 2020 г. в Петрозаводске стелы «Город воинской славы», барельефы которой описывают историю военных подвигов петрозаводчан от эпохи Петра I до победы в Великой Отечественной войне. Предложение о присвоении городу Петрозаводску почётного звания Город воинской славы впервые было озвучено в 2006 г. Однако почти 10 лет ушло на обоснование права города его получить. Особую роль здесь сыграли поисковики, чья деятельность в последние годы получает поддержку и со стороны федеральных, и со стороны республиканских властей. В горячих дискуссиях с теми, кто подверг сомнению обоснованность присвоения городу почетного звания, поисковики сосредоточились на создании образа героических защитников города в 1941 г. Новые мемориалы, открытые в результате проведенных поисковыми работ на местах боев 1941 г., получили общее название «Рубежи обороны Петрозаводска». Символично и название одного из мемориалов – Курган Славы.

¹ Нюппиева, К. (2005) 'Нас жарили в бане и травили известью', *Курьер Карелии*. 14 февр.; Возмутительная ложь, Там же.

² 'Память жертв концлагерей почтили в Петрозаводске' (2021), *Информационное агентство «Республика»*, 12 апр. URL: <http://rk.karelia.ru/politics/pamyat-zhertv-kontslagerej-pochtili-v-petrozavodske/> (дата обращения: 03.11.2021).

³ Тур, Э. (2020) 'Музей за колючей проволокой: как выглядит изнутри реконструкция финского концлагеря в Карелии', *Информационное агентство «Республика»*, 10 дек. URL: <http://rk.karelia.ru/social/muzej-za-kolyuchey-provolokoj-kak-vyglyadit-iznutri-rekonstruktsiya-finskogo-kontslagerya-v-karelii/> (дата обращения: 03.11.2021).

Тема героизма стала ключевой и в открытом в 2020 г. Музее Карельского фронта. Он находится в г. Беломорске, где с декабря 1941 г. по ноябрь 1944 г. располагался штаб Карельского фронта. Создать музей, посвященный истории Карельского фронта, в 2017 г. предложил Совет ветеранов Карелии. Эту идею поддержала Государственная комиссия по подготовке к 100-летию республики. Одобрил инициативу и президент Российской Федерации Владимир Путин. Создатели музея неоднократно подчеркивали его уникальность: «Это единственный в России музей, который рассказывает о конкретном фронте»¹. Открытие музея стало знаком признания особой роли Карельского фронта в Великой Отечественной войне.

Таким образом, анализ трансформации мемориального пространства Карелии продемонстрировал расширение как числа мнемонических акторов, так и ключевых тем для коммеморации. Если в советское время история войны в Карелии полностью встраивалась в общесоюзный нарратив, что находило отражение и в устанавливаемых памятниках, и в коммеморативных практиках, и в особенностях описания военных событий в публичном дискурсе, то уже в постсоветское время становится важным не только детальное описание военной истории, но и демонстрация особого вклада жителей Карелии в победу над врагом.

Рассказывая о войне в Карелии: анализ нарративов

Выстраивание единого повествования о событиях Великой Отечественной войны на территории Карелии сталкивается с рядом сложностей, главной среди которых, безусловно, является наличие другого противника. Как уже было отмечено, республиканские власти стараются не акцентировать внимание на участии Финляндии в военных действиях, обращаясь к более широкой формулировке – «фашистские захватчики». Тем не менее, особый опыт Карелии в войне осмысливается в публичном пространстве другими акторами политики памяти. В рамках анализа процесса формирования мемориального пространства в Карелии мы выделили несколько групп мнемонических акторов: ветеранские и поисковые организации, государственные, школьные музеи и архивы, Карельский союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей и историки-исследователи, краеведы. Анализ нарративов проводился по предложенной О. Малиновой схеме: основная идея или стержень повествования, сюжетная линия, элементы-события, вокруг которых выстраивается история, основные действующие лица, а также уроки события (Малинова и Миллер, 2021: 26).

В целом, сюжетная линия всех исследуемых нарративов похожа. Война на территории Карелии предстает через четыре ключевых события: оборона Петрозаводска 1941 г. и эвакуация мирного населения, оккупация большей части территории республики в 1941–1944 гг., Карельский фронт и деятельность партизан и подпольщиков, освобождение Петрозаводска и Карелии в 1944 г. Все акторы уделяют внимание особенностям войны в Карелии: «У нас было все по-другому, начиная от природно-климатического, ландшафтного, геополитического факторов, у нас был другой враг – финны... у нас была немного другая война» (информант 1, музейное сообщество). При этом часть информантов вписывает события Великой Отечественной войны в Карелии в более широкий исторический контекст, включающий Советско-Финляндскую войну 1939–1940 гг.²: «События Второй мировой войны – это события, в частности и Зимней войны... война началась раньше» (информант 5, архивист).

В то же время структура повествования у разных акторов не одинакова. Мы выделили два основных нарратива, представленных в публичном пространстве республики. Один из них выстраивается вокруг наличия особого противника – финнов; а другой рассматривает события на Карельском фронте как часть борьбы Советского Союза с фашистской Германией и ее союзниками. Носителями первого нарратива являются преимущественно представители организаций, чья деятельность связана с сохранением и поддержанием региональной истории: представители музейного сообщества, архивисты, историки. К этой же группе относятся члены организации малолетних узников. В свою очередь, второй нарратив транслируется акторами, вовлеченными в реализацию государственной политики памяти о войне: поисковики, представители ветеранских организаций и государственных структур по сохранению культурно-исторического наследия.

¹ Прохоров, И. (2020) 'Музей Карельского фронта', Информационное агентство «Республика», 20 окт. URL: <http://tk.karelia.ru/special-projects/vystavka-pobedy/muzej-karelskogo-fronta/> (дата обращения: 03.11.2021).

² Примечательно, что в финской историографии война 1941–1944 гг. называется «войной-продолжением», направленной на восстановление «утраченных территорий» (см., например, Kinnunen & Kivimäki, 2012).

Центральным элементом первого нарратива является память об оккупации. Информанты отмечают уникальность оккупационного режима в Карелии, базирующегося на разделении населения по национальному признаку: *«Этнический фактор, нигде его не было, нигде у немцев не было этнической опоры, а здесь она была»* (информант 1, музейное сообщество), *«финны пытались реализовать на этой территории идею Великой Финляндии»* (информант 2, историк). При этом и сама память об оккупации не является однородной. С одной стороны, подчеркивается принципиальная разница между финскими и немецкими концлагерями: *«Это были не лагеря смерти, печек не дымило»* (информант 1, музейное сообщество), а с другой – указывается и на жестокость финского оккупационного режима, приведшего к жертвам среди мирного населения: *«Геноцид был тоже на оккупированной территории Карелии... в том, что люди были собраны в концлагерях... не было достаточно продовольствия, плохие условия... тяжелая работа, принудительный труд»* (информант 2, историк).

Тема оккупации является важным элементом режима памяти в Карелии, поскольку позволяет проследить историю памяти (Langenbacher, 2003). Как уже отмечалось, на протяжении долгого времени память об оккупации находилась за рамками публичной коммеморации. Только в позднесоветское время бывшие узники концлагерей смогли заявить о своем опыте страдания, о несправедливом отношении к ним со стороны государства: *«Мы, например, в обиде, узники, на наше правительство. Даже не каждый год вспомнят, что были... все-таки три года войны. И когда просим цветы, а нам не дают – тоже укол в сердце»* (информант 6, бывший узник). Как было отмечено в одном из интервью, *«мы перестали ее (тему оккупации - авт.) стесняться. Если мы раньше говорили в основном о концентрационных лагерях, созданных немецкими оккупационными войсками, то мы стали вспоминать, что были и другие лагеря, в том числе и на территории Петрозаводска»* (информант 8, член комиссии по культурно-историческому наследию); *«мы, конечно, узники финских концлагерей, были всегда заложниками большой политики... хороших отношений с Финляндией в настоящее время, и желанием замолчать период оккупации по настоянию финской стороны»* (информант 6, бывший узник). Тем самым память об оккупации встраивается в общий нарратив о жертвах концлагерей, а война воспринимается как трагедия, которую нельзя забывать.

Второй нарратив, напротив, фокусирует внимание на военных действиях на территории Карелии, которые внесли значительный вклад в ход всей войны и которые незаслуженно, по мнению информантов, обходятся вниманием. Как было отмечено в интервью, надо говорить о победах, а не о поражениях, *«больше героизма нужно рассказывать... больше пафоса»* (информант 4, поисковик). Среди таких событий в последнее время на первый план выходит оборона Петрозаводска 1941 г., которая теперь интерпретируется не как «трагическое отступление», а как «героическая оборона»: *«это такая забытая страница истории, причем трагическая и героическая... солдаты, которые обороняли Петрозаводск, пусть и не отмечены какими-то победами, военными успехами, но тем не менее они сыграли свою роль очень важную в Великой Отечественной войне»* (информант 3, поисковик). При этом военные действия под Петрозаводском осенью 1941 г. рассматриваются как часть обороны Ленинграда, не позволившие сомкнуть второе кольцо блокады: *«Если бы нас хлопнули здесь, то войска бы сняли, и они бы пошли на Питер. То есть мы еще опосредованно приняли участие в обороне Ленинграда»* (информант 4, поисковик).

Подобные оценки созвучны концепции открывшегося в 2020 г. Музея Карельского фронта. И авторы музейной экспозиции, и наши информанты подчеркивают уникальность Карельского фронта. Известно, что он был самым продолжительным и самым стабильным на протяжении почти всей войны. Эти особенности, с одной стороны, позволили обеспечить функционирование железной дороги, по которой шли поставки в центральные районы страны полученных по ленд-лизу вооружения, техники и продовольствия, а с другой стороны, – определили особый характер военных действий. Вместо масштабных боевых столкновений в Карелии шла позиционная война, в которой активное участие принимали партизаны и *«самые такие забытые, забытая категория – подпольщики»* (информант 9, музейное сообщество): *«Весь период войны Карелия находилась в состоянии позиционной войны... у нас как пришел противник, как он укрепился, так мы и жили в этом состоянии, постоянно в состоянии войны. Не было... просвета»* (информант 10, чиновник, ответственный за охрану памятников); *«активное партизанское движение, вот эта дальняя разведка, разведгруппы, которые ходили по территории Финляндии... тоже наша специфика определенная»* (информант 5, архивист).

Примечательно, что освобождению Петрозаводска и Карелии в целом уделяется не так много внимания. Во многом это может быть связано с тем, что Свирско-Петрозаводская операция уже в советское время вписывалась в общесоюзный героический нарратив, и поэтому сейчас не требует дополнительных усилий по обоснованию ее значимости для Победы. Другими словами, в этом нарративе

ве история войны в Карелии рассматривается как неотъемлемая часть «большой войны». Информанты неоднократно подчеркивали значимость упоминаемых событий не только для Карелии, но для всего Советского Союза: *«Некоторые считают, что Карельский фронт не настолько важен. Хотя... это не так... все-таки значение Октябрьской железной дороги было неоценимым»* (информант 3, поисковик). Одновременно с этим значимость событий на территории Карелии подкрепляется отсылкой к названиям, за которыми закреплена героическая слава: *«Я ... в свое время назвал высоту 168,5 Брестской крепостью карельской. И с моей легкой руки это пошло»* (информант 4, поисковик). Такая интерпретация событий войны позволяет избегать указания на принадлежность врага. Почти все информанты используют либо слово «противник», либо принятую на официальном уровне формулировку «фашисты». Лишь в одном из интервью был использован термин «финцы», позволяющий учитывать и финнов, и немцев, которые воевали на севере Карелии.

Заключение

Проведенное исследование продемонстрировало существование фрагментированного режима памяти о Великой Отечественной войне в Карелии. С одной стороны, существует доминирующий нарратив, транслируемый региональными властями и поддерживаемый негосударственными акторами политики памяти. При этом региональная власть в данном случае выступает скорее как «мнемонический плюралист», признающий наличие разных интерпретаций исторических событий, и готовый «вести переговоры с оппонентами ... в рамках соглашения об основных принципах мнемонической политики». В то же время негосударственные акторы (ветеранские организации, поисковики) берут на себя роль «мнемонических борцов», настаивающих на признании своего видения прошлого как единственно верного. В рамках этого нарратива события в Карелии рассматриваются не просто как бои местного значения в «большой войне», но как значимая часть общего вклада в достижение великой Победы. Это закрепляется и в стратегиях коммеморации через расширения пространства памяти за счет «вспоминания» все новых имен и героев военного времени: происходит увековечивание подвигов и/или трагедии отдельных людей и групп, «несправедливо забытых» официальной риторикой (подпольщики, узники, «отступленцы»).

С другой стороны, одновременно существует и иной нарратив, выстраиваемый вокруг темы оккупации. Носители этого нарратива также представлены двумя типами акторов: «мнемонические борцы» (бывшие узники) и «мнемонические плюралисты» (представители музейного, архивного и научного сообществ). Все эти акторы обладают значительно меньшими ресурсами для поддержания темы финских концлагерей в публичном пространстве региона, в связи с чем она уходит на второй план. При этом актуализация данного нарратива зачастую обуславливается действиями федерального центра, инициирующего общероссийские проекты о войне.

Такая комбинация мнемонических акторов позволила, с одной стороны, встроить карельскую военную историю в общероссийский нарратив, сделав акцент на общепринятых трактовках событий: подвиге красноармейцев, отдавших жизнь за родину, мужестве тех, кто остался в тылу и/или перенес оккупацию. Опыт Карелии осмысливается через реинтерпретацию известных событий, в том числе через обращение к традиционным символам славы и героизма, таким, как Брестская крепость. Однако, с другой стороны, она же позволила все так же избегать упоминания другого врага, заменяя его на универсальных фашистов или противников.

Список литературы / References

- Веригин, С. Г. (2020) 'Без срока давности: преступления финских оккупантов и их пособников против мирного населения Карелии' в: Усачева, Е. В. (ред.) *Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Республика Карелия: Сборник документов*. Москва: Фонд «Связь Эпох»: Издательство «Кучково поле», сс. 19–55. [Verigin, S. G. (2020) 'Without a statute of limitations: the crimes of the Finnish invaders and their accomplices against the civilian population of Karelia' [Bez sroka давности: prestupleniya finskikh okkupantov i ikh posobnikov protiv mirnogo naseleniya Karelii] in: Usacheva, Ye. V. (ed.) *Without a statute of limitations: the crimes of the Nazis and their accomplices against civilians in the*

- occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. Republic of Karelia: Collected documents* [Bez sroka давности: prestupleniya natsistov i ikh posobnikov protiv mirnogo naseleniya na okkupirovannoy territorii RSFSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Respublika Kareliya: Sbornik dokumentov]. Moscow: Publishing house «Kuchkovo pole», pp. 19–55. (In Russ.).
- Габович, М. (ред.) (2020) *Памятник и праздник: этнография Дня Победы*. Санкт-Петербург: Нестор-История. [Gabovich, M. (ed) (2020) *Monument and Holiday: Ethnography of Victory Day* [Pamyatnik i prazdnik: etnografiya Dnya Pobedy]. St. Peterburg: Nestor-History. (In Russ.).]
- Гельман, В., Попова, Е. (2003) 'Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России' в: Гельман, В., Хопф, Т. (ред.) *Центр и региональные идентичности в России*. Санкт-Петербург: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге: Летний сад, сс. 187–254. [Gel'man, V., Popova, Ye. (2003) 'Regional political elite and the strategy of regional identity in modern Russia' [Regionalnyye politicheskiye elity i strategii regionalnoy identichnosti v sovremennoy Rossii] in: Gel'man, V., Hopf, T. (eds.) *The Center and Regional Identities in Russia* [Tsentri i regionalnyye identichnosti v Rossii]. St. Peterburg: European University in Sankt-Petersburg: Summer Garden, pp. 187–254. (In Russ.).]
- Голубев, А. В. (2010) 'Детская память о финской оккупации Карелии как пространство борьбы за историю' в: Рожков, А. Ю. (ред.) *Вторая мировая война в детских «рамках памяти»*. Краснодар: Экоинвест, сс. 93–102. [Golubev, A. V. (2010) 'Children's memory of the Finnish occupation of Karelia as a space for the struggle for history' [Detskaya pamyat' o finskoy okkupatsii Karelii kak prostranstvo bor'by za istoriyu] in: Rozhkov, A. Yu. (ed.) *World War II in the Children's "Memory Framework"* [Vtoraya mirovaya voyna v detskikh «ramkakh pamyati»]. Krasnodar: Ekoinvest, pp. 93–102. (In Russ.).]
- Голубев, А. В., Осипов, А. Ю. (ред.) (2007) *Устная история в Карелии: сборник научных статей и источников*. Вып. 3. Финская оккупация Карелии (1941–1944). Петрозаводск: Издательств о ПетрГУ. [Golubev, A. V., Osipov, A. Yu. (eds.) (2007) *Oral history in Karelia: collection of scientific articles and sources*. Issue 3. Finnish occupation of Karelia (1941–1944) [Ustnaya istoriya v Karelii: sbornik nauchnykh statey i istochnikov. Вып. 3. Finskaya okkupatsiya Karelii (1941–1944)]. Petrozavodsk: Publishing house of PetrSU. (In Russ.).]
- Малинова, О. Ю. (2018) 'Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов', *Полис. Политические исследования*, 1, сс. 9–25. [Malinova, O.Yu. 'The commemoration in Russia of the centenary of the 1917 revolution(s): analysis of strategies of the key mnemonic actors' [Kommemoratsiya stoletiya revolyutsii(y) 1917 goda v Rossii: analiz strategiy klyuchevykh mnemonicheskikh aktorov], *Polis. Political Studies*, 1, pp. 9–25, DOI: 10.17976/jpps/2018.01.02. (In Russ.).]
- Малинова, О. (2020) 'Режим памяти как инструмент анализа' в: Миллер, А. И., Ефременко, Д. В. (ред.) *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы*. Санкт-Петербург: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, сс. 26–39. [Malinova, O. (2020) 'Regime of memory as an analysis tool' [Rezhim pamyati kak instrument analiza] in: Miller, A. I., Yefremenko, D. V. (eds.) *The politics of memory in modern Russia and the countries of Eastern Europe. Actors, institutions, narratives* [Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranakh Vostochnoy Yevropy. Aktory, instituty, narratives]. St. Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg, pp. 26–39. (In Russ.).]
- Малинова, О. Ю., Миллер, А. И. (2021) 'Введение. Символическая политика и политика памяти' в: Лапин, В. В., Миллер, А. И. (ред.) *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, сс. 7–37. [Malinova, O. Yu., Miller, A. I. (2021) 'Introduction. Symbolic politics and the politics of memory' [Vvedeniye.

Simvolicheskaya politika i politika pamyati] in: Lapin, V. V., Miller A. I. (eds.) *Symbolic aspects of the politics of memory in modern Russia and Eastern Europe* [Simvolicheskiye aspekty politiki pamyati v sovremennoy Rossii i Vostochnoy Evrope]. St. Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg, pp. 7–37. (In Russ.).

Миллер, А. (2013) ‘Экспертные сообщества в политике памяти’, *Полития*, 4 (71), сс. 114–126. [Miller, A. (2013) ‘Expert communities in the politics of memory’ [Ekspertnyye soobshchestva v politike pamyati], *Politeia*, 4(71), pp. 114–126,

DOI: 10.30570/2078-5089-2013-71-4-114-126. (In Russ.)].

Морозов, К. А. (1983) *Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)*. Петрозаводск: Карелия. [Morozov, K. A. (1983) *Karelia during the Great Patriotic War* [Karelia v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941-1945)]. Petrozavodsk: Karelia. (In Russ.)].

Kinnunen, T. and Kivimäki, V. (eds.) (2012) *Finland in World War II. History, Memory, Interpretations*. Brill.

Langenbacher, E. (2003) ‘Changing Memory Regimes in Contemporary Germany?’, *German Politics & Society*, 2(67), pp. 46–68,

DOI:10.3167/104503003782353484.

Статья поступила в редакцию: 24.11.2021

Статья принята к печати: 15.01.2022

COMMEMORATION OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN KARELIA: SEARCHING FOR A PLACE IN THE «GREAT» HISTORY

E. Yu. Tsumarova, V. V. Volokhova

E. Yu. Tsumarova, PhD in Political Science, Associate Professor,
North-West Institute of Management RANEPА.

E-mail: tsumarova@gmail.com (ORCID: 0000-0001-9960-4119. ResearcherID: N-4998-2018).

V. V. Volokhova, PhD in History, Associate Professor,
Petrozavodsk State University.

E-mail: vavolokhova@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-5486-7740. ResearcherID: AAI-9392-2021).

Abstract

The article analyzes commemoration strategies of the Great Patriotic War in Karelia. Regional memory politics is considered as a “two-level game”: within the region, where different mnemonic actors interact with each other during the dominant narrative formation; and externally, where the regional narrative is correlated with federal practices and interpretations. The article analyzes the ways the unique experience of Karelia in battling with a different enemy – the Finns – is perceived in the republic’s public discourse. The empirical basis of the research is as follows: archive materials, republic media publications, and semi-structured interviews with main actors of Karelia’s memory politics. The study shows that there is a fragmented memory regime of war in Karelia. The dominant strategy of commemoration is to confirm the heroic discourse highlighting Karelia’s contribution to the Victory. The narrative is mainly shared by the veteran and search organizations supported by the regional authorities. The alternative strategy is focusing on the commemoration of the occupational regime imposed on Karelia. The main supporters of this narrative are former prisoners of Finnish concentration camps, the representatives of archives, museums, and the scientific community. However, limitations of symbolic and communicative resources don’t allow them to compete with the dominant strategy of commemoration.

Keywords: memory politics; commemoration; Karelia; Great Patriotic War; narratives.

УДК-323.14/329.18

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-1-14-21

**CHARACTERISTICS OF EXTREMIST POLITICAL IDEOLOGIES:
THE CASE OF THE SPANISH FASCIST FRONT BASTION**

C. J. I. Gonzalez

Gonzalez Cedillo Joel Ivan, Researcher International Relations and World Politics,
St.-Petersburg State University, Russia, St.-Petersburg.
E-mail: ivangzz.ced@gmail.com (ORCID: 0000-0001-8040-749X. ResearcherID: D-5975-2019).

Abstract

This work analyses the concept and characteristics of extremist political ideologies through the study of previous works on European and American far-right extremism. This analysis explores how in some societies, like the Spanish one, certain types of extremist political ideologies are tolerated. The author proposes an additional characteristic to the ones analyzed, which helps to classify and understand these ideologies and their sympathizers. This proposed characteristic is based on the use of force to impose an ideology. The case of the Spanish extremist group Bastion Front, of fascist and Francoist ideology, is analyzed through the mentioned characteristics. The discourse given by Isabel Peralta in 2021 in memory of the Blue Division in Madrid is included to demonstrate the tolerance of extremist and fascist public speeches. A review of the main characteristics and values of Spanish national-Catholicism extremist political ideology is presented, as well as those of the historical fascist party Falange, still active today. This work exposes the rhetorical use of Russia by Western fascists as a supposed leader of an illiberal system opposing the American and English order. The author concludes that extremist political ideologies like fascism are tolerated in Spanish society and the Spanish legal system today.

Keywords: Blue Division; extremism; fascism; Franco; ideology; national-socialism; Nazism; white supremacy.

The aim of this work is to identify the characteristics of extremist political ideologies – of which fascism is one of them with others like far-right, far-left, ethnic, religious or gender-based supremacy. For this I will refer to the works of Russian and foreign academics on the concept of extremist ideology and political extremism that allow us to understand the concept of extremist political ideologies. Then I review the literature on characteristics of extremist political ideologies to propose an additional characteristic that contributes to reflect more accurately how nowadays political extremists simply decide to ignore other ideological positions to later impose their own by eliminating the others' through assimilation. This is different from being intolerant as these extremists accept the existence of other political ideologies but consider they need to be complemented with theirs to lead the balance of power to their side. The previously described can be seen in Spanish fascism that today might use non-traditional sexual minorities or immigrants from Latin America when they can serve in the fight against Anglo-Saxon liberalism, Muslim immigrants and what they perceive is communism of the left.

This work focuses on Spanish fascism, among the many extremist political ideologies, for two reasons: 1) public expressions in support of fascism in Spain have become normalized with the advent of the far-right party VOX as the third political force in 2019 and with its alliance with the People's Party to govern Madrid in 2021, 2) the active internationalization of Spanish fascism in Europe as presented by VOX in the event VIVA21 organized in October 2021 in Madrid and that had guest speakers from Italy, Hungary and Poland. Though, VOX is not a fascist party, it has some political positions that are fascist like its declared ideological fight against communism and globalism, Spanish ultra-nationalism or the rejection of multinational regional identities of Spain. VOX has been presented by some as the heir of Francoist and Falangist fascism (Rodriguez, 2019), Falange being the historical party that served as an ideological tool for Franco's dictatorship and that today is active in different ways, like forming young Spaniards into their ideology. Though the party Falange Española de las JONS currently has only one seat in Andalusia, its fascist ideology is gaining popularity among the youth, presumably for the perceived inaction of VOX in key

issues like immigration from Muslim majority countries and the need for an even more nationalist political solution.

It is important to stress that fascism is only one of the different types of extremist political ideologies of the far-right, among them are white supremacy, identitarianism, paleoconservatism and white Christian conservatism (Azani et al., 2020: 17–32). The difference between fascism and other extremist political ideologies of the far-right is that the former aims to get total control of the political system through violence, though in some cases it can be done through democratic means, it rejects liberalism and the free market, it has territorial ambitions and proposes a counter-revolution that will defend the interests of the national bourgeois while protecting the workers from the ideals of achieving more equal societies in all social spheres (Agostinone-Wilson, 2020: 34–55). Other extremist ideologies of the far-right do not reject the globalist capitalist economic system they benefit from and are simply xenophobic and identitarian, they are neither interested in reorganizing culture and society as part of a revolutionary process like fascism is. Characteristics of fascist ideology can be identified in Spanish activism in public speeches and written materials, which is the reason I decided to approach this analysis focusing only on fascism as one of the many extremist political ideologies. There are also extremist political ideologies of the far-left but there is no significant political representation of this type of ideologies in the Spanish parliament, and are neither active in the construction of a social base of activists like those of the far-right.

This work assumes the hypothesis that European fascism continues to be politically active and gaining sympathizers while it is being normalized through the falsification of history by society, journalists and some European political systems like the Spanish. In this work I will try to answer the research question: is fascism an extremist political ideology tolerated in Spanish society today? I focus on three tasks to give an answer to the research question: 1) to analyze the characteristics and propositions of the Spanish extremist group Front Bastion, of fascist ideology, published by Spanish media, 2) to analyze the speech given by self-declared fascist activist Isabel Peralta, in February 2021 at a fascist event in Madrid to commemorate the Spanish soldiers of the Blue Division who fought with the Wehrmacht against the Red Army, 3) to examine a piece of the publication *The conquest of the State*, linked to Spanish fascism, where Russia is seen as the leader of an illiberal new order.

Characteristics of extremist political ideologies

Previous works have analyzed the characteristics of American extremists and terrorists of the far-right, far-left and jihadism and have demonstrated there are individual variables that match between sympathizers of these ideologies (Corrado, Davies & Doering, 2020: 6–19). Other works have explored the level of technological skills and how American and European far-right extremists use Internet forums and social media as tools to communicate anonymously, create networks and coordinate attacks (Bolden & Holt, 2014 : 80–89), as well as the posting behavior of American forums users based on pre-existing ideological beliefs that allows to understand their organization capabilities (Chermak, Freilich, Holt, 2019: 3–37). This work is dedicated to the theoretical analysis of proposed characteristics of extremist ideologies that can be political, among others, and of which fascism is one of the many. This analysis can be taken as a reference to understand what characteristics of ideological action Spanish fascism has as an extremist political ideology.

From previous research I have proposed an ideology is a “set of ideas that can either be constructed in the minds of individuals”, it is made up of cognitive concepts as well as emotions that work together to transmit a meaning, and its origin can be 1) natural – through a process of enculturation, it gives individuals the cognitive tools to understand and transform their reality or 2) artificial – through a psychological discursive practice, it is aimed at achieving gains (political, economic, social...) that serve the interests of an elite that creates it (González Cedillo, 2020: 6). Some academics have proposed a classification of ideology based on utopian preferences, which are shaped by the experiences of the individuals that affect their perceptions: ideology is 1) a way of seeing the world – giving attention to some events rather than others and then interpreting them, 2) a way of preferring the world – to desire some functions of the event over others, and 3) a way of acting in the world – to make decisions to act or not based on an event (Manzano-Arredondo, 2017: 2–3). This classification emphasizes the role of natural ideology in understanding the world while sidesteps the relevance of its artificiality in creating perceptions. Artificial ideologies have the capacity, and sometimes the aim, of turning neutral or positive perceptions into negative, false or unrealistic. When this happens, the artificial ideology becomes extremist.

Russian professor K.B. Tolkachev describes extremist ideologies as “a perverted fantastic program for overcoming an acute conflict between the interests of a certain social group and its social opponents”

(Tolkachev, 2012: 59). This approach presents a definition of extremist ideologies that indicates the ideology has been artificially created by the elites of a social group to defeat a competing group threatening the interests of the former. This academic refers to the definition of ideology as a “political, legal, religious, ethnic, esthetic or philosophical view” that allows us to understand his analysis of extremist ideologies can refer to political ideologies from the right – center – left spectrum (Tolkachev, 2012: 58).

In their work, S. Chermak, J. Freilich and A. Kerodal mention extremist beliefs or ideologies are “political ideas that are diametrically opposed to society’s core values” (Kerodala, Freilich & Chermak, 2016: 687–688). This lets us know that, according to these academics, extremist ideologies are always political because they depart from socially accepted values that position the individual in a certain category of the right – center – left spectrum. Through their work, these academics have identified the different beliefs of the American far-right extremist ideology that include xenophobia, conspiracy theories, anti-government, anti-tax, anti-gun controls, but also the different types of this American extremist political ideology like the Ku Klux Klan, Christian Identity and Neo-Nazis (Kerodala, Freilich & Chermak, 2016: 690–693).

Others like A. Krouwel and J. van Prooijen define political extremism as “the extent to which regular citizens are polarized into, and strongly identify with, generic left or right-wing ideological outlooks on society” (Krouwel & van Prooijen, 2019: 1). These academics identify the core of society’s values as the center of the political spectrum and any ideological position diverting extremely to the left or right is the expression of the extremist political ideology. They propose the ideological polarization depends on a psychological process that will make the individual move in any of the two directions from the center shaping the level of ideological consistency and thus, extremism.

From the presented definitions of political extremism and extremist ideology it can be determined that political extremism refers to the political ideologies from the political spectrum that individuals can be polarized into, and that extremist ideology is any type of social view that can be political but is not limited to it. An extremist political ideology can be of the left or right and requires an extreme departure from the center of socially accepted values. An extremist political ideology can be artificially created by groups of interests and the polarization of the individuals will involve a psychological process. In this case, Spanish fascism is an extremist political ideology of the extreme right that is being spread by politicians and activists interested in gaining political power to stop what they consider is the transformation of Spain into a communist regime dominated by multiculturalism, feminism and sexual minorities.

Extremist ideologies, including political ideologies, have different characteristics, K.B. Tolkachev has proposed six: 1) promote ideas of racial, social or national inequality where some have rights and others do not, 2) divide society in a bipolar system of the good and the evil, 3) criticize the existing social order when it benefits other social groups, 4) promote a social program to defend the extremist group and its interests, 5) simplify ideas, goals and tasks about their dogmas, 6) allow physical violence and destruction of political enemies and institutions (Tolkachev, 2012: 59–60). Simplification of ideas, polarization and the destruction of *the other* through violence are indeed some observable characteristics of extremist political ideologies but more recently it could be observed that Spanish fascists have integrated immigrants of Hispanic background and sexual minorities into their nationalist discourse, groups that are considered political enemies of Spanish fascism (Pero la luz sigue subiendo y nadie dice nada, 2021).

Russian senior lecturer V.A. Gauzhaeva considers extremist ideologies like Nazism or fascism have four characteristics as: 1) accusing society or the State of committing violence against the extremist, 2) justifying the need for violence to achieve political goals, 3) ideologizing their followers, 4) using and implementing tasks that commit sympathizers to the ideology (Gauzhaeva, 2016: 53–55). The exchange of accusations between the State – that delimits who is an extremist as per its laws – and the extremist that may lead to the use of violence by both parties, as well as the use of ideology to ensure loyalty among sympathizers are also characteristics of extremist political ideologies, as proposed by this academic, but still cannot describe the integration of some political enemies into Spanish fascism today.

Finally, A. Krouwel and J. van Prooijen propose four psychological features of political (ideological) extremism: 1) psychological distress – stresses the search of meaningful life purposes, 2) cognitive simplicity – presents a reductionist perception of the world, 3) overconfidence – belief of superiority in their overconfident simplifications of the world, 4) intolerance – inferiorization of other groups and opinions (Krouwel & van Prooijen, 2019: 2–4). The first three characteristics lead the individual to create an ideological consistency that will only validate the own accepted ideological Truth, and according to these academics, will make the individual intolerant to other ideological positions.

The intolerant does not want *the other* to exist and avoids any interaction, but as explored previously, Spanish fascism has incorporated some of its political enemies to their fight against communism stepping

over their traditional intolerance. This is the reason I consider an additional characteristic can be proposed for extremist political ideologies: 1) the forced acceptance of the perceived Truth on *the other*. This characteristic could explain the elimination of competing ideologies by non-violent means like propaganda on social media or political discourses to force *the other* to accept they must join the fight of the extremist to avoid the worst of two evils. In their fight against socialist policies shaped by feminism and pro-immigration of the government, Spanish fascists have presented these very policies as dangerous for women, sexual minorities and Latin American immigrants as they supposedly welcome Muslim immigrants capable of attacking the first two groups. The third group is forced to accept the Truth of Spanish fascists by presenting socialist policies as pure communism like the Cuban or Venezuelan systems, known to Latin Americans. Spanish fascism then presents a model in which gender equality, sexual identities and immigrants can exist but whose ideologies must be complemented within fascism to secure the existence of order.

Spanish fascist activism today

There is a good amount of works that describe the characteristics of extremist political ideologies in Europe, especially German, Italian and Spanish fascism. Among some of these works, Russian academics have analyzed the origins, differences and characteristics of these three types of fascism (Derevjanko, 2016: 43–46, Koval', 2013: 83–85, Nastusevich, 2020: 107), while other foreign contributions on Italian fascism allow us to understand its proposition as a “third way” solution to the crisis of capitalism, apart from capitalism and communism (Nel'e, 2010: 115–117). One of the definitions of fascism describes the ideology as “the most reactionary type of capitalism that uses the cruelest forms of slavery of men” that is founded on the desire of “the conformist workers to receive crumbs from the employers, at the time workers of other ethnicities are enslaved” (Buzgalin, 2020: 109–111), which emphasizes the classist and racist character of the bourgeois elites that employ this ideology to convince workers the threats of socialist or communist policies to their interests are also a threat to those of the workers. German, Italian and Spanish fascism were the reaction to the advance of Communism in Europe that created corporatist States to protect the economic interests of the elites while preventing proletarian revolutions. The enemies of fascism were Marxists, Communists, liberals, democrats, and Jews.

The fascist regime of Spain lasted from 1939 to 1975, known as Francoism, and whose leader was Francisco Franco. The central ideology of Francoism was national – Catholicism, in theory, it promoted the politicized concept of Hispanidad or the unity of previous Spanish colonial territories under a common shared identity under the power of Madrid and the Catholic Church (Koval', 2013: 83–85). Spanish nationalist – Catholics believed they have been chosen by God to christianize the world, that their religious values should define culture, social life and politics, and some were ready to die for the Church and the nation (Nastusevich, 2020: 107). The ideology of national – Catholicism is still alive today in Spain and shares similarities with other religious extremist ideologies like that of American far-right Evangelicals or Christianists (Gonzalez Cedillo, 2019: 97–98). National – Catholicism is still today anti-republican, anticommunist and monarchist. The fascist political parties Falange (still active today after being refounded in 1999) and JONS considered the multi-ethnicity of Spain would lead to separatism so the solution was to destroy the party system, fight the leftist revolutionary movements, and create a totalitarian regime to promote national unity so they gave their support to Franco (Konjaev, 2013: 50).

In his fight against Spanish republicanism in the Civil war, Franco requested military help from Mussolini and Hitler which he received in 1936. Continuous requests from Franco increased the Spanish debt to the Reich which demanded commitment, so in 1941 Francoist regime sent the Blue Division to the East front (Orehova, 2014: 107). The battalion had initially over 20,000 volunteers which doubled by 1943, they participated in battles against the Red Army in Novgorod, Krasny Bor and the siege of Leningrad. The Division was made mostly of Spaniards who supported Franco's fascist regime and saw the opportunity to continue the fight against communism they started in the Civil War, though there were also “white” Russian emigrants who joined the Division to avenge their defeat in the Revolution and to “liberate” Russia from communism (Kovaljov, 2013: 105–108).

Franco's fascist regime ended but its sympathizers are still numerous in Spain and continue to identify as anticommunist, fascist, nationalist – Catholics who defend the traditional family and family values, oppose feminist ideology and the rights of non-traditional sexual minorities. These nationalist – Catholics also oppose immigration from non-Christian non-European countries, for some immigration from Latin America is tolerated based on the ideology of Hispanidad.

The Bastion Front is a fascist group created during the pandemic in Madrid in May 2020, its members are between fifteen to thirty years old, it is claimed it has around 100 members, has local representation in Sevilla and Extremadura, its members oppose the acceptance and settlement of unaccompanied migrant minors from North Africa (whom they falsely accuse of raping Spanish women); the group joined other extremists in a hunt for minor migrants in Madrid in 2020 (Casal, 2021). Isabel Peralta, of eighteen years old, is one of the members of the Bastion Front, in the event in memory of the battle of Krasny Bor and the Blue Division in February 13th 2021, at the Almudena cemetery in Madrid, organized by neo-Nazi groups and the historical fascist party Falange, I. Peralta gave the following speech: «It is our supreme obligation to fight for Spain, to fight for Europe, now weak and liquidated by the enemy. The enemy will always be the same, although with different masks: the Jew. Because nothing is more certain than this statement. The Jew is the culprit and the Blue Division fought for it» (Téllez, 2021).

I. Peralta is a self-declared fascist, racist, sympathizer of Falange and a national-socialist who “fell in love with fascism” at the age of thirteen, she is the daughter of a Spanish right-wing politician (Téllez, 2021). The Falange party was founded in 1934 as Falange Española de las JONS and supported Franco’s regime, it was refounded in 1976 as Falange Española de las JONS, then in 1999 it split into two: La Falange and FE-JONS. On their website, Falange claims the Soviet Union tried to “sovietize” the second Spanish Republic, the burning of churches, robberies, strikes, and murders of falanagists were carried out by socialists and radical leftists after the 1936 elections where the Popular Front party won – party dominated by radicals from the Spanish Socialist Worker's Party (PSOE) and the Spanish Communist Party (PCE) (*Historia*, Falange). The party claims the leader of La Falange Española Jose Antonio Primo offered to mediate between the left and the right fighting in the Civil War, then gave its support to the right, but was later used by Franco to achieve his political goals (*Historia*, Falange). The values of the party today are anti-capitalism, social conservatism, Spanish nationalism, national-syndicalism, opposition to the recognition of the Spanish multi-ethnicity as it might lead to separatism, international Hispanidad to counter Anglo-Saxon dominance, anti-monarchical, Catholicity, anti-immigration (mostly of non-Hispanics), among others (*Historia*, Falange).

The above mentioned ideological values of Falange meet the first five characteristics of extremist political ideologies proposed by K.B. Tolkachev, as Falange proposes people can be prioritized based on Spanish ethnic and historical characteristics; capitalists and socialists, are on the “evil” side; criticizes the social order in Spain that benefits the autonomous regions and minorities; proposes its own program to defend its extremist interests and simplifies its propositions and ideas of a historic Spain that is very unlikely to become as powerful and influential as it once was. Of the characteristics proposed by V.A. Gauzhaeva Falange meets the first three as in its description accuses the Republican government of murdering its sympathizers in the 30’s and justify the reactionary response while today ideologizes its followers through discourses and events like the one mentioned at the Almudena cemetery. Of the features proposed by A. Krouwel and J. van Prooijen, Falange meets all four as it stresses that only through its program Spaniards will give Spain a secured existence threaten today by different factors; it reduces the complexity of political issues to a confrontation against the Jews, communists, socialists, the left; based on this simplification they believe their “third option” is superior to the right and the left, and are intolerant to other political ideologies, especially against socialism.

The ideological positions of Falange also match the proposed characteristic in this work as they recognize the existence of an all-Spanish identity and culture, as well as sexual minorities and immigration that its ideologues force onto *the others* with the intention to complement them and gain power through them. Bastion Front and their leader I. Peralta are intolerant towards Muslim immigrants specially, but sources do not mention much about their level of acceptance of Hispanic immigrants though their major preoccupation is the loss of Spanish culture – which may include Latin American immigrants. Bastion Front and I. Peralta as sympathizers of Falange follow the same ideological positions of the party.

Conclusion

Based on the description of the ideology of Bastion Front, it can be concluded that this is a group that holds the extremist political ideology of Falangist fascism. As a reminder of Mussolini’s fascists and their methods of political intimidation, the Bastion Front intercepted Pablo Iglesias in March 2021 when he was campaigning in Madrid. Events like this demonstrate the Bastion Front is more of a hit group of the far-right than a political organization. The Bastion Front is an extremist political ideological group of young national-socialist Spaniards who participate in events organized together with other local fascist groups, some of its members share the extremist political ideology of the fascist party Falange – a historical tool used

by Franco to make his dictatorship work. I. Peralta, as a member and the public face of Bastion Front, holds to the same extremist political ideology of the group and is a self-declared fascist. On the same week I. Peralta praised fascism publicly, Pablo Hasel, a Catalan communist activist and rap singer, was taken to prison for his songs that criticize the eccentricities, corruption and usefulness of the Spanish royal family.

Some Spanish media have written about the Blue Division as heroic, regardless of having fought for the Wehrmacht and the Nazi regime (Cervera, 2015). This could be contributing to the positive perception of the Francoist fascist regime. Exalting the role of the Blue Division as I. Peralta did through the falsification of history sums to the contribution of media. The ideology of National-Catholicism is a tool of Spanish fascism of Falange, though some of its core ideas contradict each other - Falange is anti-monarchist, National-Catholicism not. However, National-Catholicism seems to impose over anti-monarchical Falangist national-socialism among far-right Spanish groups that still today consider they are in a global fight against international communism. This work evidences how in the Spanish legal system anti-monarchical discourse is punishable while exalting fascism and ethnic supremacy can be tolerated and considered a political alternative that can be voted in democratic elections.

The characteristics of extremist political ideologies presented in this work can serve as a tool to understand how these ideologies act to achieve their aim of political gains through manipulation. In the struggle for power some extremists have adapted their discourse to include individuals with some ideological differences but who can find middle positions in the political proposition of extremists that make them feel protected. This adaptation has been observed in Spanish fascism and the far-right, but is not limited to these ideological groups or society and more research of different groups and geographies is recommended.

Список литературы / References

- Бузгалин, А. В. (2020) 'Только Социализм Может Победить Фашизм', *Альтернативы*, 2, сс. 106–113. [Buzgalin, A. V. (2020) 'Only socialism can defeat fascism' [Tol'ko sotsializm mozhet pobedit fashizm], *Alternatives*, 2, pp. 106–113. (In Russ.)]. DOI: 10.5281/zenodo.3757963.
- Гаужаева, В. А. (2016) 'Понятие идеологии экстремизма', *Пробелы в российском законодательстве*, 2, сс. 53–55. [Gauzhaeva, V. A. (2016) 'The concept of extremist ideology' [Ponjatie ideologii ekstremizma], *Gaps in Russian legislation*, 2, pp. 53–55. (In Russ.)].
- Деревянко, О. Г. (2016) 'Характеристика Фашизма как Политико-Правового Учения', *Вестник Международного юридического института*, 57 (2), сс. 42–59. [Derevjanko, O. G. (2016) 'Characteristics of Fascism as a Political and Legal Doctrine' [Harakteristika Fashizma kak Politiko-Pravovogo Uchenija], *Bulletin of the International Law Institute*, 57 (2), pp. 42–59. (In Russ.)].
- Ковалёв, Б. (2013) 'На службе у Франко', *Родина*, 4, сс. 105–109. [Koval'ov, B. (2013) 'At the service of Franco' [Na sluzhbe u Franko], *Homeland*, 4, pp. 105–109. (In Russ.)].
- Коваль, Т. Б. (2013) 'Уроки истории: испанский национал-католицизм', *Иберо-американские тетради*, 1 (1), сс. 82–91. [Koval', T. B. (2013) 'Lessons from history: Spanish national-Catholicism' [Uroki istorii: ispanskij nacional-katolicizm], *Iberoamerican notebooks*, 1(1), pp. 82–91. (In Russ.)].
- Коняев, Р. В. (2013) 'Националистические Доктрины в Испанском Фашизме: Общие и Особенные Черты', *Педагогическое образование на Алтае*, 2, сс. 49–51. [Konjaev, R. V. (2013) 'Nationalist Doctrines in Spanish Fascism: General and Special Traits' [Nacionalisticheskie Doktriny v Ispanskom Fashizme: Obshhie i Osobennye Cherty], *Pedagogical education in Altai*, 2, pp. 49–51. (In Russ.)].
- Настусевич, В. И. (2020) 'Испанский Национал-Католицизм: Краткий Обзор Идеологии', *Религия и общество*, сс. 106–108. [Nastusevich, V. I. (2020) 'Spanish National-Catholicism: A Brief Overview of Ideology' [Ispanskij Nacional-Katolicizm: Kratkij Obzor Ideologii], *Religion and society*, pp. 106–108. (In Russ.)].
- Нелье, П. (2010) 'Революция на экспорт: Фашизм – от европейского призыва к мировым амбициям', *Известия Уральского государственного университета: серия 1: проблемы образования, науки и культуры*, 75 (2), сс. 113–119. [Nel'e,

- P. (2010) 'Revolution for Export: Fascism – from a European Call to World Ambitions' [Revolucija na jeksport: Fashizm – ot evropejskogo prizyva k mirovym ambicijam], *Izvestia of the Ural State University: Series I: Problems of Education, Science and Culture*, 75(2), pp. 113–119. (In Russ.).
- Орехова, М. С. (2014) 'Франко и Гитлер: отношения двух диктаторов в 1936–1943 гг.', *Теория и практика общественного развития*, 10, сс. 106-109. [Orehova, M.S. (2014) 'Franco and Hitler: Relations between Two Dictators in 1936–1943' [Franko i Gitler: otnosheniya dvuh diktatorov v 1936–1943 gg.], *Theory and Practice of Social Development*, 10, pp. 106–109. (In Russ.)].
- Толкачев, К. Б. (2012) 'К вопросу о сущности идеологии экстремизма', *Вестник ВЭГУ*, 58 (2), сс. 56–60. [Tolkachev, K. B. (2012) 'On the essence of the ideology of extremism' [K voprosu o sushhnosti ideologii ekstremizma], *Bulletin of VEGU*, 58(2), pp. 56–60. (In Russ.)].
- Agostinone-Wilson, F. (2020) *Fascism and Right-wing populism: similarities, differences and New Organizational Forms. Enough already! A socialist feminist response to the re-emergence of Right wing populism and fascism in media*. Brill, pp. 31–60.
- Azani, E., et als. (2020) 'The Development and characterization of far-right ideologues', *International Institute for Counter Terrorism (ICT)*, pp. 13–36.
- Bolden, M., Holt, T. (2014) 'Technological Skills of White Supremacists in an Online Forum: A Qualitative Examination', *International Journal of Cyber Criminology*, 8(2), pp. 79–93.
- Casal, L. (2021) Bastión Frontal, el grupo de la musa del falangismo Peralta, tras el escache a Iglesias en Coslada. El Español. 31.03.2021. URL: https://www.elpañol.com/reportajes/20210331/bastion-frontal-falangismo-peralta-escache-iglesias-coslada/569944344_0.html (visited 25.07.2021).
- Cervera, C. (2015) La última batalla de la División Azul, los «andrajosos» e impávidos de Krasni Bor. ABC. 14.02.2015. URL: <https://www.abc.es/historia-militar/20150213/abci-batalla-krasni-division-azul-201502122059.html> (visited 26.07.2021).
- Chermak, S., Freilich, J., Holt, T. (2019) *An Assessment of Extremist Groups Use of Web Forums, Social Media, and Technology to Enculturate and Radicalize Individuals to Violence*. Washington, D.C.: National Institute of Justice, 46 p.
- Chermak, S., Freilich, J., Kerodala, A. (2016) 'Commitment to Extremist Ideology: Using Factor Analysis to Move beyond Binary Measures of Extremism', *Studies In Conflict & Terrorism*, 39 (7–8), pp. 687–711. DOI: 10.1080/1057610X.2016.1141012.
- Corrado, R., Davies, G., Doering, S. (2020) 'Reconceptualizing ideology and extremism: toward an empirically-based typology, studies in conflict & terrorism', *Studies In Conflict & Terrorism*, pp. 1–25. DOI: 10.1080/1057610X.2020.1793452.
- Dos modelos para el siglo XXI (2021) 'La conquista del Estado', *Número 72*, 14 p. URL: <https://laconquistadestadoxxi.files.wordpress.com/2021/07/lcden72.pdf> (visited 25.07.2021).
- Historia. Falange. URL: <http://Falange.es>.
- Gonzalez Cedillo J. I. (2020) 'From ideology to hate speech and the problem of Euro-American white supremacist extremism', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 14 (4), pp. 5–13. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-4-5-13.
- Gonzalez Cedillo, J. I. (2019) 'Religious Extremism: The Use of Western Christianity as an Element of White Supremacism', *Religious studies*, 4, сс. 96–101. DOI: <http://dx.doi.org/10.22250/2072-8662.2019.4.96-101>.
- Krouwel, A., van Prooijen, J. (2019) 'Psychological Features of Extreme Political Ideologies', *Current Directions in Psychological Science*, pp. 1–5. DOI: 10.1177/0963721418817755.
- Manzano-Arrondo, V. (2017) 'Ideología y aversión ideológica', *Revista Internacional de Sociología*, 75 (3), pp. 1–15. DOI: 10.3989/ris.2017.75.3.15.117.
- Pero la luz sigue subiendo y nadie dice nada. (2021) 'La conquista del Estado', *Número 81*. 11 p. URL: <https://laconquista delestadoxxi.files.wordpress.com/2021/09/lcde-n81.pdf> (visited 10.11.2021).
- Rodríguez, C. (2019) VOX, los herederos de la falange española. El Diario. 10.11.2019. URL: <https://www.eldiario.es/canariasahora/canarias-opina/vox-herederos-falange->

espanola_132_1262045.html (visited 06.11.2021).

Télliez, B. (2021) Así es Isabel Peralta: la joven fascista hija de un exedil del PP.

Vozpopuli. 17.02.2021. URL:

<https://www.vozpopuli.com/dolcevida/qui-en-es-isabel-peralta-fascista-video.html> (visited 25.07.2021).

Статья поступила в редакцию: 03.09.2021

Статья поступила в редакцию повторно после доработки: 29.11.2021

Статья принята к печати: 15.01.2022

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ: СЛУЧАЙ ИСПАНСКОГО ПЕРЕДНЕГО БАСТИОНА

С. Гонсалес

Гонсалес Седилло Хоел Иван, исследователь,
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: ivangzz.ced@gmail.com (ORCID: 0000-0001-8040-749X. ResearcherID: D-5975-2019).

Аннотация

Анализируются понятие и характеристики экстремистских политических идеологий на основе изучения предыдущих работ о европейском и американском крайне правом экстремизме, а также соответствующих определений. Данный анализ показывает, как некоторые общества, например, испанское, терпимы к некоторым типам экстремистских политических идеологий. Автор предлагает дополнительную характеристику экстремистских политических идеологий, которая помогает классифицировать и понимать эти идеологии и их сторонников. Предлагаемая характеристика основана на применении силы с целью навязать определенную идеологию. Пример испанской экстремистской группировки Бастион Фронт, фашистской и франкистской идеологии, анализируется по указанным характеристикам. Анализ дискурса, произнесенный Изабель Перальта в 2021 г., в память о Голубой дивизии в Мадриде, включается, с целью продемонстрировать терпимость к публичным выступлениям экстремистов и фашистов в Испании. Часть публикации «Завоевание государства», связанная с И. Перальтой и Бастионным фронтом, также анализируется с целью разоблачения их политической экстремистской идеологии. Представляется обзор основных характеристик и ценностей экстремистской политической идеологии испанского национал-католицизма, а также исторической фашистской партии Фаланга, действующей до сегодняшнего дня. Данная работа разоблачает риторическое использование России западными фашистами в качестве предполагаемого лидера нелиберальной системы, противостоящей американскому и английскому порядку. Автор приходит к выводу, что экстремистские политические идеологии, такие как фашизм, терпимы в современном испанском обществе и в данной правовой системе.

Ключевые слова: Голубая дивизия; экстремизм; фашизм; Франко; идеология; национал-социализм; нацизм; белый супремасизм.

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-1-22-30

**“МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ”:
ИДЕЯ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ**

Н. А. Зарипов

Зарипов Никита Андреевич, бакалавр IV курса по направлению «Политология»,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: zaripovnikita139@gmail.com (ORCID: 0000-0003-4834-4665).

Аннотация*

Предложена систематизация современной академической дискуссии о сущностных элементах идеи белорусской нации. В рамках проведенного анализа автор выделяет “смысловые корзины”, на основании которых разделяет текущую полемику на теоретические школы и тематические кластеры. Обозначенные смысловые корзины выделены на основании отношения к языковому вопросу и культуре, истории и исторической памяти, сущностной интерпретации белорусской нации, территории и суверенитету. Автор приходит к выводу, что текущая академическая дискуссия по рассматриваемому вопросу представлена тремя теоретическими школами – нативистами, “московским проектом” и неоконструктивистами. Нативисты подчеркивают значимость этнического элемента в белорусской нации, включающего в себя первичность этнических традиций, культуры, особую роль белорусского языка, а также период сосуществования в Княжестве Литовском и краткосрочном проекте Белорусской Народной Республики как период “золотого века” белорусов. Фундаментом “московского проекта” выступает идеология панславизма с отношением к сложившемуся пространству билингвизма как к естественному состоянию белорусов, чья культура во многом похожа на русскую и украинскую, а также советский период истории с бесценным опытом государственного строительства. Наконец, концепцией “третьего пути” выступает неоконструктивизм, идеи которого сводятся к построению белорусской нации как гражданской – свободной от этничности, идеологии и не обремененной историческим прошлым. Сконструированная теоретическая рамка позволяет провести анализ национальной политики Республики Беларусь, а также подходов к определению “белорусской нации” в общественной дискуссии.

Ключевые слова: нация; нациестроительство; национальная идентичность; белорусская нация; Беларусь.

Истоки “белорусского вопроса” в постсоветский период

Распад Советского Союза и возникновение ряда независимых государств и непризнанных территорий запустили новый виток национального строительства. Потребность в развитии независимых национальных проектов была обусловлена стремлением политических элит обеспечить выживаемость собственных режимов и укрепить суверенность новообразованных государств в целом (Anderson, 2006). Данный процесс стал не только серьезным вызовом для лидеров постсоветских государств, но и задал вектор большой общественной дискуссии относительно составных элементов, из которых должны строиться независимые нации. С одной стороны, советский опыт нациестроительства все еще оставался одним из ведущих теоретических оснований, претендовавших на статус “фундамента” отдельной нации как части исторической общности – “советского народа”, о чем было заявлено на XXIV съезде КПСС. С другой – бурный рост переживали националистические движения, характер которых варьировался как в рамках всего постсоветского пространства, так и на страновом уровне.

Спустя тридцать лет с момента распада Советского Союза можно сказать, что постсоветским государствам с разной степенью успешности удается подвергать рефлексии и последовательно реа-

© Зарипов Н. А., 2022

* Статья написана по результатам исследования, проведенного в рамках курсового проекта по теме: Трансформация идеи белорусской нации в риторике Александра Лукашенко в период с 2000 по 2020 гг.

лизировать национальные проекты. Примечателен опыт Беларуси, где процесс нациестроительства, по сути, оказался заморожен на советском этапе развития, а впоследствии перешел в “спящий” формат. Сложность нациестроительства в Беларуси также можно объяснить спецификой вектора, выбранного президентом А. Г. Лукашенко. «Выдавлив» белорусских националистов на политическую периферию, он не предложил целостной альтернативы в понимании белорусской нации: в зависимости от конъюнктуры, как внешней, так и внутренней, президент Беларуси отстраивает свое видение то от позднего советского периода, то от эпохи балто-славянских племен. Немаловажную роль играют и специфические процессы ценностной трансформации в белорусском обществе. В частности, Я. Шимов указывает на “парадокс белорусской идентичности”. Вместо борьбы за политические свободы население выбрало социальную и экономическую стабильность; вместо возрождения национальной (этнической) культуры был выбран путь безразличия к определению культуры в принципе и позиционирования себя как “белорусов, говорящих на русском языке” (Shimov, 2006: 41). Неоднозначную реакцию встретило и проникновение в генезис современных ценностей белорусской идентичности идей общеевропейской нации (Титаренко, 2006).

Вместе с тем запрос на нациестроительство как часть государственного строительства Республики Беларусь, а также протекающие в стране социальные процессы актуализировали полемику вокруг вопроса “кто такой белорус?” не только в среде политических дебатов и выступлений политиков, но и в академической дискуссии. Ценность последней заключается в разработке концептуальной рамки определения белорусской нации, а также связанной с ней интерпретацией исторического прошлого. Однако здесь возникает проблема, связанная с отсутствием линий “демаркации” между основными направлениями осмысления белорусской нации. Вследствие этого дискуссия оказывается несистематизированной, и это является одной из причин ее низкой эффективности. Все это порождает целый ряд вопросов. Существуют ли компромиссы между школами по определенным проблемам? К каким основным историческим периодам “самобытности” белорусов прибегают стороны дискуссии? Наконец, как с ответом на данные вопросы соотносятся позиции теоретиков о природе белорусской нации? Несистематизированность академической дискуссии затрудняет и анализ государственной политики в области нациестроительства в Республике Беларусь. Настоящая статья направлена на систематизацию современной академической дискуссии о сущностных элементах идеи белорусской нации и определение границ между теоретическими школами по вопросу ее определения. Для достижения поставленной цели выделяются основные кластеры, раскладывающие конструкт “нации” на составляющие элементы.

Определение “смысловых корзин”

Тема национального строительства в Беларуси анализируется с точки зрения нескольких аспектов. В основе концепции лежит подход, разработанный Т. Мартином в ходе изучения политики коренизации в Советском Союзе (Мартин, 2011). Возможность разложения нации на составные части обусловлена спецификой подхода, применяемого к ее осмыслению в настоящей статье. В рамках исследования была использована преимущественно конструктивистская трактовка, согласно которой рассматриваемый феномен представляет собой социальный конструкт, “*миф*, – по выражению И. Валлерстайна, – *основная роль в создании которого принадлежит государству*” (Wallerstein, 2011: 139–140).

Б. Андерсон отмечал, что нация обладает совокупностью характеристик, которые представляют собой квинтэссенцию отдельного общества. Данные характеристики легли в основу так называемых “смысловых корзин” исследования (Anderson, 2006: 46–49). Одной из них является отношение к сущностной интерпретации белорусской нации. Э. Хобсбаум определил принцип, согласно которому “*политические и национальные [этнические, – прим.авт.] образования должны совпадать*” (Хобсбаум, 1998: 20). Однако существующие попытки определить белорусскую нацию выходят за рамки данного принципа. В связи с этим наиболее подходящим путем преодоления редуцированной интерпретации понятия *нация* является разделение последней на гражданский (обусловленный наличием гражданства как фактом принадлежности к нации) и этнический (обусловленный принадлежностью к определенному этносу) подходы (Greenfeld, 2007).

Следующая “смысловая корзина” связана с ролью культуры и использованием белорусского языка. Национальный язык представляет собой корпоративный политический проект, который связан с интересами отдельных социальных групп (Garova, 2017). В свою очередь, важность культуры связана с ее существенной ролью как в формировании ценностной картины мира человека, так и влиянии-

ем на проведение государственной политики, на что указывают исследования Л. Харрисона (Harrison, 2012).

Определенную ценность представляет анализ отношения к истории и интерпретации ее роли в становлении белорусской нации. Предполагается, что каждая школа в процессе осмысления исторического прошлого белорусов конструирует собственные нарративы, связанные с выделением конкретного исторического периода как наиболее ценного. Соперничество подобных нарративов за право доминирования в историческом дискурсе порождает феномен “конкурирующих мифов”, что и является причиной значимости данного элемента в рамках анализа (Ачкасов, 2013).

Последняя “смысловая корзина” – отношение к территории и суверенитету. Ее фундаментом является преимущественно внешняя политика, которая может быть основана на общем историческом прошлом, а также иных нарративах. История становления Республики Беларусь, а также многочисленные национальные проекты (такие, как автономия в рамках Возрожденной Речи Посполитой (1860-е гг.), Белорусская Социалистическая Громада (1902–1915 гг.), Белорусский народный фронт “Возрождение” (с 1988 г.)) представляют собой одни из определяющих будущее территории и суверенитета Республики элементов академической дискуссии.

Нативисты

Конец XX в. ознаменовался ростом интереса к рефлексии феномена белорусской нации. Одними из первых попытку осмыслить поставленные вопросы совершают представители нативистского или “роевропейского” проекта (В. Булгаков, И. Бабков, А. Дынько) (Ioffe, 2015). Данный подход во многом ориентирован на продолжение развития идей, предложенных белорусскими националистами конца XIX–начала XX вв. (М. О. Коялович, В. С. Калиновский и другие). Он рассматривает характеристику белорусской культуры, в первую очередь, как этнической. Особое отношение у представителей нативистского подхода к языкам славянской группы предполагает “чуждость” русского языка для белорусов (Ioffe, 2015: 20).

Более того, обращаясь к интерпретации понятия “нация” в рамках данного подхода, теоретики преимущественно ставят акцент на “этнической белорусскости” как ключевом факторе идентичности. В этой связи особую популярность обрела концепция “белорусской автохтонности” М. В. Довнар-Запольского, согласно которой белорусы представляют собой наиболее этнически чистый славянский народ, что является основательным отличием его от украинцев и русских (Довнар-Запольский, 2014). Менее радикальные нативисты ограничиваются отношением к белорусскому языку как к единственно “родному” (Филюшкин, 2016).

Белорусская культура в трактовке представителей настоящей школы носит характер этнической. М. Рогава определила следующие компоненты этно-символической репрезентации белорусской идентичности: национальный орнамент, национальная одежда (например, слущкий пояс), национальная кухня, национальные праздники (Дзяды (День Всех Усопших), Купалла), фестивали, национальные герои (Rohava, 2018). Последние связаны как с средневековым периодом истории (например, Ефросинья Полоцкая), так и с Новым Временем и периодом борьбы за независимость белорусского государства как “государства этнических белорусов” – таких как М.О. Коялович, братья Луцкевичи (Титаренко, 2006: 37–40).

Нативисты обращаются к исторической памяти белорусов как народа, почти всю свою историю находившегося в подчинении. Например, М. В. Довнар-Запольский считает, что Речь Посполитая представляет собой результат кабальной сделки между Польшей и ослабевшего из-за войн Великого Княжества Литовского. Возникновение нового государственного образования привело к обретению белорусами статуса народа, находящегося в подчинении польской шляхте (Довнар-Запольский, 2014). Аналогично нативисты относятся и к Российскому / Советскому государству, обозначая его как, по выражению З. Позняка, “врага в цивилизационной войне”. В качестве союзников в нативистском историческом проекте выступают аналогичные идейные течения в Литве. «Сожительство» с литовцами, по выражению В. Ракицкого, представляет собой время “Старожитной Руси” (Rakicki, 2010). Логичным следствием является то, что периодом начала белорусской истории среди представителей рассматриваемой школы принято считать Полоцкое княжество. Идея “полоцкого мифа” как альтернативы Киевской Руси нашла обоснование в середине XIX в. в трудах И. Турчиновича и И. Кулаковского. После образования белорусского государства в 1991 г. представленная трактовка прошлого стала катализатором рефлексии по белорусской истории. Так, В. Орлов продолжил критику единства славянских народов, обосновав при этом альтернативную идею белорусов, украинцев и рус-

ских как независимых народов. По мнению исследователя, Полоцк в данном случае исполняет роль “государственного центра” Беларуси по аналогии с Украиной и Киевом: “Здесь была третья Святая София восточнославянского мира (кроме киевской и новгородской)” (Orlov, 2006).

Еще одной выделяемой натовистами ключевой частью истории является период существования Белорусской Народной Республики как независимого национального государства белорусов. Особую популярность среди личностей имеют руководители национального движения – Калиновский, Луцкевич и другие националисты, призывавшие к установлению белорусской государственности. К слову, они обвиняют представителей других подходов в неестественном принижении роли истории белорусов до Великой Октябрьской Революции 1917 г. Сам советский период истории натовисты рассматривают как “эру национального угнетения и советской колонизации” (Rakicki, 2010: 20). Несмотря на развитие институтов государственности, жертва, которую понес белорусский народ, была слишком велика.

Наконец, представители натовистского подхода к белорусской нации ориентированы преимущественно на “европейскую семью”, что выражается в более детальном анализе истории взаимодействия белорусов с европейскими государствами (Rohava, 2018). Основные положения натовистской школы суммированы в табл. 1.

Таблица 1

Основные положения натовистской школы в интерпретации белорусской нации

1. Интерпретация понятия нация	Преимущественно примордиалистский подход и постулирование белорусской автохтонности, белорусского народа как отличного и независимого от русского и украинского
2. Роль культуры и языка	
Культура	Характеристика культуры как имеющей преимущественно этническую окраску, выраженную, например, в тысячелетних традициях, а также национальных героях, праздниках и одежде
Язык	Белорусский язык определяет “особость” белорусской нации, а также придает последней свойство небольшой нации “европейского” образца
3. Ключевые моменты, связанные с историей и исторической памятью	
Период истории	Обращение к средневековому дискурсу, которое сопровождается позиционированием белорусов как народа, находившегося в постоянном подчинении, скептическое отношение к истории взаимодействия с Российским государством и Польшей; обращение к периодам Полоцкого княжества и Белорусской Народной Республики
Войны	Отношение к войнам с участием белорусов как к “проводимыми между внешними силами, но абсолютно ненужными белорусам, которые стали их жертвами”
4. Отношение к территории и суверенитету	Регулярная артикуляция положительного исторического опыта «сожительства» со странами “европейской семьи”; советские институты государственности не оправдали культурные и людские потери, которые понес белорусский народ

“Московский проект”

Другим проектом нациестроительства стала идея, которая в дальнейшем обрела статус “парадокса белорусской идентичности”. Несмотря на появление первых национальных движений еще в период перестройки, они не обрели широкую поддержку среди населения. Одна из причин этого – наиболее высокий уровень самоидентификации населения БССР как граждан Советского Союза. По данным ВЦИОМ на март 1991 г. доля тех, кто идентифицировал себя как “советские люди”, составляла 69% от опрошенных (ВЦИОМ, б.д.). Это подтверждают и результаты голосования на референдуме 17 марта 1991 г.: за сохранение СССР в обновленном виде выступили 82,7% принявших участие граждан БССР. “Советский” тип идентичности, включающий в себя патриотизм в отношении великой державы и уважением труда и трудового человека, глубоко укоренился в сознании жителей Беларуси. В условиях образования суверенного государства возник “московский проект”, противополож-

ный нативистским идеям. Он представляет собой попытку синтеза двух крупных культурно-исторических “пластов”: периода Российской империи (и определение белорусского народа как производного от русского) и советской эпохи (преемственность проекта советского человека с соответствующей ценностной базой).

Теоретики данного подхода – П. Якубович, Э. Скобелев – определяют белорусов как “тутэйших” русских, которые долгое время страдали от гонений со стороны “чужой цивилизации”, преданных поляками и литвинами. Дальнейшее объединение земель с Российским государством оказало положительное влияние на развитие белорусской культуры. При этом необходимо отметить, что “*несмотря на то, что белорус русской культуры, он выступает за независимость Республики*” (Rohava, 2018: 20). Ключевым для «московского проекта» является советский период истории: миф о героическом белорусском народе, который, понеся огромные потери, внес существенный вклад в победу в Великой Отечественной войне; народе, который своим трудом стремится к процветанию, – составляет основу чувства собственного достоинства белорусов. В этой связи Андрей Казакевич обнаруживает преемственность элементов советской культуры с политикой нациестроительства в Республике Беларусь и характеризует ее как политику формирования “тройной идентичности” (“threefold identity”). Согласно обозначенной трактовке, позиция государства определяет белорусов как этноцентричный, советский и прагматичный народ (Kazakevich, 2013). Следствием подобного процесса является интеграция ряда культурных элементов периода Советского Союза в белорусскую национальную идею, что оказывает негативное влияние как на роль примордиалистских элементов культуры, так и на процессы демократизации, сформировав скептическое отношение к демократии как форме принятия решений.

Стоит отметить, что, согласно московскому подходу, речь идет о “белорусском народе”, состоящем из людей, характер которых совмещает такие “типично” белорусские личные качества, как толерантность и гостеприимство, и советские черты характера, например, любовь к стране, интернационализм, гордость за прошлое. Особого внимания требует различие между школами в трактовке истории культуры. Если нативисты считают, что белорусская культура является отдельной от остальных славянских культур, то сторонники московского проекта выступают за определение ценностной базы “тутэйших” как преимущественно основанной на русской культуре. Основные положения “московского проекта” суммированы в табл. 2.

Таблица 2

Основные положения “московского проекта” в интерпретации белорусской нации

1. Интерпретация понятия нация	Ориентация на нацию как гражданский конструкт с опорой на синтез набора ценностных установок советского человека (за основу концептуализации ценностных установок были взяты тезисы “Морального кодекса строителя коммунизма”: трудолюбивый народ, работающий на благо государства; ценность коллективизма; общественный долг; забота об общественном состоянии) и этнического (дружелюбные) дискурсов с преимуществом первого
2. Роль культуры и языка	
Культура	Минимизация элементов культуры этнического характера; увеличение элементов культуры советской эпохи: доминирующая часть топонимики, праздников, национальных героев связаны с XX в.
Язык	Пространство билингвизма является естественным для белорусов; белорусский язык выступает производным от русского
3. Ключевые моменты, связанные с историей и исторической памятью	
Период истории	Абсолютный акцент на советском периоде истории, обращение к истории до 1922 г. с целью обоснования “кровного родства славянских народов”
Войны	Отношение к белорусам как к героическому населению, давшему отпор внешним силам; дискурс “белорусских партизан”
4. Отношение к территории и суверенитету	История «сожительства» с Российским государством оказало положительное влияние на развитие государственных институтов и национальной культуры

Неоконструктивисты

Влияние упомянутых ранее процессов на генезис постсоветской национальной идентичности белорусов привело к возникновению в первой половине 2010-х гг. течения неоконструктивистов (Г. Миненков, Т. Рапопорт, Е. Бабосов). Его суть заключается в позиционировании белорусской нации как гражданской, то есть основанной на самоидентификации населения как граждан Республики Беларусь без какой бы то ни было связи с языком или этнической принадлежностью. По мнению М. Гроча, примером конструирования такого проекта является Чешская Республика (Ioffe, 2007). Специфическими чертами нового движения является отсутствие ссылок на “нацию” и “народ”, вместо этого речь идет о возникновении гетерогенной гражданской общности, выражающей интересы Беларуси.

Что касается отношения к истории, то основной тезис сводится к тому, что предшествующая история трактуется как история другого государства, не современной Беларуси. Более того, белорусская нация не должна быть основана на коммунистической или антикоммунистической парадигме. Напротив, неоконструктивисты нацелены на создание фундамента, объединяющего людей с различными этническими корнями и взглядами на историю, то есть предполагающего плюрализм взглядов и самоуважение. Таким образом, созданная на основе “сожительства” нация ориентирована скорее на будущее, чем на рефлексию прошлого (Титаренко, 2006).

Отдельного внимания заслуживает осмысление вопроса о языке и его социальной функции. Со ссылкой на исторический контекст развития белорусской нации в XX в. представители данного подхода рассматривают существующий в обществе билингвизм как исторический факт, который связан не столько с близостью языков славянской группы, сколько с процессами русификации в БССР (Бабосов, 2016). Основные положения неоконструктивистского подхода суммированы в табл. 3.

Таблица 3

Основные положения неоконструктивистов в интерпретации белорусской нации

1. Интерпретация понятия нация	Нация представляет собой новый тип социального конструкта, предполагающий независимость от религиозной и этнической принадлежности. К белорусской нации принадлежат граждане Республики
2. Роль культуры и языка	
Культура	Белорусская нация характеризуется плюрализмом культурных парадигм и толерантностью
Язык	Сложившийся в обществе билингвизм является следствием исторических процессов
3. Ключевые моменты, связанные с историей и исторической памятью	
Период истории	История белорусского государства началась после обретения независимости в 1991 г.; регулярное обращение в будущее; история этнических белорусов равномерно связана со всеми историческими периодами
4. Отношение к территории и суверенитету	После распада СССР Беларусь впервые обрела независимую государственность и возможность проведения конструктивного разнонаправленного взаимодействия с другими странами.

Соотношение теоретических школ с социально-политической дискуссией

Представленная академическая дискуссия в постсоветской Беларуси оказалась тесно связанной с дискуссией социально-политической – публицистические тексты общественных активистов отражают позиции, схожие с результатами осмысления феномена на академическом уровне. С другой стороны, существуют академические работы, во многом содержащие рефлексию политического характера. Так, сторонник неоконструктивизма Ю. Дракохруст на основе анализа статистических данных пришел к выводу, что в русскоговорящей среде процент населения, выступающего против режима Лукашенко и за интеграцию с Европой, в несколько раз выше аналогичных показателей у населения, говорящего на белорусском (Роhава, 2018). Результаты исследования задали вектор дискуссии о политической роли языковой политики.

Начало нативистского политического проекта было положено в движении “Возрождение” и на текущий момент представлено преимущественно в среде белорусской оппозиции. В частности,

этот проект находит выражение в программе блока “Белорусский национальный фронт” (далее – БНФ), в состав которого входят одноименная партия, а также Консервативно-христианская партия. Основатель блока Зенон Позняк в своей статье 1990 г. в “Народной газете” отметил, что несмотря на близкие языки, белорусы и русские принадлежат к *“разным расам, культурам, системам ценностей. Следовательно, и история у этих народов разная”* (Ioffe, 2015: 20). По этому поводу первый посол Республики Беларусь в Германии Петр Садовский предложил концепцию отказа от российских национальных мифов, *“которые сейчас дезориентируют наших детей”*, в пользу белорусских проектов. Таким образом, проект предполагает полный отказ от русского языка в пользу белорусского во всех сферах общества, что отражает идею нативистов о белорусском языке как национальной особенности белорусов. Кроме того, сторонники рассматриваемого проекта призывают к популяризации этнического элемента культуры – национальных героев, праздников (наиболее важным из которых является День Независимости БНР), элементов декора и одежды, архитектуры и топонимики. Негативно относятся нативисты к Союзному государству. Образование в 1996 г. Сообщества Беларуси и России повлекло за собой ряд санкционированных БНФ-акций протеста, получивший в дальнейшем название “Минская весна”. После подписания в 1999 г. договора “О создании Союзного государства” характер акций против интеграции обрели характер регулярных и проходят до сих пор.

Культивирование московского подхода связано с деятельностью администрации президента А. Лукашенко и учреждением “государственной идеологии”. Последняя сводится преимущественно к популяризации достижений советского периода истории, а также преемственности современной Беларуси с советским периодом. В частности, это проявилось в смене государственных символов Республики в результате референдумов 1995 и 1996 гг. Во многом осмысление белорусов как “братского” украинцам и русским народа определило отношение общественных представителей к Союзному государству как одному из способов интеграции народов славянской группы. По мнению И. Бабкова, именно сторонники такого подхода представляют собой легитимизирующую основу правления А. Лукашенко (Гарова, 2017). Примечательно, что сторонники нативистского подхода называют А. Лукашенко *“самым антинационалистическим националистом Беларуси”*. В ответ активисты московского проекта обвиняют нативистов в ксенофобии и оправдании фашизма (Rohava, 2018).

Неоконструктивистская интерпретация белорусской нации впервые нашла публичное проявление в поколении “19–25” или “новой оппозиции”, организовавшей протест 19–25 марта 2006 г. после очередных выборов президента Беларуси (Ioffe, 2007). Идеи рассматриваемой школы выражены, например, в предложении Ю. Дракохрустом создать аналог “Женевской конвенции” о разграничении взаимного влияния белорусского и русского языков. Другими словами, сторонники данного проекта выступают за формализацию билингвизма в обществе как специфическом свойстве последнего и ограничение сфер действия каждого из языков. Дальнейшее развитие идеи в общественной дискуссии оказалось тесно связанным с предложением собственных национальных проектов Беларуси. Так, кандидат на пост Президента Беларуси в 2020 г. В. Бабарико в интервью изданию “Наша Ніва” предложил сместить фокус дискуссии с борьбы за прошлое на конструирование будущего, а также предложил идею образа Беларуси как *“электронной Швейцарии”*.

Заключение

Определенные в статье проекты представляют собой абстракции, имеющие как преимущества, так и недоработки с точки зрения уровня их рефлексии и дальнейшего применения в процессе нациестроительства. Согласно проведенному исследованию, результаты осмысления белорусской идентичности и перспектив ее строительства представлены тремя основными теоретическими “пластами”. С одной стороны, речь идет о белорусском этническом национализме, предполагающем обращение к национальной культуре, традициям, языку и ставящим акцент на этничности. С другой стороны, сильна роль основанной на родстве славянских народов школы, ссылающейся на пережитую “советскую эпоху”. Она предполагает регулярное обращение к достижениям в области государственного строительства, а также выдвигает элементы концепта “homo soveticus” как свойственные белорусам. Проектом “третьего пути” предстает позиция по определению белорусской нации как нации космополитической, свободной от государственной идеологии, доминирующей культуры и этнической принадлежности. Исследование показывает, что академическая дискуссия по поводу интерпретации белорусской нации оказывается тесно связана с социально-политической, что придает результатам исследования особую актуальность. Это значит, что предложенная в статье теоретическая рамка позволяет анализировать не только академические дискуссии, но и трансформацию государственной политики в области нациестроительства.

Список литературы / References

- Ачкасов, В. А. (2013) "Политика памяти" как инструмент строительства постсоциалистических наций', *Журнал социологии и социальной антропологии*, 16, 4, сс. 106–121. [Achkasov, V. A. (2013) "Politics of memory" as a tool for building post-Soviet nations' ["Politika Pamyati" kak instrument stroitelstva postsocialisticheskikh natsiy], *Journal of sociology and social anthropology*, 16, 4, pp. 106–121. (In Russ.).
- ВЦИОМ (2020) 'СССР: сказка о потерянном референдуме', *Официальный сайт Всероссийского центра исследования общественного мнения*. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115619> (дата обращения: 20.05.2020). [VTsIOM (2020) 'USSR: The tale of the lost referendum' [SSSR: skazka o poteryannom referendumе], *Official site of Russian Public Opinion Research Center*. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115619> (Accessed: 20.05.2020) (In Russ.).
- Довнар-Запольский, М. В. (2014) *История Беларуси*. Москва: Директ-Медиа, 582 с. [Dovnar-Zapolskiy, M. V. (2014) *History of Belarus* [Istoriya Belarusi]. Moscow, Direct Media, 582 p. (In Russ.).
- Бабосов, Е. М. (2016) 'У истоков белорусской национальной идеи', *Беларуская думка*, 10, с. 77. [Babosov, E. M. (2016) 'At the origins of the Belarusian national idea' [U istokov belorusskoi natsionalnoy idei]. *Belaruskaya Dumka*, 10, p. 77. (In Russ.).
- Мартин, Т. (2011) *Империя "положительной деятельности". Нации и национализм в СССР, 1923–1939*. Москва: РОССПЭН, 664 с. [Martin, T. (2011) *Empire of "positive activity". Nation and nationalism in the USSR, 1923–1939* [Imperiya "polozhitelnoi deyatelnosti". Natsii i nationalism v SSSR, 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN, 664 p. (In Russ.).
- Титаренко, Л. Г. (2006) *Национальная идентичность и социокультурные ценности населения в современном белорусском обществе*, Минск: РИВШ, 145 с. [Titarenko, L. G. (2006) *National identity and sociocultural values of population in modern belarussian society* [Natsionalnaya identichnost i sociokulturnye cennosti naseleniya v sovremennom belorusskom obshestve]. Minsk: RIVSH, 145 p. (In Russ.).
- Филюшкин, А. (1998) 'Защитный пояс Третьего Рима', *Родина*, 4, сс. 37–40 [Filyushkin, A. (1998) 'Protective belt of the Third Rome' [Zashitniy poyas Tretiego Ryma], *Homeland [Rodyna]*, 4, pp. 37–40 (In Russ.).
- Anderson, B. (2006) *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. Verso books. 240 p.
- Babkou, I. (2015) 'The Genealogy of the Belarusian Idea'. *Arche*, Vol. 2, pp. 126–165.
- Garova, E. (2017) 'The Politics of the Belarusian Self: Performing Truth, Converting in Public'. *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*, Vol. 3, 1, pp. 3–30.
- Greenfeld, L., Eastwood, J. (2007) 'National identity' in: C. Boix, S. Stokes (Eds.) *The Oxford handbook of comparative politics*. New York: Oxford, DOI: 10.1093/oxford hb/9780199566020.003.0011.
- Harrison, L. E., Huntington, S. P. (2000) *Culture matters: How values shape human progress*. New York: Basic books, 384 p.
- Hobsbawm, J. (1998) "Nations and nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality". Translated from English by A. A. Vasilyeva, Spb: Alethea [Aleteya], 306 p. (In Russ.).
- Hroch, M. (1998) 'From national movement to the fully-formed nation'. *Haynes, M.*, p. 19.
- Kazakevich, A. (2013) 'National Identity as a Necessity for democracy', *Bell: BelarusInfoLetter, Eastern Europe Studies Centre*, 2 (32), p. 5.
- Ioffe, G. (2007) 'Culture wars, soul-searching, and Belarusian identity', *East European Politics and Societies*, Vol. 21, 2, pp. 348–381.
- Orlov, V. (2006) 'Destruction of Identity', *Retrieved November*, Vol. 9, p. 200.
- Rakicki, V. (2010) 'Belarusian Atlantis' S. I., *radyjo Svabodnaja Jewropa / radyjo Svaboda*, p. 352.
- Rohava, M. (2018) 'Identity in an autocratic state: Or what Belarusians talk about when they talk about national identity', *East European Politics and Societies*, Vol. 32, 5, pp. 639–668.
- Shimov, Y. (2006) 'Belorussia: Vostochnoevropskii paradox', *Neprikosnovennyi zapas*, 3, pp. 40–46.
- Wallerstein, I. (2011) *The modern world-system I: Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century*. University of California Press, Vol. 1.

Статья поступила в редакцию: 05.11.2020

Статья поступила в редакцию повторно после доработки: 18.10.2021

Статья принята к печати: 15.01.2022

**“BETWEEN THE WEST AND THE EAST”:
THE BELARUSSIAN NATIONAL IDEA IN CURRENT ACADEMIC DISCUSSION**

N. A. Zaripov

N. A. Zaripov, 4th year Bachelor in Political Science,
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.
E-mail: zaripovnikita139@gmail.com (ORCID: 0000-0003-4834-4665).

Abstract

The article aims to systematize the current academic discussion about the essential elements of the idea of the Belarusian nation. Within the framework of the analysis, the author identifies "semantic baskets", based on which he divides the current controversy into theoretical schools and thematic clusters. The designated semantic baskets are identified based on the attitude to the language issue and culture, history and historical memory, the essential interpretation of the Belarusian nation, territory, and sovereignty. The author concludes that the current academic discussion on this issue is represented by three theoretical schools – nativists, the “Moscow Project” and neo-constructivists. Nativists emphasize the importance of the ethnic element in the Belarusian nation. The foundation of the "Moscow Project" is the ideology of pan-Slavism, highlighting bilingualism as a natural state of Belarusians as well as the Soviet period of history with invaluable experience in state-building. Finally, the concept of the “third way” is neo-constructivism, the ideas of which are reduced to building the Belarusian nation as a civil one. The constructed theoretical framework allows us to analyze the national policy of the Republic of Belarus, as well as approaches to the definition of the “Belarusian nation” in public discussion.

Keywords: nation; nation-building; national identity; Belarusian nation; The Republic of Belarus.

Политические институты, процессы, технологии

УДК-329

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-1-31-39

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ:
СЛУЧАЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЮЗА ВЕНГРОВ РУМЫНИИ

М. В. Грабевник

Грабевник Михаил Владимирович, кандидат политических наук, младший научный сотрудник, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Россия, Пермь.
E-mail: m.grabevnik@gmail.com (ORCID: 0000-0002-3321-7519. ResearcherID: G-5572-2018).

Аннотация

Проанализирована динамика стратегии Демократического союза венгров Румынии, ключевой регионалистской партийной силы, представляющей интересы венгерского меньшинства. В рамках исследования были использованы официальные программные документы Демократического союза венгров Румынии, официальные электоральные данные, материалы коалиционных взаимодействий и парламентских дебатов, а также материалы базы данных Manifesto Project. Результаты анализа показывают, что стратегия партии трансформируется. От жесткого и последовательного этнолингвистического регионализма 1990–2000-х гг. в 2010-е гг. партия переходит к гибкой адаптивной стратегии, представляющей синтез умеренного регионализма и грамотного позиционирования себя как коалиционного партнера с центристской социально-экономической повесткой. Регионалистская повестка при этом актуализируется партией в годы электоральной активности, что служит инструментом достижения институциональных возможностей участия в общенациональном политическом процессе. Стремление к расширению партийной политической субъектности является не самоцелью, но средством лоббирования интересов регионального сообщества. Следствием этого является поворот венгерских регионалистов от стратегии конфронтации с румынскими юнионистскими партиями к стратегии торга и сотрудничества.

Ключевые слова: Демократический союз венгров Румынии; Трансильвания; венгерское сообщество; регионализм; Румыния; Европейский союз.

На рубеже 1980–1990-х гг. на фоне политических трансформаций в Румынии был актуализирован вопрос этнолингвистических меньшинств. После падения коммунистического режима, одной из характерных черт которого была политика национального строительства на основе доминирующего румынского этноса, наиболее востребованным оказался вопрос пересмотра статуса этнолингвистических меньшинств в исторической области Трансильвании (Биткова, 2007: 45). Значительная часть венгерского меньшинства в Румынии проживает в трансильванских регионах, в северо-западной части страны, которая долгое время находилась под управлением Австро-Венгерской империи. Венгерское меньшинство составляет 6.60% населения Румынии (1.54 млн), концентрируясь преимущественно в районе Секлерленд (Szeklerland)¹. В нескольких жудецах венгерское население составляет абсолютное большинство (Харгита – 85.21%, Ковасна – 71.59%) в других – примерно одну треть населения (Муреш – 36.46%, Сату-Маре – 32.96%)². Формируя крупнейшую миноритарную этнолингвистическую группу в Румынии, венгры в 1990–2010-е гг. активно ведут борьбу за политическую субъектность.

Проблема статуса венгерского меньшинства в Румынии и вопросы политической и административной субъектности венгров в границах национального государства сформировали несколько кластеров политических акторов в спектре «румынский национализм – юнионизм – венгерский регионализм – венгерский сепаратизм». Радикальные крайние политические течения со временем оказались размыты: отчетливый антивенгерский румынский правый национализм, получивший популярность в 1990-е гг., сегодня практически исчез из политического пространства Румынии, а венгерские радика-

© Грабевник М. В., 2022

¹ National Institute of Statistics. Romania. [Online]. Available at: <https://insse.ro/cms/en> (Accessed: 24.07.2021).

² Volumul II. Populatia Stabila. Structura Etnica Si Confesionala. [Online]. Available at: <http://www.recensamantromania.ro/rezultate-2/> (Accessed: 24.07.2021).

лы оказались маргинализированы. Вместе с тем, наиболее крупный регионалистский актор, Демократический союз венгров Румынии (Uniunea Democrata Maghiara din Romania), представляющий интересы венгерского регионального сообщества, на протяжении последних 30 лет демонстрирует электоральную и институциональную устойчивость.

Статья посвящена анализу динамики регионализма Демократического союза венгров Румынии в период 1990–2010-х гг. Результаты анализа показывают, что стратегия регионалистской партии трансформируется: от жесткого и последовательного этнолингвистического регионализма 1990–2000-х гг. к более гибкой адаптивной стратегии в 2010-е гг., представляющей собой синтез умеренного регионализма и грамотного позиционирования себя как коалиционного партнера с центристской социально-экономической повесткой. Регионалистская повестка при этом актуализируется партией в годы электоральной активности, что служит инструментом для достижения институциональных возможностей участия в общенациональном политическом процессе.

Достижения 1990–2000-х годов и фрагментация венгерского регионализма

Демократический союз венгров Румынии (здесь и далее – ДСВР), созданный в качестве политической партии в декабре 1989 г., первоначально выступал как объединение вариативных культурных, публичных и политических организаций венгерского меньшинства. В 1990-е гг. в условиях популярности анти-венгерского национализма «Великой Румынии» (Partidul Romania Mare) и Партии румынского национального единства (Partidul Unitatii Natiunii Romane) венгерский регионализм оказался весьма устойчив в электоральном измерении (Haddock, Caraiani, 1999). Воспроизводство партией регионалистской повестки, включающей апелляции к венгерской этнолингвистической самобытности и артикуляцию требований культурной и административной автономии в границах Румынии, позволило ей закрепиться на общенациональном электоральном рынке, используя по максимуму ограниченный территориальный потенциал (электорат жудецов Харгита, Ковасна, Муреш) (Alionescu, 2004).

Зафиксировав базисный целевой электорат, венгерская регионалистская партия демонстрирует на протяжении девяти электоральных циклов устойчивые электоральные показатели на общенациональном уровне. Учитывая незначительные флуктуации, Демократический союз венгров Румынии в среднем исчислении получает поддержку 6,5% электората, что трансформируется примерно в 6,7% мест в Палате депутатов Румынии и 7,5% мест – в Сенате Румынии.

Таблица 1

Динамика электоральных показателей ДСВР. Общенациональные выборы

Год	Сенат		Палата депутатов		
	Голоса, %	Места, %	Голоса, %	Места, %	Правительственная позиция
1990	7.20	10.08	7.23	7.34	Оппозиция
1992	7.58	8.39	7.46	7.91	Оппозиция
1996	6.82	7.69	6.64	7.28	Коалиция
2000	6.90	8.57	6.80	7.82	Нейтралитет
2004	7.30	7.29	6.77	6.76	Коалиция
2008	6.39	5.83	6.17	6.58	Оппозиция/ Коалиция
2012	5.24	6.61	5.14	4.36	Оппозиция/ Коалиция
2016	6.24	6.61	6.19	6.38	Нейтралитет/ Оппозиция
2020	5.89	6.61	5.74	6.38	Коалиция
average	6.61	7.52	6.46	6.75	NA

Источник: составлено автором по данным Autoritatea Electorala Permanenta¹.

Демократический союз венгров Румынии – это единственная регионалистская партия, которая выставляет кандидатов на всех электоральных уровнях, начиная с местных выборов и завершая выборами в Европейский парламент. Электоральная эффективность ДСВР на региональном уровне не-

¹ Autoritatea Electorala Permanenta. Rezultate electorale din Romania site. [Online]. Available at: <http://alegeri.roaep.ro> (Accessed: 24.07.2021).

посредственно связана с высокой долей венгерского населения в нескольких жудецах, прежде всего в Харгите, Ковасне, Муреш. В Харгите и Ковасне ДСВР удается на протяжении длительного времени успешно формировать региональные правительства большинства, а в Муреш – успешно конкурировать с общенациональными партиями. Кроме того, партия навязывает борьбу на региональном уровне и в других регионах исторической области Трансильвания (в первую очередь, в жудецах Клуж и Сату-Маре). Показательным в этом отношении является рост представленности в региональных легислатурах – с 4.98% в 2016 г. до 5.28% в 2020 г. (доли в отношении общего количества региональных депутатов во всех регионах Румынии).

Таблица 2

Динамика электоральных показателей ДСВР. Региональные выборы

Годы	Совет региона Харгита		Совет региона Ковасна		Совет региона Муреш	
	Голоса, %	Места, %	Голоса, %	Места, %	Голоса, %	Места, %
1996	71.88	72.97 ПРБ	72.59	72.97 ПРБ	42.06	41.46 ОПП
2000	61.84	72.97 ПРБ	67.59	70.27 ПРБ	39.58	41.46 ОПП
2004	60.73	70.96 ПРБ	67.92	80.64 ПРБ	35.61	42.85 ПРМ
2008	52.75	60.00 ПРБ	46.77	50.00 КОА	31.57	44.11 ПРМ
2012	61.43	66.66 ПРБ	54.00	60.00 ПРБ	33.34	38.23 ОПП
2016	61.39	61.29 ПРБ	57.87	64.51 ПРБ	34.06	42.85 ОПП
2020	61.68	65.51 ПРБ	60.84	73.33 ПРБ	37.16	47.05 КОА

Источник: составлено автором по данным Autoritatea Electorala Permanenta¹.

Согласно Конституции 1991 г. Румыния определяется как «суверенное, независимое, унитарное и неделимое национальное государство», в котором обеспечиваются права национальных меньшинств на сохранение и выражение «этнического, лингвистического, культурного и религиозного самоопределения» (Биткова, 2007: 45). Такая конституционная конфигурация, с одной стороны, обеспечивает правами этнические меньшинства Румынии, но, с другой стороны, декларирует унитарную административную структуру единого национального государства.

В подобных централистских административных условиях первой серьезной попыткой формирования системы региональной автономии со стороны ДСВР стала разработка в 1993 г. законопроекта о национальных меньшинствах и автономных сообществах, который впоследствии был отклонен нижней палатой парламента. Вторая попытка случилась в 1995 г., когда специальный комитет венгерских регионалистов разработал законопроект об автономии Секлерленда (Szeklerland), который на протяжении нескольких лет оставался главным манифестируемым элементом программы Демократического союза венгров Румынии (Bakk, 2004). Однако ДСВР пришлось отказаться от активного лоббирования данного законопроекта в обмен на вхождение в сформированную по итогам парламентских выборов 1996 г. правительственную коалицию (партнеры по которой высказывались против радикального регионализма ДСВР).

Тем не менее, участие в коалиции позволило достичь некоторых результатов. В 1996 г. был подписан важный для венгерского меньшинства международный договор между Румынией и Венгрией, на заключение которого, по мнению венгерских исследователей, повлияли и правительственные функционеры ДСВР (Kantor, Vardi, 2001). Договор признавал законными и суверенными существующие границы и обеспечивал признание и продвижение политических, культурных и этнолингвистических прав меньшинств, а также определял перспективы экономического сотрудничества между странами, что послужило росту инвестиций в венгерские регионы Румынии со стороны Венгрии (Brubaker, 2006: 65). Коалиционное правительство 1996–2000 гг., будучи в целом более центристским, чем предыдущее, усиленное правыми националистами, заняло умеренную позицию в отношении вопроса венгерского меньшинства. Это было обусловлено, преимущественно, требованиями европейской региональной политики и намерениями Румынии вступить в Европейский союз (Bochsler, Szocsik, 2013). Хотя правительство преследовало политику централизации и отрицания региональной

¹ Autoritatea Electorala Permanenta. Rezultate electorale din Romania site. [Online]. Available at: <http://alegeri.roaep.ro> (Accessed: 24.07.2021).

автономии в Румынии, в 1998 г. оно институционализирует новый административный уровень – регионы развития (Birniг, 2007: 123).

Социал-демократы, которые сформировали правительство 2000–2004 гг., не допускали существенных уступок венгерским регионалистам в отношении территориальной автономии. Именно Социал-демократическая партия (PSD) Румынии заблокировала обе попытки Демократического союза венгров Румынии инициировать законопроект в отношении региональной реформы в 2003 и 2004 гг. Вместо этого, первая половина «нулевых» была связана с более умеренной региональной политикой румынского правительства, направленной «сверху-вниз» в интересах соответствия европейским стандартам. Изменения коснулись, прежде всего, лингвистической составляющей региональной политики. В 2001 г. был принят закон о государственном управлении, который институционализировал использование языков меньшинств в регионах, где такие меньшинства составляют не менее одной пятой населения¹. Поправки в Конституцию Румынии 2003 г. установили право меньшинств на представительство в парламенте как минимум одним депутатом, а также право использования языков этнолингвистических меньшинств в судебных процессах на всех административных уровнях (Биткова, 2003)².

Большой резонанс имел закон о статусе меньшинств 2001 г., который позволяет румынским венграм работать на территории Венгрии, но запрещает установление двойного (румынско-венгерского) гражданства (King, 2010: 166). Вопрос о референдуме в Венгрии в отношении двойного гражданства обострил румыно-венгерские отношения и актуализировал противостояние румынских националистов и венгерских регионалистов (Smith, 2016). Демократический союз венгров Румынии открыто выступал с поддержкой референдума и использовал вопрос двойного гражданства в целях мобилизации электората, расценивая его в качестве потенциального способа доступа к экономическим и социальным благам Европейского союза (Венгрия стала членом ЕС в 2004 г.). Однако после получения полноправного членства самой Румынией в 2007 г. этот дискурсивный инструмент был изъят из повестки венгерских регионалистов.

В середине 2000-х гг. Демократический союз венгров Румынии продолжал поддерживать требования: защиты и развития лингвистической политики в регионах (расширения образования на венгерском языке), локального и регионального контроля над бюджетом и налоговой политикой, углубления европейской интеграции. В целом в 1990–2000-е гг. Румыния закрепила комплексное законодательство по вопросу этнолингвистических меньшинств, что стало, по мнению европейских экспертов, примером качественной государственной политики в данном вопросе (Dafflon, 2006).

Вместе с тем подобные достижения регионализма отразились скорее на укреплении политической субъектности регионалистской партии ДСВР, регулярно участвующей в общенациональной политике и формирующей региональные правительства в венгерских жудецах, нежели на расширении политической субъектности самих венгерских регионов. Требование региональной автономии, децентрализации и федерализации, характерное для программных заявлений венгерских регионалистов в 1990-е гг., в «нулевые» остается несколько размытым и незаметным. Более того, требование регионального сообщества по восстановлению венгерского университета (ныне Университет Бабеш-Бойяи), которое во второй половине 1990-х гг. активно продвигалось ДСВР и было близко к реализации (парламент Румынии даже принимал решение о его восстановлении), было «забыто» венгерскими регионалистами (Биткова, 2001).

Подобные стратегические промахи ДСВР имели последствия. Игнорирование Демократическим союзом венгров Румынии вопроса о венгерской автономии послужило причиной фрагментации венгерского регионализма (Bochsler, Szocsik, 2012). Выходцы из ДСВР сформировали сначала общественно-политические организации (Венгерский национальный совет Трансильвании в 2003 г. и Национальный совет Секлера в 2004 г.), а затем и партийные структуры. В 2008 г. появляется Венгерская гражданская партия (Partidul Civic Maghiar), а в 2011 г. – Венгерская народная партия Трансильвании (Partidul Popular Maghiar Transilvania). Обе партии обвиняют Демократический союз венгров Румынии в «продаже» регионалистских требований венгерского сообщества национальному правительству в обмен на коалиционные статусы и партийную политическую субъектность. В отличие от ДСВР, они пытаются открыто лоббировать вопрос о региональной автономии венгерского меньшинства в территориальных границах национального государства Румынии.

¹ Lege nr. 215 din 23 aprilie 2001. [Online]. Available at: URL: <http://legislatie.just.ro/Public/DetaliiDocumentAfis/79638> (Accessed: 24.07.2021).

² Legea 429/2003. Legea de revizuire a Constitutiei Romaniei. [Online]. Available at: URL: <http://legislatie.resurse-pentru-democratie.org/constitutie/429-2003.php> (Accessed: 24.07.2021).

Развитие политической конкуренции среди венгерских регионалистов в середине 2000-х гг. стимулировало Демократический союз венгров Румынии к активизации регионалистской деятельности и актуализации вопроса политической субъектности венгерского региона. В 2004 г. депутатами ДСВР, неформально сотрудничающими с Венгерским национальным советом Трансильвании, был представлен в румынский парламент статут автономии Секлерленда. Проект статута был заблокирован общенациональными политическими силами, на что ДСВР ответил проектом создания нового региона экономического развития посредством объединения венгерских жудецов Харгита, Ковасна и Муреш. Данный проект был поддержан всеми венгерскими регионалистами, поскольку, с одной стороны, отвечал требованиям региональной автономии и асимметричного регионализма, и, с другой стороны, был умеренным, встраивая это требование в более крупный процесс децентрализации Румынии (Bakk, Szasz, 2010). Однако, несмотря на усилия ДСВР, ни один из проектов не был поддержан общенациональными партийными игроками.

Уже к рубежу 2000–2010-х гг. регионалистские требования автономии и политической субъектности для венгерского меньшинства не столь часто встречаются в повестке Демократического союза венгров Румынии, который, тем не менее, регулярно воспроизводит устойчивые электоральные показатели и является крупнейшей регионалистской партийной силой в Румынии. Фракционализация венгерского регионализма и появление новых регионалистских партий не внесли серьезных институциональных изменений – ни Венгерская гражданская партия, ни Венгерская народная партия Трансильвании не могут навязать борьбу Демократическому союзу даже на субнациональном уровне.

Коалиционная политика и электоральная регионализация партийной системы: гибкий регионализм 2010-х гг.

Электоральное и институциональное доминирование ДСВР среди регионалистских партий остается неоспоримым и в 2010-е гг. Вместе с тем после пика венгерского регионализма в 1996–1998 гг., когда регионалистские требования занимали более четверти всей партийной повестки ДСВР, вплоть до 2016 г. наблюдается стабильное снижение представленности требований венгерского регионалистского сообщества в партийной повестке. Составленный на основе материалов базы данных Manifesto Project график (см. рис. 1) демонстрирует долю регионалистской повестки в партийных манифестах венгерских регионалистов в период 1990–2016 гг.

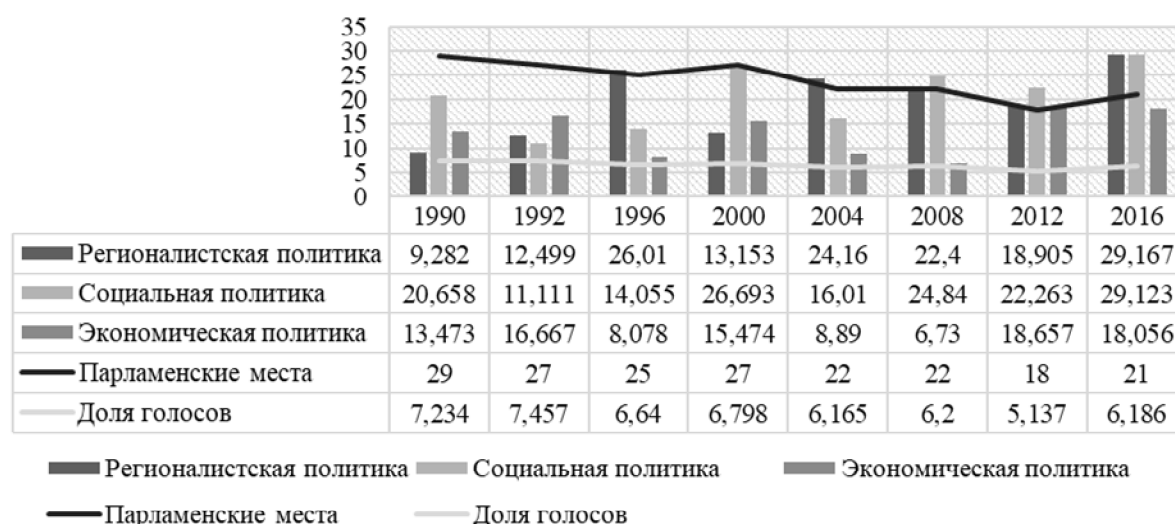

Рис. 1. ДСВР: регионалистская повестка в партийных манифестах

Источник: составлено автором на основе данных Manifesto Project¹.

¹ Manifesto Data Collection. Version 2020b. [Online]. Available at: URL: <https://doi.org/10.25522/manifesto.mpps.2020b> (Accessed: 24.07.2021).

Данные показывают, что на протяжении 2000–2010-х гг. вплоть до 2016 г. наблюдается снижение регионалистских требований в повестке ДСВР (от 26.01% в 1996 г. до 18.90% в 2012 г.). В сравнительной перспективе важно отметить также два изменения. Во-первых, ДСВР всё чаще обращается к социальной политике в партийных манифестах: в программах партии 2008 и 2012 гг. эти темы оказываются приоритетнее вопросов регионализма, а в программе 2016 г. социальная и регионалистская политика в равной степени доминируют (29.13% и 29.16% соответственно). Во-вторых, почти в три раза выросла доля экономической политики в манифестах венгерских регионалистов (6.73% в 2008 г. против 18.05% в 2016 г.).

Подобные тенденции подтверждаются анализом текстов программ Демократического союза венгров Румынии. Жесткие требования региональной автономии 1990–2000-х гг., относительной кульминацией которых можно считать проект статута Трансильвании,¹ сменились в 2010-е гг. более мягкими требованиями децентрализации в Румынии: «... мы поддерживаем реформу системы централизованного управления и поддерживаем децентрализацию полномочий, административных полномочий и ресурсов, которые должны быть переданы на региональный уровень, где они могут быть использованы самым эффективным способом согласно принципу субсидиарности»²; «...мы хотим современное румынское государство, в котором местные сообщества имеют право решать самостоятельно все вопросы, которые касаются их напрямую, без необходимости принимать решения совместно с центром...»³. Во второй половине 2010-х гг. венгерские регионалисты трансформируют идею автономии Трансильвании в идею специальной экономической зоны развития внутри Румынии, апеллируя к основам региональной политики Европейского союза: «... наш успех как европейского региона гарантируется условием гармонизации экономического плана и его интеграцией в национальную стратегию развития Румынии и в стратегию развития Европейского союза»⁴.

Подобная динамика указывает на несколько тенденций в изменении стратегии венгерских регионалистов. Во-первых, ДСВР расширяет партийную повестку, все чаще обращаясь к вопросам экономики и социальной политики. Регионалистская партия в данном контексте пытается бороться за колеблющийся электорат (прежде всего, на региональном уровне) и составить символическую конкуренцию общенациональным партиям, апеллируя к темам, традиционно принадлежащим мейнстримным партиям социал-демократов и либералов. Во-вторых, ДСВР осознает значимость регионалистской повестки, которой нельзя пренебрегать, дабы не потерять устойчивый электорат среди венгерского населения. Партия заметила, что попытка снижения доли регионализма в партийной программе 2012 г. и расширения представленности в манифесте других тем, привела к снижению электоральных показателей. Соответственно, уже в 2016 г. ДСВР выравнивает баланс между регионалистским и общенациональными элементами партийной повестки. В-третьих, подобный электоральный регионализм дополняется стремлением венгерских регионалистов к взаимодействию с мейнстримными партиями на общенациональном уровне. Обладая весомым коалиционным потенциалом (Биткова, 2007), в 2010-е гг. ДСВР избирает более активную и гибкую партийную стратегию. Посредством актуализации регионализма в электоральные периоды и поиска коалиционных взаимодействий партия стремится максимизировать партийную политическую субъектность, чтобы иметь возможность оказывать влияние на общенациональный политический процесс. Стратегия противостояния регионалистов с мейнстримными партиями, характерная для 1990–2000-х гг., постепенно сменяется стратегией сотрудничества и торга, что несколько роднит ДСВР с партией шотландских националистов (Грабевник, 2018). Дополнительным подтверждением адаптивности стратегии ДСВР является отсутствие прямых предпочтений в коалиционных взаимодействиях: ДСВР прагматично, а не идеологически выстраивает партнерств с различными общенациональными партиями в разные электоральные циклы (см. табл. 3).

¹ Statutul Special al Tinutului Secuiesc din Romania. Project. [Online]. Available at: URL: https://media.hotnews.ro/media_server1/document-2014-09-9-18071259-0-autonomia.pdf (Accessed: 24.07.2021).

² Programul electoral UDMR 2016. [Online]. Available at: URL: https://issuu.com/rmdsz/docs/valasztasi_program_ro_2016-05-06-11 (Accessed: 24.07.2021).

³ Programul electoral UDMR 2016. [Online]. Available at: URL: https://issuu.com/rmdsz/docs/valasztasi_program_ro_2016-05-06-11 (Accessed: 24.07.2021).

⁴ Transilvania 2020. [Online]. Available at: URL: https://issuu.com/rmdsz/docs/rmdsz_transilvania2020 (Accessed: 24.07.2021).

Коалиционные партнерства Демократического союза венгров Румынии

Политическая партия	Коалиция	Поддержка	Оппозиция
Национальная либеральная партия (PNL)	2020–2021 2007–2008 2004–2007	2019–2020	2020–2020 2012–2014 2012–2012
Либерально-демократическая партия (PDL) Демократическая партия (PD)	2009–2012 2004–2007	2000–2004	2008–2009
Национальный союз за прогресс (UNPR)	2014–2014 2009–2012	---	2014–2015
Консервативная партия (PC)	2014–2014 2004–2007	---	2012–2014 2012–2012
Социал-демократическая партия (PSD) Социал-демократическая партия (PSDR)	2014–2014	2017–2019 2000–2004	2019–2019 2014–2015 2012–2014 2012–2012 2008–2009
Союз спасения Румынии Плюс (USR PLUS)	2020–2021	---	---
Альянс либералов и демократов (ALDE)	---	2017–2019	2014–2015

Источник: составлено автором.

Вместе с тем было бы неверно утверждать, что венгерский регионализм и требования венгерского сообщества стали меньше артикулироваться Демократическим союзом венгров Румынии именно в угоду собственным партикулярным интересам. Точнее сказать изменилась стратегия партии, но цели регионализма остаются неизменными. Столкнувшись с блокированием регионалистских законопроектов мейнстримными партиями в 1990–2000-е гг., венгерские регионалисты осознали собственную институциональную слабость. Партийная политическая субъектность, т.е. институциональные возможности участия в процессе принятия решений по поводу статуса институциональной автономии, сегодня являются для ДСВР средством на пути к расширению политической субъектности венгерского макрорегиона в румынских границах.

Институционального потенциала венгерской регионалистской партии добавляет и стабилизирующаяся электоральная регионализация партийной системы в Румынии. Концентрация электоральной поддержки Демократического союза венгров Румынии в венгерских регионах Трансильвании и Национальной либеральной партии (PNL) в других урбанизированных и экономически сильных регионах Трансильвании существенно снижает гомогенизацию / национализацию партийной системы в Румынии (Kasuya, Moenius, 2008). Отмеченный румынскими исследователями по итогам парламентских выборов 2016 г. тренд на электоральную регионализацию румынской партийной системы приобретает четкость и устойчивость в 2020 г. (Dragoman, Zamfira, 2018). Регионализация электората закрепляется в исторических границах: историческая область Трансильвания (Северо-западный, Западный и Центральный регионы развития) оказывает электоральную поддержку преимущественно Национальной либеральной партии и Демократическому союзу венгров Румынии, тогда как исторические области Молдавии и Валахии (восточные и южные регионы развития, за исключением Константы, Вранча, Джурджу, Илфова и Бухареста) демонстрируют поддержку социал-демократов. Подобная тенденция, с одной стороны, несколько дискредитирует заявления социал-демократов о едином unitarном национальном румынском государстве, а с другой – расширяет институциональный потенциал венгерских регионалистов, ставших серьезной партийной силой в коалиционных взаимодействиях современной Румынии. В подобных условиях венгерские регионалисты тактически могут отказываться от регионализма в коалиционных взаимодействиях ради достижения региональной автономии в стратегической перспективе, что косвенно подтверждает гипотезу Д. Драгомана (Dragoman, 2011).

* * *

Стратегия венгерских регионалистов в Румынии в 2010-е гг. трансформируется. Демократический союз венгров Румынии актуализирует регионалистскую повестку, включая вопросы институционализации автономного региона для венгерского меньшинства перед выборами, в целях получения электоральной поддержки и сохранения (и расширения) институциональных возможностей (пар-

ламентских и правительственных). Подобный электоральный регионализм грамотно дополняется коалиционными взаимодействиями в условиях регионализации партийной системы в Румынии. Осознавая собственный коалиционный потенциал, ДСВР стремится к расширению партийной политической субъектности, которая является не самоцелью, но средством для реализации требования политической субъектности венгерского региона.

Тактический отказ Демократического союза венгров Румынии от жесткого и последовательного регионализма в парламентских и правительственных взаимодействиях, результаты которых были безуспешны в 1990–2000-е гг., имеет следствием поворот венгерских регионалистов от стратегии конфронтации с мейнстримными юнионистскими партиями к стратегии торга и сотрудничества с ними. Подобная тенденция сохраняется на протяжении 2010-х гг. и, вероятно, будет продолжаться и в последующие годы.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00053 «Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)») в Пермском федеральном исследовательском центре Уральского отделения РАН.

Список литературы/ References

- Биткова, Т. Г. (2001) 'Политические аспекты регионализации и национальная идея в Румынии', *Политическая наука*, 4, сс. 68–77. [Bitkova, T. G. (2001) 'Political aspects of regionalization and national idea in Romania' [Politicheskie aspekty regionalizatsii i natsionalnaya ideya], *Politicheskaya nauka*, 4, pp. 68–77. (In Russ.)].
- Биткова, Т. Г. (2007) 'Этнонациональные проблемы в Румынии' в: Биткова, Т. Г. *Национальные меньшинства в странах Центрально-Восточной Европы*. Москва: ИНИОН РАН, сс. 44–68. [Bitkova, T. G. (2007) 'Ethnonational problems in Romania' [Etnonatsionalnye problem v Rumynii] in: Bitkova, T. G. (eds.) *National Minorities in courtiers of Central Eastern Europe* [Natsionalnye menshinstva v stranah Tsentralno-Vostochnoj Evropy]. Moscow, INION RAN, pp. 44–68. (In Russ.)].
- Грабевник, М. В. (2018) 'Партии Великобритании как субъекты шотландского регионализма', *Современная Европа*, 3, сс. 133–142. [Grabevnik, M. V. (2018) 'Britain Parties as Actors of Scottish Regionalism' [Partii Velokobritanii kak subjekty shotlandskogo regionalizma], *Sovremennaya Evropa*, 3, pp. 133–142. (In Russ.)].
- Alionescu, C. (2004) 'Parliamentary Representation of Minorities in Romania', *Southeast European Politics*, vol. 5, no. 1, pp. 60–74.
- Bakk, M. (2004) 'Az autonomia-tervek két szakasza Erdelyben 1989 után' [The two phases of the autonomy plans in Transylvania after 1989], *Magyar Kisebbség*, no.2, pp. 39–60. (In Romanian).
- Bakk, M., Szasz, A. (2010) 'Conflict and Convergence: Regionalisation Plans and Autonomy Movements in Romania', *European and Regional Studies*, vol. 1, no. 1, pp. 19–32.
- Birnie, J. (2007) *Ethnicity and Electoral Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 279 p.
- Bitkova, T. G. (2001) 'Politicheskie aspekty regionalizatsii i natsionalnaya ideya' [Political aspects of regionalization and national idea in Romania], *Politicheskaya nauka*, no.4, pp. 68–77. (In Russian).
- Bochsler, D., Szocsik, E. (2012) 'Building inter-ethnic bridges or promoting ethno-territorial demarcation lines? Hungarian minority parties in competition', *Nationalities Papers*, vol. 41, no.5, pp. 761–779.
- Bochsler, D., Szocsik, E. 'The Forbidden Fruit of Federalism: Evidence from Romania and Slovakia', *West European Politics*, vol. 36, no. 2, pp. 426–447.
- Brubaker, R. (2006) *Nationalist Politics and Everyday Ethnicity in a Transylvanian Town*. Princeton: Princeton University Press. 504 p.
- Dafflon, D. (2006) *Managing Ethnic Diversity in Javakheti: Two European Models of Multilingual Tertiary Education*. ECMI Working Paper, 25 p.
- Dragoman, D. (2011) 'Partide regionale si democratice locale in Romania' [Regional parties and local democracy in Romania] in: *Dinamica partidelor romanesti in ultimele doua decenii* [The dynamics of

- Romanian parties in the last two decades]. Gherghina S. (eds.). Iasi: Institutul European. pp. 319–344. (In Romanian).
- Dragoman, D., Zamfira, A. (2018) '2016 Romanian regional elections report', *Regional & Federal Studies*, vol. 28, no. 3, pp. 395–408.
- Haddock, B., Caraiani, O. (1999) 'Nationalism and Civil Society in Romania', *Political Studies*, vol. 47, no. 2, pp. 258–274.
- Horvath, I. (2004) *Facilitating Conflict Transformation: Implementation of the Recommendations of the Osce High Commissioner on National Minorities to Romania, 1993–2001*. Hamburg: Centre for OSCE Research.
- Kantor, Z., Bardi, N. (2001) 'UDMR si coalitia guvernamentala 1996–2000' [UDMR and the governing coalition 1996–2000], *Sfera Politicii*, vol. 19, pp. 47–58. (In Romanian).
- Kasuya, Y., Moenius, J. (2008) 'The Nationalization of the Party-Systems: Conceptual Issues and Alternative District-Focus Measures', *Electoral Studies*, vol. 27, no. 1, pp. 126–135.
- King, C. (2010) *Extreme Politics: Nationalism, Violence, and the End of Eastern Europe*. Oxford: Oxford University Press. 243 p.
- Smith, B. (2016) 'Ethnonationalism as a Source of Stability in the Party Systems of Bulgaria and Romania: Minority Parties, Nationalism, and EU Membership', *Nationalism and Ethnic Politics*, vol. 22, no. 4, pp. 433–455.
- Zamfira, A. (2015) 'Methodological Limitations in Studying the Effect of (Inter)ethnicity on Voting Behaviour, with Examples from Bulgaria, Romania and Slovakia', *Erdkunde*, vol. 69, no. 2, pp. 161–173.

Статья поступила в редакцию: 10.11.2021

Статья принята к печати: 30.11.2021

ELECTORAL REGIONALISM: CASE OF DEMOCRATIC ALLIANCE OF HUNGARIANS IN ROMANIA

M. V. Grabevnik

M. V. Grabevnik, Junior Research Fellow,
Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: m.grabevnik@gmail.com (ORCID: 0000-0002-3321-7519. ResearcherID: G-5572-2018).

Abstract

The article analyzes the dynamics of the regionalism strategy of the Democratic Alliance of Hungarians of Romania (UDMR), representing the interests of the Hungarian minority, in the 1990s-2010s. The study uses official policy documents and manifestos of the Democratic Alliance of Hungarians in Romania, official electoral data, materials of coalition interactions and parliamentary debates, along with materials from the Manifesto Project Database. The results of the analysis show that the strategy of the regionalist party is transforming: from the rigid and consistent ethnolinguistic regionalism of the 1990s-2000s, in the 2010s the party is shifting to a more flexible adaptive strategy, which is a synthesis of moderate regionalism and competent positioning of the party as a coalition partner with a centrist social-economic agenda. The regionalist agenda is used by the party during the years of electoral activity, which serves as a tool for achieving institutional opportunities for participation in the national political process (shared-rule). The UDMR intention to expand the party's political subjectivity is not the main aim but the tool and opportunity for lobbying the interests of the regional community. The turn of the Hungarian regionalists from a strategy of confrontation with the Romanian unionist parties to a strategy of bargaining and cooperation is also the result.

Keywords: Democratic Alliance of Hungarians in Romania; Transylvania; Hungarian minority; regionalism; Romania; European Union.

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 19-18-00053 "Subnational regionalism and the dynamics of multilevel politics (Russian and European practices)") at the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

УДК-323:353(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-1-40-48

ОПЫТ БРЕНДИРОВАНИЯ РОССИЙСКИХ РЕСПУБЛИК: ВАРИАТИВНОСТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЭТНОКОМПОНЕНТА

М. В. Назукина, Е. Ю. Тарасова

Назукина Мария Викторовна, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет.
E-mail: nazukina@mail.ru (ORCID: 0000-0003-0190-0513).

Тарасова Евгения Юрьевна, аспирант факультета политических наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге.
E-mail: evfilippova@eu.spb.ru (ORCID: 0000-0001-5762-5536).

Аннотация

Исследование направлено на выявление институционализации этнического компонента в региональных брендах в российских национальных республиках. Этнические или этнорегиональные бренды рассматриваются как элемент институционализации этничности, способ маркирования границ по линии «мы – они». Для выявления закономерностей в брендинговой политике российских республик был задействован мониторинг СМИ через систему «Медиалогия». Он позволил определить направления реализации брендинга и выделить республики, в которых осуществляется комплексная политика в этой сфере. Выявлено, что объем региональных брендов в каждой из этнических территориальных автономий, включающих в себя этнический компонент, очевидным образом со спецификой состава регионального населения не связан. Наибольшее распространение в республиках имеет туристический и производственный брендинг, т.е. внешнее направление брендинга. Этничность как аспект внешнего позиционирования территориального сообщества связывается с подчеркиванием особенности национального состава населения региона. Перспективным направлением развития территориального брендинга является развитие внутренних брендов и сферы творческих индустрий в республиках.

Ключевые слова: институционализация; брендинговая политика; этничность; бренд; республики; Россия.

Политизация этнокультурных различий как тренд современного мира по определению имеет выраженное символическое измерение (Борисова, 2017). В таком преломлении этничность выступает ресурсом политической борьбы за смыслы, ценности и идеи, а не только за принятие конкретных политических решений (Панов, 2020). Первоначальный характер этого вектора – преимущественно дискурсивный, однако трудно не согласиться с утверждением П. В. Осколкова, что он может реализовываться и в недискурсивных, институционализированных форматах, так как в вопросе политизации этничности дискурсивное и недискурсивное взаимосвязаны (Осколков, 2021). Эмпирическая реальность дает множество примеров, когда этнически ориентированная символическая борьба приводила к конкретным политическим решениям – например, к изменению регионального законодательства о языках, как это произошло в испанском автономном сообществе Арагон в 2013 г. после дискуссии о статусе каталанского языка¹. Может, однако, быть и по-другому, когда акцентуация внимания на этничности в дискурсивном пространстве непосредственно к конкретным политическим решениям не приводит и не ставит перед собой такой цели. Так происходит в тех направлениях, которые ассоциированы главным образом с символической политикой как «деятельностью, связанной с производством определенных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование» (Малинова, 2012).

© Назукина М. В., Тарасова Е. Ю., 2022

¹ Filippova E. Regional languages in coalition agreements of regionalist and nationwide political parties: Spanish cases. URL: <https://www.icelds.org/2020/11/09/regional-languages-in-coalition-agreements-of-regionalist-and-nationwide-political-parties-spanish-cases/> (дата обращения: 05.11.2021).

Одно из таких направлений символической политики – региональное брендинг, содержание которого может включать этнический компонент (Назукина, 2018). Этнические или этнорегиональные бренды становятся воплощением того, что этничность для данного сообщества имеет значение (институционализируется) в социально-политических взаимодействиях (Назукина, 2020). Через этнокультурное измерение происходит маркирование границ по линии «мы – они», и для «мы-сообщества» этнический компонент воспринимается в качестве значимого и отличительного, как часть их региональной идентичности (Zimmerbauer, Paasi 2013). При этом очевидно, что роль, место и значение этничности в региональных брендах могут быть далеко не одинаковы для разных субъектов Российской Федерации. Во-первых, на это, безусловно, влияет наличие у региона статуса этнической территориальной автономии, при котором этничность признается как значимое основание для конструирования всего политического сообщества (Панов, 2016). Тематика регионального брендинга в этническом преломлении в этой связи может быть особенно актуальна для российских национальных республик. Во-вторых, и национальные республики отличаются друг от друга по характеру композиции населения.

Можно выдвинуть предположения относительно взаимосвязи структуры населения региона и значимости этничности в аспекте регионального брендинга. С одной стороны, минимальная доля титульного населения может снижать значимость этничности в региональном брендинге. Вместе с этим, очевидно, что в реальности связь, скорее всего, окажется более сложной, ведь даже небольшое по размерам этническое сообщество может обладать такой плотностью социальных связей, которая позволит ему активно артикулировать значимость этнического аспекта в политико-символическом ключе. Помимо этого, именно в таких республиках, возможно, кристаллизуется пространство для манифестации собственной личности и высокой необходимости выстраивать границы по линии «мы – они» с вниманием к этническому основанию с целью усиления значимости своей группы в контексте миноритарности. В свою очередь, в тех этнических автономиях, где доля титульного населения превалирует над долей русского, можно ожидать высокую степень значимости этнического компонента в региональных брендах.

Исследование, представленное в статье, направлено на выявление институционализации этнического компонента в региональных брендах разных типов. Какой объем региональных брендов в каждой из этнических территориальных автономий включает в себя этнический компонент, и связан ли этот объем со спецификой состава регионального населения? Для выявления закономерностей в брендинговой политике российских республик был задействован мониторинг СМИ через систему «Медиадиагностика»¹, которая обобщает информацию более чем по 30 тыс. источников, включающую публикации в печатных СМИ, сообщения информационных агентств, радио, телевидения, интернет-СМИ. Он позволил определить направления реализации брендинга, составив его типологию, и выделить республики, в которых осуществляется комплексная политика в этой сфере.

* * *

Территориальный брендинг относится к так называемой «новой геральдике» и приобретает большую популярность в практической политике в связи с возможностями позиционирования уникальности территории, получения социально-экономических эффектов. В маркетинге бренд – термин, символизирующий комплекс информации о компании, продукте или услуге; популярная, узнаваемая и юридически защищенная символика какого-либо производителя или продукта. А. Стась также указывает на взаимодействие большого количества целевых аудиторий, являющихся носителями и потребителями регионального бренда. Это жители региона, туристы, внешние инвесторы, СМИ, другие регионы (соседи), власть более высокого уровня, лидеры мнений (политика, культура, спорт), торговые партнеры. При этом наиболее важными являются аудитории, обеспечивающие поступление денежных средств в регион: инвесторы, туристы, внешние покупатели, население². Можно выделить следующие бренды развития территорий: брендинг места происхождения товаров и услуг; туристического направления; инвестиционной привлекательности; места жительства.

В данной работе брендинг понимается как процесс разработки и продвижения регионального бренда, который, в свою очередь, рассматривается как отражение идентичности места в его имидже. Речь идет не столько о визуальном наполнении (логотипе-бренде), сколько о философии и идее,

¹ Медиадиагностика. URL: <https://www.mlg.ru/> (дата обращения: 05.11.2021). Дата отчета 27.12.2020.

² Шестопалов, А., Стась, А. 'Роль брендинга в реализации стратегии развития территории', *Технологии управления маркетингом*. URL: http://infowave.ru/lib/periodicals/45_technologii_upr_marketingom/ (дата обращения: 05.11.2021).

сплачивающей сообщество и определяющей его идентичность (Andersson, 2014; Anholt, 2006, Anholt, 2008; Ashworth & Kavatzis, 2009). Таким образом, в брендинге укореняется региональная идентичность. Этнические особенности наряду с природно-географическими часто используются для фиксации территориальной особенности, поскольку формируют не только территориальные, но и этнические границы, провоцируют сильную рефлексию и дискуссию в сообществах о том, кто есть «мы». Обращение к опыту брендинга, ко всему прочему, позволяет выявить, насколько значим этнический компонент в осмыслении региональной особенности. Поскольку он предполагает выбор и закрепление определенных черт исключительности региона, он может показывать степень общественного консенсуса по поводу данного смысла уникальности.

В концептуально-метафоричном смысле этничность, встраиваясь в символическое измерение регионального брендинга, несет в себе «переливающийся» характер. «Переливающаяся» этничность в зависимости от контекста способна последовательно переходить из одного состояния в другое, где под состоянием подразумевается ее политическая значимость как аспект самопрезентации регионального сообщества. Одним из очевидных стимулов такого перехода выступает содержательная сторона брендинга. Региональный бренд несет в себе две ключевые функции – внешнее и внутреннее позиционирование территориального сообщества. У этих функций разные задачи: если первая ориентирована на презентацию региона вовне и привлечение к нему внимания со стороны жителей других территорий, то вторая – на консолидацию внутри сообщества. Так или иначе, суммарно обе задачи ведут к акцентуации особенности региона.

В случае, если в качестве отличительного признака сообщества можно использовать этнический компонент, как в российских национальных республиках, логика его встраивания в брендинг может различаться в зависимости от выполняемой функции. Этничность как аспект внешнего позиционирования территориального сообщества связывается с подчеркиванием особенности национального состава населения региона – «мы особые в этническом отношении, и нам важно, чтобы внешний мир узнавал нас такими». При этом, очевидно, такое подчеркивание не во всех случаях маркирует политизированную этничность. Само по себе заявление об этнической специфике населения региона, направленное во внешний мир, не всегда автоматически означает политизацию. В этом смысле у этничности появляются две коннотации – маркер «обычной», фактической особенности и маркер особенности, которая значима для политических взаимодействий. Вторая коннотация, как представляется, актуализируется в интеракции со «значимым другим». Этничность приобретает коннотации политизации, когда внешний мир для региона воспринимается как «значимый другой», а не только как потенциальный партнер по интеракции. В свою очередь, этничность как аспект внутреннего позиционирования территориального сообщества, раскрывается в другом измерении – «мы особые в этническом отношении, и мы не должны забывать об этом». Этничность как «склейка» для связей внутри регионального сообщества здесь политизирована по умолчанию.

* * *

В таблице представлены результаты суммирования проектов региональных брендов в российских республиках и доля брендов с упоминанием этнического компонента. Подсчет осуществлялся с помощью данных мониторинга в информационной системе «Медиалогия» с 2012 по 2020 гг. по словосочетанию «бренд республики». Учитывались любые проекты по брендингу региона (включая завершенные и отмененные) и факт присутствия этнокомпонента в них (упоминание титульной группы или любой другой этнической специфики регионального сообщества).

Можно сделать вывод, что объем региональных брендов в каждой из этнических территориальных автономий, включающих в себя этнический компонент, очевидным образом со спецификой состава регионального населения не связан. Можно увидеть, например, что абсолютная доля «этнических» брендов встречается и в республиках с полиэтничным составом населения (Дагестан, Карачаево-Черкессия), и там, где русские явно преобладают (Коми, Удмуртия), и в регионах с явным доминированием и преобладанием «титульного» населения (Тува, Калмыкия), и в республиках с примерным равенством русского и «титульного» населения (Мордовия). Среди наиболее активных республик по использованию инструментов брендинговой политики - Ингушетия, Тува, Татарстан (регионы, где доминирует или явно преобладает «титульное» население) и Алтай (где явно преобладают русские).

Количество брендинговых практик с упоминанием этничности с 2012 по 2020 гг.

Республика	Общее кол-во брендинговых практик	Кол-во брендинговых практик с упоминанием этничности	Доля брендинговых практик с упоминанием этничности, %
Адыгея	4	2	50
Алтай	5	3	60
Башкортостан	4	3	75
Бурятия	3	2	67
Дагестан	4	4	100
Ингушетия	6	5	83
Кабардино-Балкария	3	1	33
Калмыкия	3	3	100
Карачаево-Черкессия	2	2	100
Карелия	4	1	25
Коми	3	3	100
Марий Эл	4	2	50
Мордовия	2	2	100
Саха (Якутия)	3	2	67
Северная Осетия – Алания	4	3	75
Татарстан	5	4	80
Тува	5	5	100
Удмуртия	2	2	100
Хакасия	3	1	33
Чечня	3	2	67
Чувашия	3	1	33
Крым	3	0	0

Таблица составлена на основе поиска в информационной системе «Медиалогия» с 2012 по 2020 гг. по словосочетанию «бренд республики».

Анализ конкретных примеров инкорпорирования этничности в брендинговые практики позволил выделить несколько направлений. Первое направление – брендинг места происхождения товаров и услуг (производственный брендинг), при котором важным становится маркирование товара как произведенного в республике. В эту группу попадают конкурсы и проекты логотипов по принципу «сделано в...», «произведено в...». К примеру, с 2011 г. в Саранске велась работа по созданию единого бренда для продвижения продукции республики, а в 2013 г. был проведен республиканский творческий конкурс «Лучший бренд Республики Мордовия»¹. Участие в конкурсе приняли несколько известных в республике предприятий, которые представили около 100 эскизов бренда. В подавляющем большинстве эскизов использовались элементы мордовской символики: национальный солярный знак, который содержится на флаге и гербе республики. В итоге правительство республики утвердило эмблему товарного бренда региона, в основе которой был закреплен национальный солярный знак – восьмиконечная розетка или «мордовская звездочка» и надпись «Товары Мордовии»². Как отмечается в презентационных материалах, графический знак «Бренд Республики Мордовии» создан для «продвижения продукции Мордовии на российском рынке, и его обладателями уже стали многие предприятия республики. Использование знака способствует продажам их продукции и узнаваемости Республики Мордовия в регионах России и за рубежом»³. Решение о праве использования графического знака принимается Межведомственной комиссией по присвоению графического знака «Бренд Республики Мордовия». В разные годы свидетельства на право получали Саранский приборостроительный завод, ООО «Саранский завод лицевого кирпича», Федеральное казенное предприятие «Саранский Механический завод» и др.

В Туве Торгово-Промышленная палата республики при поддержке Фонда Предпринимательства Тувы регулярно проводит онлайн-конкурс на лучшего местного товаропроизводителя

¹ Мордовия создает свой бренд (2013), *Пресс-релизы Publishernews.ru*, Москва, 18.04.

² Зотикова, В. (2013) 'В Мордовии утвердили свой «Знак качества»', *Российская газета (rg.ru)*, 17.07.

³ Положение о проведении республиканского творческого конкурса «Лучший бренд Республики Мордовия». URL: <https://chamzinka.e-mordovia.ru/file/1635> (дата обращения: 05.11.2021).

«Сделано в Туве»¹. Главная задача проекта – продвижение продукции местных товаропроизводителей на внутреннем и внешних рынках. Знак «Сделано в Туве» прошел отбор на специально организованном для этого конкурсе, в котором участвовали 10 конкурсантов, представившие более 50 работ. Знак представляет собой стилизованное изображение в виде пятиугольника с разомкнутыми гранями, по замыслу автора, объединяющее традиционный знак качества и пятилистник герба Республики Тува. Аналогичные проекты осуществляются и в других республиках. Так, конкурс «Сделано в Бурятии» проходит с 2014 г. Логотип проекта также основан на символическом капитале региона, в котором отражены природа и традиции жителей.

Местная кухня и производство товаров питания – также важнейший маркер, формирующий конкурентное преимущество территории, один из ключевых компонентов образа территории (Boone, Hall, 2004; Fields, 2002). Поэтому в качестве отдельного направления производственного брендинга можно выделить гастрономический брендинг. По итогам национального конкурса продуктов питания 2020 г. «Вкусы России», организованного Минсельхозом России, от республик победителями стали: адыгейский сыр, алтайский и башкирский мед, казанский чак-чак, бурятские бузды, дагестанская баранина, тувинская баранина, татарский вяленый гусь, карельская форель, крымское вино, осетинские пироги. Как отмечается в информации о победителях, большинство из них связаны с традиционной кухней народов этих регионов².

Развитие гастрономического туризма в республиках действительно происходит на базе национальной кухни. Здесь можно привести в пример случай Карелии, где культивируется традиционный пирожок из ржаного теста – карельская калитка: «Кухня, вот те же калитки. Калитки делают карелы, калитки делают финны, калитки делают вепсы, калитки делают русские. У всех свои нюансы. Но всё равно это вот такой северный пирожок, что называется свой специфический. Я понимаю, что он в Архангельске есть, да, и в Вологде есть и в Мурманске естественно. Теперь он разошёлся везде, и за границей он есть, в Финляндии и т.д. Вот такая специфика нашей республики»³. В 2020 г. права на региональный бренд «Калитка карельская» получил Суоярвский хлебозавод в Республике Карелия⁴. Регистрация брендов позволяет закрепить право использования бренда, которые имеет четкую географическую привязку.

Второе направление инкорпорирования этничности в брендинговый процесс – культурное, в рамках которого происходит позиционирование национального колорита через продвижение народных ансамблей, инструментов, поэзии, легенд и т.п. В Башкортостане, например, как бренд продвигаются сюжеты старинного башкирского эпоса «Урал Батыр», в Удмуртии – национальный коллектив «Бурановские бабушки» и т.д. Большое значение отводится визуальным отличиям, в частности, народному костюму. В Чувашии, национальный костюм чувашей объявлен национальным брендом региона: «Чувашский национальный костюм – одно из самых ярких проявлений культуры. Он способен рассказать всему миру о вековых традициях и обычаях, быте и истории народа, о художественном вкусе и мастерстве, которое передается из поколения в поколение. Это бренд поразительной силы, о котором мы не должны забывать»⁵.

Кроме того, в республиках национальные коллективы выступают как «визитная карточка территории». В качестве яркого примера – горловое пение – «Хоомей» в Туве. В Республике предусмотрены специальные льготы для профессиональных исполнителей горлового пения. Указом главы Тувы Шолбана Кара-оола, подписанным 12 августа 2015 г., 17 августа был провозглашен днем горлового пения – «Хоомей». Этим же указом были определены критерии для присуждения почетных званий исполнителям горлового пения, в числе которых победы на республиканских и международных фестивалях-конкурсах исполнителей горлового пения «Хоомей».

Не менее важным направлением брендинга на базе этничности выступает туристическое направление, которое по аналогии с культурным акцентирует этнокомпонент как часть привлекательности региона, синтезируя природу и этничность. Причем бренд может быть запатентованным, как это, например, произошло в Республике Алтай: отобранный в рамках конкурсных процедур в 2009 г.

¹ «Сделано в Туве: В республике выберут лучшего товаропроизводителя» (2020), *Тува медиа групп*, 21.05. URL: <https://tmgnews.ru/ekonomika-i-biznes/sdelano-v-tuve-v-respublike-vyberut-luchshego-tovaroproizvoditelya/> (дата обращения: 05.11.2021).

² Вкусы России. URL: <https://russiantastes.ru/> (дата обращения: 05.11.2021).

³ Интервью с экспертом. Петрозаводск, сентябрь 2021. Личный архив авторов.

⁴ Чеповская, А. (2020) «Притворить калитку: в Карелии оформили право на национальное блюдо», *Известия*, 06.07. URL: <https://iz.ru/1031142/anastasiia-chepovskaia/pritvorit-kalitku-v-karelii-oformili-pravo-na-natsionalnoe-bliudo> (дата обращения: 05.11.2021).

⁵ Зайцева, Е. (2015) «Летопись в вышивке», *Советская Чувашия*, 15.03. URL: <http://sovch.chuvashia.com/?p=132144> (дата обращения: 05.11.2021).

бренд «Горный Алтай» официально запатентован Федеральной службой по интеллектуальной собственности. Он представляет баланс этнического и территориального в смысловом наполнении: знак отображает традиционную форму жилищ древних алтайцев – аил с распахнутым входом, что символизирует гостеприимство народов Горного Алтая, горный рельеф и самую высокую гору Сибири – Белуху: «Знак отображает традиционную форму жилищ древних алтайцев – аил с распахнутым входом, что символизирует гостеприимство народов Горного Алтая, горный рельеф и самую высокую гору Сибири – Белуху. Соотношение белой и голубой полос на товарном знаке соответствует цветам флага Республики Алтай. Голубая полоса означает бесконечность Вселенной, мир, благополучие, чистое небо, горы, реки и озера республики. Белая полоса олицетворяет вечность, стремление к возрождению, любви, согласию народов Горного Алтая»¹. Как видно в примере данного бренда, география и природа включает этничность, происходит интегрирование разнообразных этнических групп в единый регион – сообщество через понятие «Горный Алтай».

В Башкортостане практики выработки туристического бренда в 2019 г. завершились презентацией туристского бренда-логотипа TERRA BASHKIRIA и слогана «Душа Урала. Сердце Евразии». Оформление бренда представляет собой «переработку» башкирского орнамента, который играет яркими цветами на черном фоне, в контрастных сочетаниях: «В этих пикселях можно увидеть что угодно, главное – национальный колорит»². Сам бренд, несмотря на позитивные реакции экспертов и населения, системного продвижения так и не получил.

В Татарстане на сегодняшний день в официальном дискурсе выстраивается мифология о татарстанцах как мультиэтническом сообществе, и в этом плане весьма показательна история с созданием регионального бренда Татарстана в 2014 г. Разработанный по заказу республиканских властей бренд «Наследие Татарстана» был основан на историко-культурном наследии Республики, важной составляющей которого, по мнению разработчиков, являются 10 качеств, формирующих т.н. «татарстанский архетип»: скорость, выносливость, достоинство, пылливость, чутье, следование традициям, мастерство, единство, упорство и целеустремленность. Каждое из выделенных качеств визуально было представлено в виде элементов стиля нового бренда (скорость была символизирована, например, через изображение лошади, выносливость представляли борцы кэреш). Цветовой основой визуального стиля бренда были выбраны оттенки красного, которые отображали три культурные традиции, присущие Татарстану: ярко-красный – Славянская традиция, светло-красный – Монгольская традиция, темно-красный – Булгарская традиция. Переплетаясь вместе, они должны создавать «символическую цветовую систему, верную для всех татарстанцев вне зависимости от этнической и конфессиональной принадлежности». Идея, как видно, базировалась на территориальной основе – «татарстанскости», суть которой была сформулирована в «Концепции бренда» как «движение вперед» или «(постоянное) совершенствование (мастерства)», «самореализация через неустанное совершенствование»³.

Таким образом, в Татарстане предприняли попытку культивирования «культурного кода территории» через мультикультуру и территориальность, оформляющую единую культурно-географическую общность: «Брендинг опирается не на татар, а на татарстанцев. Конечно, отсылка на этничность есть»⁴. На вопрос, с чем познакомите приезжих, большинство экспертов отмечают именно этническую специфику: «С татарской кухней. Чак-чак. Язык, культура, кухня, театр, спортивные команды. Чем мы отличаемся от других регионов? Конечно, этническим компонентом»⁵. В 2015–2016 гг. в регионе был принят новый туристический бренд «Татарстан – 1001 удовольствие», где делается акцент, прежде всего, на внешнюю аудиторию и на комфортное проживание и пребывание в республике.

¹ Приказ министерства экономического развития и туризма Республики Алтай от 4 авг. 2017 г. N 187-ОД «Об использовании регионального бренда (товарного знака, знака обслуживания «Горный Алтай»». URL: <http://docs.cntd.ru/document/450289538> (дата обращения: 04.05.2021).

² Интервью с экспертом, Уфа, декабрь 2020. Личный архив авторов.

³ О Концепции имиджевого образа (бренда) «Историко-культурное наследие Республики Татарстан» (бренд «Наследие Татарстана»). Постановление КМ РТ N 1004 от 19 дек. 2014 г., *Информационный портал Республики Татарстан*. URL: <http://tatarstan.regnews.org/doc/vq/kl.htm> (дата обращения: 05.11.2021).

⁴ Интервью с экспертом 2, Казань, июнь 2019. Личный архив авторов.

⁵ Интервью с экспертом, Казань, июнь 2019. Личный архив авторов.

* * *

Обращение к опыту брендинга в российских республиках позволяет выявить, насколько значим этнический компонент в осмыслении региональной особенности. Поскольку он предполагает выбор и закрепление определенных черт исключительности региона, то может показывать степень общественного консенсуса по поводу данного смысла уникальности.

Этничность в региональном брендинге играет несколько ролей, и иногда эти роли проявляются одновременно. Так, одна из ролей – привлекающая – может быть направлена на привлечение туристов в регион, а этничность в этом случае – маркер особенности, способный вызывать общественный интерес в силу своей необычности, богатой истории, накопленных традиций и т. д. Другая роль – консолидирующая – может проявляться в совокупности с значимостью сохранения баланса в межэтнических отношениях внутри регионального сообщества, и поэтому сила этничности в ней по умолчанию проявляется «половинчато».

Пример Татарстана можно привести в качестве кейса, где брендинговые практики системно реализуются не только для внешнего продвижения территории, но и как часть внутренней политики для сплочения жителей («татарстанцы»). Такие проекты в республиках на сегодняшний день единичны. Как показывает мониторинг СМИ, преобладающей линией выступает цель брендинга как внешняя известность и поиски туристических брендов.

Перспективным направлением развития территориального брендинга является развитие сферы творческих индустрий: «Безусловно, символы «замыливаются», хочется инноваций, хотя некоторые считают, что это пустая трата денег. Но должны быть какие-то оплоты, чтобы традиции передавались, стабилизировались в сознании. Среди молодежи есть запрос. Хотя, скорее, это касается не этнокультурного плана, а поддержки малых форм бизнеса, стартапов»¹.

Финансовая поддержка

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-011-00810А «Институционализация этничности в политике идентичности российских республик: комплексный сравнительный анализ».

Список литературы / References

- Борисова, Н. В. (2017) *Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях*. Москва: Политическая энциклопедия. [Borisova, N. V. (2017) *When Languages are on fire: Challenging Language regimes as a challenge to balance in interethnic relations* [Kogda yazyki v ogne: osparivanie yazykovykh rezhimov kak vyzov balansu v mezhetnicheskikh otnosheniyah]. Moscow: Political Encyclopedia (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2012) 'Символическая политика: контуры проблемного поля', *Символическая политика* (1), сс. 5–17. [Malinova, O. Y. (2012) 'Symbolic Politics: Contours of the problem field' [Simvolicheskaya politika: kontury problemnogo polya], *Symbolic Politics*, (1), pp. 5–17. (In Russ.)].
- Назукина, М. В. (2018) 'Маркеры этничности в региональной идентичности республик России' *Регионоведение*, 26(4), сс. 698–717. [Nazukina, M. V. (2018) 'Markers of Ethnicity in the Regional Identity of Russia's Republics' [Markery etnichnosti v regional'noj identichnosti respublik Rossii], *Regionologiya*, 26(4), pp. 698–717. (In Russ.)]. DOI: 10.15507/2413-407.105.026.201804.698-717.
- Назукина, М. В. (2020) 'Институционализация этничности в политике идентичности российских республик: концептуальный анализ', *Политические исследования* (3), сс. 78–92. [Nazukina, M. V. (2020) 'The Institutionalization of Ethnicity in the Identity Policy of Russian Republics: Conceptual Analysis' [Institucionalizaciya etnichnosti v politike identichnosti rossijskih respublik: konceptual'nyj analiz], *Polis. Political Studies*, (3), pp. 78–92. (In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2020.03.06.

¹ Интервью с экспертом 5, Казань, июнь 2019. Личный архив авторов.

- Осколков, П. В. (2021). 'Политизация этничности и смежные феномены (Контурсы терминологического поля)', *Мировая экономика и международные отношения*, 65(8), сс. 131–138. [Oskolkov, P. (2021) 'Politicization of Ethnicity and Related Phenomena' [Politizaciya etnichnosti i smezhnye fenomeny (Kontury terminologicheskogo polya)], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 65 (8), pp. 131–138. (In Russ.)]. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-131-138.
- Панов, П. В. (2016) 'Мир этнических региональных автономий: представление новой базы данных', *Вестник Пермского университета. Политология* (4), сс. 66–93. [Panov, P. (2016) 'The world of ethnic regional autonomies: introducing a new database' [Mir etnicheskikh regional'nyh avtonomij: predstavlenie novoj bazy dannyh], *Bulletin of Perm University. Political Science* (4), pp. 66–93. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2020) 'Структурные факторы институционализации этничности в политике «национальных республик» Российской Федерации', *Вестник Пермского университета. Политология* (4), сс. 5–18. [Panov, P. (2020) 'Structural factors for the institutionalization of ethnicity in the politics of the 'national republics' of the Russian Federation' [Strukturnye faktory institucionalizacii etnichnosti v politike «nacional'nyh respublik» Rossijskoj Federacii], *Bulletin of Perm University. Political Science* (4), pp. 5–18. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-4-5-18.
- Andersson, I. (2014) 'Placing place branding: an analysis of an emerging research field in human geography', *Geografisk Tidsskrift-Danish Journal of Geography*, 114 (2), pp. 143–155. DOI: 10.1080/00167223.2014.895954.
- Anholt, S. (2006) 'The Anholt-GMI city brands index: how the world sees the world's cities', *Place Branding and Public Diplomacy*, 2 (1), pp. 18–31. DOI: 10.1057/palgrave.pb.5990042.
- Anholt, S. (2008) 'Place branding: is it marketing, or isn't it?', *Place Brand Public Diplomacy*, 4 (1), pp. 1–6. DOI: 10.1057/palgrave.pb.6000088.
- Ashworth, G. J., Kavaratzis, M. (2009) 'Beyond the logo: brand management for cities', *Journal of Brand Management*, 16 (8), pp. 520–531. DOI: 10.1057/palgrave.bm.2550133.
- Boyne, S., Hall, D. (2004) 'Place promotion through food and tourism: Rural branding and the role of websites', *Place Branding*, 1 (1), pp. 80–92. DOI: 10.1057/palgrave.pb.5990007.
- Fields, K. (2002) 'Demand for the gastronomy tourism product: motivational factors', *Tourism and Gastronomy*. London: Routledge, pp. 36–50. URL: https://thesispublication.com/wpcontent/uploads/Greg_Richards_Tourism_and_Gastronomy_Routledge_BookFi.pdf.
- Zimmerbauer, K., Paasi, A. (2013) 'When old and new regionalism collide. De-institutionalization of regions and resistance identity in municipality amalgamations', *Journal of Rural Studies*, 30, pp. 31–40. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2012.11.004.

Статья поступила в редакцию: 27.11.2021

Статья принята к печати: 15.12.2021

BRANDING EXPERIENCE OF RUSSIAN REPUBLICS: VARIABILITY OF THE INSTITUTIONALIZATION OF THE ETHNIC COMPONENT

M. V. Nazukina, E. Yu. Tarasova

M. V. Nazukina, Senior Lecture,

Perm State University.

E-mail: nazukina@mail.ru (ORCID: 0000-0003-0190-0513. Researcher ID: L-8246-2016).

E. Yu. Tarasova, graduate student,

European University at St. Petersburg.

E-mail: evfilippova@eu.spb.ru (ORCID: 0000-0001-5762-5536).

Abstract

The research is aimed at identifying the institutionalization of the ethnic component in regional brands in Russian national republics. Ethnic or ethno-regional brands are considered as an element of the institutionalization of ethnicity, a way of marking borders in accordance with the "us vs. them" dynamic. To identify patterns in the branding policy of the Russian republics, media monitoring is used through the Medialogy system. The latter helps to determine the directions of branding implementation and to highlight the republics where a comprehensive policy in this area present. It is revealed that there is no clear relation between the volume of regional brands having an ethnic component in each of the ethnic territorial autonomy and the specifics of the composition of the regional population. Tourist and industrial branding, i.e., the external direction of branding, are the most widespread in the republics. Ethnicity as an aspect of the external positioning of the territorial community is associated with the emphasis on the uniqueness of the national composition of the population of the region. A promising direction for the development of territorial branding is the development of domestic brands and the sphere of creative industries in the republics.

Keywords: institutionalization; branding policy; ethnicity; brand; republics; Russia.

УДК-323:352(470.53)

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-1-49-57

ЛОКАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ В СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ ПЕРМСКОГО КРАЯ В КОНТЕКСТЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ (УКРУПНЕНИЯ) МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Г. Г. Красильщиков

Красильщиков Глеб Геннадьевич, старший преподаватель,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
E-mail: krasilshchikov@gmail.com (ORCID: 0000-0002-7342-589X. ResearcherID: M-6092-2018).

Аннотация

Представлены результаты эмпирического исследования локальных элит в условиях преобразования муниципального устройства, проведенного в 2021 г. в трех сельских территориях Пермского края, который стал одним из первых субъектов Российской Федерации, где произошло массовое создание муниципальных образований нового типа – муниципальных округов. Кардинальное изменение системы организации местного самоуправления в регионе может оказывать влияние на межэлитные взаимоотношения, политические и управленческие процессы в территориях. Цель исследования – выявить политические и управленческие особенности укрупнения муниципальных образований и их влияние на межэлитные взаимоотношения в локальных сообществах. Исследование выполнено в духе структурного подхода к изучению элит, в работе используется сочетание позиционного, решенческого, репутационного и социометрического методов. Для сбора информации проведены 30 неформализованных (глубинных) интервью с представителями местных элит (по 10 в каждой изучаемой территории). Исследование показало, что укрупнение муниципалитетов в сельских территориях с низкой динамикой политического процесса не является решающим фактором, оказывающим влияние на межэлитные отношения, но в некоторых случаях может послужить толчком к эскалации политической напряженности.

Ключевые слова: местное самоуправление; муниципальное управление; локальные элиты; преобразование (укрупнение) муниципальных образований.

Изучение локальных элит в условиях изменения муниципального устройства и включения местного самоуправления в единую систему публичной власти является важным для понимания политических и управленческих процессов, происходящих на наиболее близком к населению уровне власти. Межэлитные отношения, их особенности, динамика и типы в локальных сообществах могут оказывать влияние не только на распределение властных и управленческих полномочий и ресурсов, но и на качество муниципального управления и, как следствие, на удовлетворенность граждан.

Теме изучения локальных политических элит и различных ее аспектов в современной политической науке уделяется большое внимание. Прежде всего, стоит отметить работы, посвященные методологии изучения местных, в том числе, городских элит. Особое место в данном направлении занимают исследования Ф. Хантера, который использовал для определения локальной элиты репутационный метод (Hunter, 1953), Р. Даля (Dahl, 1961), К. Стоуна (Stone, 1989), Д. Логана и Х. Молоча (Logan & Molotch, 1987). Среди российских исследователей, которые занимались теоретическими и методологическими подходами к изучению элит, можно выделить, В. Г. Ледаева (Ледаев, 2008), Т. Б. Витковскую (Витковская, 2011), О. В. Гаман-Голутвину (Гаман-Голутвина, 2016), Р. Ф. Туровского (Туровский, 2019). В изучении локального уровня власти в отечественной политологии получили развитие такие вопросы, как институциональная структура муниципальной власти (Гельман и Ланкина, 2007), локальные политические режимы (Борисова и др., 2011; Чирикова и Ледаев, 2017), проблемы политического лидерства (Чирикова и Ледаев, 2021a; Чирикова и Ледаев, 2021b), распределение властного ресурса между различными политическими акторами (Подвинцев и Рябова, 2018), роль локальных legislatures в системе муниципальной власти (Витковская, 2017; Витковская, 2021; Панов и Петрова, 2017; Панов, 2019). В настоящее время в контексте реформирования муниципаль-

ного управления в России появляются работы, в которых авторы анализируют влияние управленческих процессов на локальный уровень власти (Зуйкина, 2019, Гилев и Швецова, 2021).

Однако, несмотря на широкий спектр рассматриваемых вопросов, проведение эмпирических исследований в сфере изучения локальных элит и, особенно, влияния на них реформ местного самоуправления представляется достаточно востребованной с научной точки зрения задачей в силу постоянного изменения конфигурации муниципальной власти. В данной работе предлагается рассмотреть локальные элиты в сельских территориях в контексте преобразования (укрупнения) муниципальных образований. Цель исследования – определить особенности, динамики и типы межэлитных взаимоотношений в условиях изменения структуры муниципального устройства и перераспределения властных и управленческих полномочий в сельских территориях. Отдельно стоит отметить важность определения не только отношения представителей локальных элит к укрупнению муниципальных образований, но и проблем и организационных патологий, связанных с этим процессом и влияющих на межэлитные взаимоотношения.

Значимость изучения влияния укрупнения муниципалитетов на политические и управленческие процессы в сельских территориях актуализирует принятие Федерального закона от 1 мая 2019 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”», который закрепляет в законодательстве о местном самоуправлении новый тип муниципального образования – муниципальный округ¹. В соответствии с указанным выше законом, не только городские, но и сельские территории получают возможность сформировать одноуровневую систему управления и ликвидировать поселенческий уровень самоуправления.

В качестве исследовательского кейса для изучения локальных элит в сельских территориях интерес представляет Пермский край – именно в этом субъекте Российской Федерации стали массово преобразовывать муниципальные образования и создавать муниципальные округа. По данным краевого Министерства территориального развития в период с 2017 по 2020 гг. в регионе появились 18 муниципальных округов². Для проведения эмпирического исследования были выбраны три муниципальных округа Пермского края, которые относятся к традиционным аграрным территориям.

В качестве теоретико-методологической основы для изучения локальных элит был выбран структурный подход. Основным методом при проведении эмпирического исследования стал метод неформализованного (глубинного) интервью с представителями местных элит. Гайд исследования включал вопросы распределения власти в территории, участия в процессе принятия решений, политических и экономических последствий для местных и региональных элит процесса преобразования (укрупнения) муниципальных образований. В каждой из изучаемых территорий было проведено по 10 экспертных интервью с представителями локальных элит. Для определения респондентов использовалось сочетание нескольких методов. Позиционный метод позволил определить представителей локальных элит исходя из занимаемого статуса (должности) в существующей системе властных отношений – административную элиту. Однако, поскольку основным критерием включения в элиту в соответствии со структурным подходом является «присутствие во власти», то в качестве респондентов были выбраны не только представители местной бюрократии, но и предприниматели, руководители организаций бюджетной сферы, бывшие главы сельских поселений, иные лидеры общественного мнения. Условием включения их в местную элиту являлась возможность оказывать влияние на процессы принятия решений, в том числе, по мнению других представителей элиты. Таким образом, данные респонденты были определены с помощью сочетания решенческого и репутационного методов. На этапе обработки данных, полученных по результатам проведения интервью, для определения особенностей и типов взаимоотношений внутри локальных элит применялся социометрический метод. Также для более детальной оценки особенностей каждой территории были проанализированы ключевые показатели и наиболее актуальные проблемы социально-экономического развития территории и дана общая характеристика каждого муниципалитета.

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Фед. закон от 1 мая 2019 г. № 87-ФЗ.

URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323814 (дата обращения: 01.10.2021).

² Укрупнение муниципальных образований [Электронный ресурс], Официальный сайт М-ва территориального развития Пермского края. URL: <https://minter.permkrai.ru/deyatelnost/ukrupnenie-munitsipalnykh-obrazovaniy/ukrupnenie-munitsipalnykh-obrazovaniy> (дата обращения: 12.11.2021).

* * *

Все выбранные для рассмотрения в данном исследовании муниципальные образования являются типичными сельскими территориями Пермского края. Они имеют сходные социально-экономические проблемы, тем не менее, в каждой территории есть и ряд характерных черт. Ниже предлагается более детально остановиться на ситуации в каждом из муниципалитетов.

Муниципальное образование «Муниципальный округ № 1»

Муниципальное образование «Муниципальный округ № 1» появилось как результат объединения сельского поселения – административного центра муниципального района с другими поселениями этого же района. «Муниципальный округ № 1» – компактная аграрная территория, основу экономики которой составляют сельское хозяйство и сфера услуг. Промышленное производство не развито, но на территории округа добычу нефти ведет крупная федеральная нефтяная компания.

В качестве основных проблем социально-экономического развития эксперты называют отток молодежи (80% среди опрошенных), отсутствие квалифицированных кадров (70%) и промышленного производства (50%). Также значительная часть респондентов (40%) отметили удаленность округа от основных региональных и федеральных трасс. В целом, комплекс проблем является типичным для сельских территорий региона. По мнению ряда респондентов, в округе практически отсутствуют собственные ресурсы для развития территории: *«Откуда у нас деньги, ресурсы? Мы – маленькие и бедные. Нам остается уповать только на край и нефтяников. Сами мы только дыры латать можем»*¹.

Общественно-политическая ситуация в территории является, по мнению экспертов, *«спокойной», «стабильной»* и *«практически бесконфликтной»*. Специфических протестных настроений среди населения респонденты также не отмечают. Наиболее значимой и, по сути, единственной относительно крупной группой влияния на территории округа является группа, сформированная вокруг фигуры главы округа. Данная группа влияния, как это часто бывает в небольших сельских территориях, сложилась на основе формально-иерархических связей и включает в себя представителей окружной администрации, бюджетников и часть депутатов. Других крупных центров влияния в результате социометрического анализа выявлено не было.

Дума муниципального округа состоит преимущественно из работников бюджетной сферы и пенсионеров. Среди депутатов также есть представители бизнеса и сельскохозяйственных предприятий, но на этом их влияние на политическую жизнь округа ограничивается. Эксперты характеризуют отношения большинства депутатов с администрацией округа как *«рабочие»*, но отмечают, что отдельные депутаты находятся в напряженных взаимоотношениях с главой. Тем не менее, данный конфликт не оказывает серьезного влияния на политический процесс в территории: *«Ну цапаются периодически, ну и что? Никому от этого ни жарко, ни холодно»*².

Серьезного влияния крупных краевых и федеральных акторов на политические процессы в муниципалитете также не выявлено. Федеральная нефтяная компания реализует на территории округа ряд социально значимых проектов, представитель компании от одномандатного округа является депутатом Законодательного собрания Пермского края, но какого-либо серьезного влияния на политический процесс в территории нефтяники не оказывают: *«Нефтяники свои задачи решают на другом уровне. Округ им не интересен. Руку, конечно, на пульсе держат, с социалкой помогают, но не более»*³.

Межэлитные взаимоотношения в муниципалитете можно охарактеризовать как компромиссные; крупных и значимых политических конфликтов не установлено. Характерный для аграрных территорий патернализм населения, низкий уровень консолидации элит и отсутствие значимых для крупных политических акторов ресурсов обеспечивают низкую динамику политического процесса.

Что касается процесса преобразования района в округ, то он слабо отразился на политической ситуации – конфликтов внутри элиты удалось избежать. Большинство бывших глав сельских поселений получили те или иные должности в объединенной администрации. Недовольство жителей ликвидацией поселенческого уровня было купировано информационной кампанией со стороны администрации: *«Жители сначала возмущались, но потом глава проехал по поселениям, все объяснил. Жителям какая разница, как это называется? Им, главное, чтобы можно было справку как и раньше по»*

¹ Интервью № 1, «Муниципальный округ № 1», 12.10.2021, Из лич. арх. авт.

² Интервью № 3, «Муниципальный округ № 1», 14.10.2021, Из лич. арх. авт.

³ Интервью № 4, «Муниципальный округ № 1», 18.10.2021, Из лич. арх. авт.

лучить»¹. Большая часть (80%) опрошенных представителей локальной элиты считают, что преобразование в муниципальный округ не оказало серьезного влияния на общественно-политическую жизнь – какого-либо серьезного изменения конфигурации межэлитных отношений не произошло. Тем не менее, некоторые респонденты считают, что потенциально может усилиться роль местной легислатуры: *«Я думаю, что роль депутата будет усиливаться. Раньше их сколько было? В каждом поселении по несколько штук. Их уговаривать приходилось. А теперь всего 15 на весь округ»*².

Среди политико-управленческих проблем преобразования респонденты выделили снижение скорости оказания муниципальных услуг (60%), окончание предоставления субсидии из краевого бюджета в рамках трехлетних программ развития преобразованных территорий (30%), концентрация ответственности за все процессы на территории на единой администрации и лично главе округа (20%). В целом, можно отметить, что преобразование в «Муниципальном округе № 1» в большей степени отразилось на организационно-управленческих, нежели на политических процессах.

Муниципальное образование «Муниципальный округ № 2»

Создание «Муниципального округа № 2» происходило путем объединения поселений муниципального района в муниципальный округ при сохранении административного центра округа на территории другого муниципального образования.

Основные отрасли экономики округа – сельское хозяйство, лесозаготовки и сфера услуг. Стоит отметить, что площадь муниципального округа достаточно велика, расстояния между крупными населенными пунктами составляют более 50 км. Социально-экономическая ситуация в «Муниципальном округе № 2», по мнению экспертов, удовлетворительна, но хуже, чем в большинстве муниципальных образований Пермского края. Ключевые проблемы являются типичными для дотационных аграрных территорий региона. Респонденты особо обращают внимание на отток населения (60%), упадок сельского хозяйства (50%), отсутствие высококвалифицированных кадров (50%), безработицу (30%). Отличительной особенностью территории является тесная экономическая и политическая связь с соседним городским округом, в котором находится административный центр «Муниципального округа № 2». Значительная часть населения округа работает именно в соседнем городе. Ряд респондентов отмечает, что в ближайшее время произойдет их объединение в один муниципалитет: *«Это уже давно не секрет. Все, кому надо, знают про объединение»*³.

Респонденты отмечают, что на сегодняшний день политическая ситуация в округе остается стабильной, но предстоящее объединение становится главным драйвером политического процесса в муниципалитете. Активные проявления протестных настроений в округе отсутствуют, что, по мнению экспертов, объясняется выраженными патриархальными тенденциями, присущими сельским территориям.

По результатам эмпирического исследования в «Муниципальном округе № 2» были выявлены две основные группы влияния: *«У нас одни люди вокруг главы собираются, другие – вокруг председателя думы»*⁴. Первая группа сложилась на основе формально-иерархических связей вокруг фигуры главы округа. Группа влияния пользуется поддержкой одного из депутатов краевого парламента от данной территории. Вторая группа влияния также имеет ярко выраженного лидера – председателя местной думы. Председатель думы является родственником другого депутата Законодательного собрания Пермского края.

Состав думы является достаточно сбалансированным – в ней представлены и бюджетники, и представители сельскохозяйственных предприятий, и предприниматели. Тем не менее, связи представителей малого и среднего бизнеса (за исключением ряда организаций, аффилированных той или другой группе влияния) и с администрацией, и с думой весьма ограничены, впрочем, как и между самими хозяйствующими субъектами. Если говорить о межэлитной конфигурации в округе, то она определяется взаимоотношениями групп влияния главы округа и председателя думы. Эксперты отмечают, что на данный момент конфликта между указанными выше группами влияния нет, но потен-

¹ Интервью № 7, «Муниципальный округ № 1», 20.10.2021, Из лич. арх. авт.

² Интервью № 6, «Муниципальный округ № 1», 20.10.2021, Из лич. арх. авт.

³ Интервью № 11, «Муниципальный округ № 2», 26.10.2021, Из лич. арх. авт.

⁴ Интервью № 18, «Муниципальный округ № 2», 03.11.2021, Из лич. арх. авт.

циально отношения могут обостриться: *«Глава чувствует конкуренцию с более молодым председателем думы. Вопрос в том, будут ли они бороться или он отойдет в сторону?»*¹.

Триггером к развитию политического конфликта на территории округа может послужить и грядущее объединение с городом в один муниципалитет: *«Сейчас все ждут, а потом бросятся делить наш скудный ресурс. Тем более, у нас с городом все очень переплетено»*². Прошедшая ликвидация поселенческого уровня сильно не поменяла конфигурацию межэлитных отношений. Так же, как и в «Муниципальном округе № 1», на первый план вышли проблемы организационно-управленческого характера: скорость и качество оказания муниципальных услуг (60%), распределение средств на развитие территорий бывших поселений (40%), удаленность муниципальной власти от жителей (30%). Однако стоит отметить, что в условиях ограниченных административных, политических и экономических ресурсов, а также тесного переплетения элит муниципального и городского округов объединение в одно муниципальное образование может стать фактором эскалации политических конфликтов и дестабилизации внутривнутриполитической обстановки.

Муниципальное образование «Муниципальный округ № 3»

Муниципальное образование «Муниципальный округ № 3», так же как и «Муниципальный округ № 1», было образовано в результате объединения сельского поселения – административного центра муниципального района с другими поселениями этого же района. Для проведения эмпирического исследования данный муниципалитет был выбран потому, что является одной из территорий Коми-Пермяцкого округа Пермского края – административно-территориальной единицы региона с особым статусом, который закреплен в Уставе Пермского края³. Муниципальный округ имеет выраженные этнокультурные особенности – более 50% населения считают себя коми-пермяками⁴.

Экономика муниципалитета базируется на типичных для территорий Коми-Пермяцкого округа отраслях: сельском хозяйстве, лесозаготовках и сфере услуг. Отличительной особенностью является месторождение нефти, добычу которой ведет подразделение нефтяной компании. Проблемы социально-экономического развития, которые выделяют респонденты, типичны не только для территорий Коми-Пермяцкого округа, но и для всех дотационных сельских муниципалитетов Пермского края. Наиболее острыми являются отток молодежи (90%), отсутствие рабочих мест и квалифицированных кадров (60%), упадок сельского хозяйства (50%), промышленного производства (40%).

Внутриполитическая ситуация в районе характеризуется раздробленностью элит, отсутствием крупных акторов политического процесса, низкой динамикой политического процесса. Протестные настроения, как и в других рассматриваемых кейсах, не выходят за рамки «кухонных разговоров».

Так же, как и в «Муниципальном округе № 1», единственная значимая группа влияния сформировалась вокруг фигуры главы округа, который уже более 10 лет возглавляет территорию⁵. Группа влияния основана на патрон-клиентских отношениях между главой и сотрудниками администрации, представителями бюджетной сферы и руководителями муниципальных учреждений. В окружной думе представлены бюджетники, предприниматели и пенсионеры. Сотрудники государственных и муниципальных учреждений имеют 47% мандатов, бизнесмены, в том числе представители сельскохозяйственного сектора – 33%, а пенсионеры – 20%.

Эксперты отмечают наличие открытого конфликта между главой округа и частью депутатов: *«Часть депутатов уже пыталась сместить главу. У них очень серьезный конфликт»*⁶. Представители локальной элиты расходятся во мнениях о причине политического конфликта. Так, оппозиционно настроенные к главе депутаты указывают на усталость от фигуры главы: *«Я против главы как человека ничего не имею. Я раньше сам его поддерживал, но нельзя оставаться столько лет на одной должности и не потерять хватку»*⁷. Представитель группы влияния главы обращает внимание на профессиональные аспекты деятельности депутатов: *«У меня к ним вопросы как к профес-*

¹ Интервью № 20, «Муниципальный округ № 2», 15.11.2021, Из лич. арх. авт.

² Интервью № 13, «Муниципальный округ № 2», 29.10.2021, Из лич. арх. авт.

³ Устав Пермского края [Электронный ресурс]: принят Законодат. собр. Перм. края от 27 апр. 2017 г. № 32 ПК. URL: <https://docs.cntd.ru/document/911516853> (дата обращения: 04.10.2021).

⁴ По данным Всероссийской переписи населения 2010 г.

⁵ До образования округа занимал должность главы муниципального района.

⁶ Интервью № 30, «Муниципальный округ № 3», 26.10.2021, Из лич. арх. авт.

⁷ Интервью № 24, «Муниципальный округ № 3», 28.10.2021, Из лич. арх. авт.

сионалам, как к депутатам. Их деятельность совершенно не идет во благо округу и жителям»¹. Эксперты, не относящиеся ни к одной из сторон конфликта, предполагают, что причины эскалации могут крыться в личной неприязни, борьбе за ограниченные ресурсы в территории и, в том числе в связи с ликвидацией сельских поселений. В результате преобразования района в муниципальный округ часть представителей элиты лишилась своего формального статуса и не получила должности в новой властной иерархии: «Часть глав поселений осталась не у дел. Им ничего не предложили, никуда не позвали. Где теперь топтать ногами? Понятно, что в думе. Понятно, что это усилило конфликт»².

Стоит отметить, что в отличие от двух рассмотренных ранее кейсов, в «Муниципальном округе № 3» ликвидация поселенческого уровня послужила дополнительным фактором эскалации политического противостояния между главой округа и группой депутатов. Тем не менее, большинство опрошенных представителей локальной элиты (70%), в том числе находящихся в конфликте с главой, позитивно восприняли процесс создания муниципального округа. Что касается проблем, связанных с преобразованием, то, как и в предыдущих случаях, респонденты отмечали снижение скорости предоставления муниципальных услуг (60%), концентрацию ответственности на главе округа (40%), оторванность власти жителей (40%), распределение ресурсов между территориями бывших поселений (30%).

Заключение

Результаты эмпирического исследования в трех муниципальных образованиях Пермского края говорят о том, что процесс преобразования (укрупнения), по мнению самих представителей локальных элит, в сельских территориях, обладающих ограниченными политическими и экономическими ресурсами, не вызывает явного отторжения и роста протестных настроений ни у самой элиты, ни у населения.

Учитывая малочисленность и разрозненность элит в подобных муниципалитетах, конфигурация межэлитных взаимоотношений меняется незначительно, либо не меняется вовсе. Здесь, однако, необходимо отметить, что экстраполяция данного тезиса возможна только на малоресурсные территории. Перераспределение властных полномочий в более богатых и ресурсных территориях может происходить по совершенно другому сценарию. Несмотря на незначительное влияние изменения муниципального устройства на внутривластные процессы, ликвидация поселенческого уровня может послужить триггером для эскалации уже существовавших политических конфликтов, что и наблюдается в «Муниципальном образовании № 3». Также в каждом из рассматриваемых кейсов отмечено реальное или потенциальное увеличение субъектности местных legislatures. Уменьшение формальных позиций в муниципальной системе власти может привести к росту значимости статуса депутата окружного представительного органа и конкуренции за мандат.

Как видно из опасений опрошенных представителей элиты «Муниципального округа № 2», объединение двух муниципальных образований второго уровня чревато существенной дестабилизацией политической обстановки, что, впрочем, зависит, скорее от наличия крупных и обладающих определенным ресурсом центров влияния и уровня разобщенности локальных элит.

Полученные по результатам исследования данные позволяют утверждать, что основное влияние преобразование муниципальных образований оказывает на качество муниципального управления и предоставления муниципальных услуг. Так, выявленные в ходе преобразования проблемы (снижение скорости предоставления услуг, зависимость распределения ресурсов между территориями бывших поселений от позиции объединенной администрации, концентрация ответственности на фигуре главы) в совокупности с отсутствием ресурсов на развитие муниципалитета могут стать триггером к недовольству действиями окружных администраций и лично главы со стороны населения и части элиты.

Таким образом, не сам процесс преобразования и укрупнения муниципалитетов в сельских территориях, а неверно принятые управленческие решения и неумение выстраивать адекватную новым условиям управленческую модель могут послужить причиной обострения внутривластной обстановки и межэлитных взаимоотношений.

Финансовая поддержка

¹ Интервью № 21, «Муниципальный округ № 3», 08.10.2021, Из лич. арх. авт.

² Интервью № 22, «Муниципальный округ № 3», 08.10.2021, Из лич. арх. авт.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ), проект № 21-011-32219 «Межэлитные взаимоотношения в локальных сообществах в условиях преобразования (укрупнения) муниципальных образований (на примере муниципальных образований Пермского края)».

Список литературы / References

- Борисова, Н. В., Сулимов, К. А., Ковина, О. В. (2011) 'Коалиции в городах Прикамья: факторы формирования и сохранения городских политических режимов', *Вестник Пермского университета. Политология*, 1, сс. 5–14. [Borisova, N. V., Sulimov, K. A. and Kovina, O. V. (2011) 'Coalitions in the towns of the Kama region: Factors of formation and preservation of urban political regimes' [Koalitsii v gorodakh Prikam'ya: faktory formirovaniya i sokhraneniya gorodskikh politicheskikh rezhimov], *Review of Political Science*, 1, pp. 5–14. (In Russ.)].
- Витковская, Т. Б. (2011) 'Методологические проблемы анализа российских локальных элит', *Социум и власть*, 1, сс. 41–46. [Vitkovskaya, T. B. (2011) 'Methodological problems of the local political elite analysis' [Metodologicheskie problemy analiza rossiiskikh lokal'nykh elit], *Sociality and Power*, 1, pp. 41–46. (In Russ.)].
- Витковская, Т. Б. (2017) 'Корпоративные депутатские группы в представительных органах МСУ (на примере Пермского края)' в: *Власть и элиты* / под ред. А. В. Дуки. Санкт-Петербург, сс. 129–146. [Vitkovskaya, T. B. (2017) 'Corporate deputy groups in the representative bodies of local self-government (a case study of the Perm region)' [Korporativnye deputatskie grupy v predstavitel'nykh organakh MSU (na primere Permskogo kraja)] in: *Vlast' i elity*, pp. 129–146. (In Russ.)]. DOI: 10.31119/pe.2017.4.4.
- Витковская, Т. Б. (2021) 'От лоббистов до статистов: основные группы муниципальных депутатов в российских муниципалитетах', *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 3, сс. 406–422. [Vitkovskaya, T. B. (2021) 'From lobbyist to extras: Main groups of municipal deputies in Russian municipalities' [Ot lobbistov do statistov: osnovnye grupy munitsipal'nykh deputatov v rossiiskikh munitsipalitetakh], *Ars Administrandi*, 3, pp. 406–422. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-3-406-422.
- Гаман-Голутвина, О. В. (2016) 'Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке', *Политическая наука*, 2, сс. 38–73. [Gaman-Golutvina, O. V. (2016), 'Political elites as an object of research in national political science' [Politicheskie elity kak ob'ekt issledovaniy v otechestvennoi politicheskoi nauke], *Political Science*, 2, pp. 38–73. (In Russ.)].
- Гельман, В. Я., Ланкина, Т. В. (2007) 'Политические диффузии в условиях пространственно гибридного режима. Институциональное строительство и выборы мэров в городах России', *Политические исследования*, 6, сс. 86–109. [Gelman, V. Ya. and Lankina, T. V. (2007) 'Political diffusion under the conditions of a spatially mixed regime. Institution-building and election of city mayors in Russia' [Politicheskie diffuzii v usloviyakh prostranstvenno gibridnogo rezhima. Institutsional'noe stroitel'stvo i vybory merov v gorodakh Rossii], *Polis. Political Studies*, 6, pp. 86–109. (In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2007.06.09.
- Гилев, А. В., Шевцова, И. К. (2021) 'Бесконфликтная арена? Эффекты введения процедуры конкурсного отбора глав местной власти в крупных городах России', *Политическая наука*, 2, сс. 260–281. [Gilev, A. V., Shevtsova, I. K. (2021) 'The conflict free arena? Effects of procedure of selecting local heads in large Russian cities' [Beskonfliktnaya arena? Effekty vvedeniya protsedury konkursnogo otbora glav mestnoi vlasti v krupnykh gorodakh Rossii], *Political Science*, 2, pp. 260–281. (In Russ.)]. DOI: 10.31249/poln/2021.02.10.
- Зуйкина, А. С. (2019) 'Представительные органы МСУ в условиях территориальных преобразований муниципалитетов (на

- примере Пермского края)', *Вестник Пермского университета. Политология*, 4, сс. 19–30. [Zuikina, A. S. (2019) 'Local representative bodies in the context of territorial transformations of municipalities (a case study of the Perm region)' [Predstavitel'nye organy MSU v usloviyakh territorial'nykh preobrazovaniy munitsipalitetov (na primere Permskogo kraja)], *Review of Political Science*, 4, pp. 19–30. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-4-19-30.
- Ледяев, В. Г. (2008) 'Городские политические режимы: теория и опыт эмпирического исследования', *Политическая наука*, 3, сс. 32–60. [Ledyayev, V. G. (2008) 'City political regimes: theory and practice of empirical study' [Gorodskie politicheskie rezhimy: teoriya i opyt empiricheskogo issledovaniya], *Political Science*, 3, pp. 32–60. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2019) 'Городские думы малых и средних городов Свердловской области: потенциал автономии в отношениях с главой города', *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*, 3, сс. 95–107 [Panov, P. V. (2019) 'City councils of small and medium cities in Sverdlovskaya oblast: potential of autonomy in relations with the city head' [Gorodskie dumy malykh i srednikh gorodov Sverdlovskoi oblasti: potentsial avtonomii v otnosheniyakh s glavoi goroda], *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra*, 3, pp. 95–107. (In Russ.)]. DOI: 10.7242/2658-705X/2019.3.10.
- Панов, П. В., Петрова, Р. И. (2017) 'Представительные органы МСУ как канал лоббирования интересов региона: новая система рекрутирования глав МСУ', *Вестник Пермского университета. Политология*, 2, сс. 111–122. [Panov, P. V., Petrova, R. I. (2017) 'Local Legislatures as a Chanel of Lobbying Interests of the Region: A New System of Mayors' Recruitment' [Predstavitel'nye organy MSU Permskogo kraja kak kanal lobbirovaniya interesov regiona: novaya sistema rekrutirovaniya glav MSU], *Review of Political Science*, 2, pp. 111–122. (In Russ.)].
- Подвинцев, О. Б., Рябова, О. А. (2018) 'Тенденции трансформации лоббистских структур в органах местного самоуправления малых российских городов (на примере Пермского края)', *Вестник Пермского университета. Политология*, 3, сс. 138–147. [Podvintsev, O. B., Ryabova, O. A. (2018) 'Trends in the transformation of lobbying structures in local governments of small Russian cities (on the example of the Perm Territory)' [Tendencii transformacii lobbistskih struktur v organah mestnogo samoupravleniya malykh rossijskih gorodov (na primere Permskogo kraja)], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 3, pp. 138–147. (In Russ.)].
- Туровский, Р. Ф. (2019) 'Поселение как субъект локальной политики: теоретические основы исследований', *Политическая наука*, 2, сс. 13–30. [Turovsky, R. F. (2019) 'Settlement as a Subject of Local Politics: Theoretical Background of Research' [Poselenie kak sub"ekt lokal'noi politiki: teoreticheskie osnovy issledovaniy], *Political Science*, 2, pp. 13–30. (In Russ.)]. DOI: 10.31249/poln/2019.02.01.
- Чирикова, А. Е., Ледяев, В. Г. (2017) *Власть в малом российском городе*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 414 с. [Chirikova, A. E., Ledyayev, V. G. (2017) *Power in a small Russian city* [Vlast' v malom rossijskom gorode]. Moscow: High School of Economics, 414 p. (In Russ.)].
- Чирикова, А. Е., Ледяев, В. Г. (2021a) 'Главы малых российских городов: лидерство и эффективность управления', *Мир России. Социология. Этнология*, 1, сс. 29–48. [Chirikova, A. E. and Ledyayev, V. G. (2021a) 'Leadership and power in a small Russian town' [Glavy malykh rossiiskikh gorodov: liderstvo i effektivnost' upravleniya], *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 1, pp. 29–48. (In Russ.)]. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-1-29-48.
- Чирикова, А. Е., Ледяев, В. Г. (2021b) 'Лидерство в локальных сообществах: в ком сегодня нуждается муниципальная власть в России', *Полис. Политические исследования*, 2, сс. 157–170. [Chirikova, A. E. and Ledyayev, V. G. (2021b) 'Leadership in local communities: Who is needed in the municipal government in Russia' [Liderstvo v lokal'nykh soobshchestvakh: v kom segodnya nuzhdaetsya munitsipal'naya vlast' v Rossii], *Polis. Political Studies*, 2,

- pp. 157–170.
(In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2021.02.1
1.
- Dahl, R. A. (1961) *Who Governs: Democracy and Power in an American City*. New Haven: Yale University Press.
- Hunter, F. (1953) 'Community power structure: A study of decision maker', *University of North Carolina Press*, Chapel Hill, NC, US.
- Logan, J., Molotch, H. (1987) *Urban Fortunes: The Political Economy of Place*. Berkeley: University of California Press
- Stone, C. N. (1989) *Regime politics: Governing Atlanta, 1946–1988*, University Press of Kansas, Lawrence, KS, US.

Статья поступила в редакцию: 20.12.2021

Статья принята к печати: 15.01.2022

LOCAL ELITES IN THE RURAL AREAS OF THE PERM KRAI IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION (CONSOLIDATION) OF MUNICIPALITIES

G. G. Krasilshchikov

G. G. Krasilshchikov, Senior Lecturer,
Perm State University.

E-mail: krasilshchikov@gmail.com (ORCID: 0000-0002-7342-589X. ResearcherID: M-6092-2018).

Abstract

The article presents the findings from an empirical study of local elites in the context of the transformation of the municipal structure, conducted in 2021 in three rural areas of the Perm Krai. One of the first regions of Russia in which there was a mass creation of municipalities of a new type named "municipal districts" was Perm Krai. Changes in the local self-government system in the region can have an impact on inter-elite relations, political and administrative processes in municipalities. The objective of the study is to identify the political and managerial features of the enlargement of municipalities and their impact on inter-elite relations in local communities. The research uses a structural approach to the study of elites and a combination of positional, decisional, reputational and sociometric methods. Non-formalized (in-depth) interviews with 30 representatives of local elites were conducted to collect information (10 interviews in each study area). The study shows that the consolidation of municipalities in rural areas with low dynamics of the political process is not a determinative factor influencing inter-elite relations, but in some cases, it can serve as an impetus for an escalation of political tension.

Keywords: local government; municipal government; local elites; transformation (consolidation) of municipalities.

Acknowledgements: The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Expert Institute for Social Research (EISI), project № 21-011-32219 "Inter-elite relations in local communities in the context of transformation (enlargement) of municipalities (on the example of municipalities of the Perm Territory)".

УДК-328(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-1-58-73

**ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОРАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ДЕПУТАТАМИ
ФРАКЦИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ: ЭМПИРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА
НА ОСНОВЕ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА**

К. А. Сулимов, О. А. Сычев, К. И. Белоусов

Сулимов Константин Андреевич, кандидат политических наук, заведующий кафедрой политических наук,

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

E-mail: k.sulimov@psu.ru (ORCID: 0000-0003-4277-3135).

Сычев Олег Анатольевич, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела,

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина, Барнаул, Россия.

E-mail: osn1@mail.ru (ORCID: 0000-0002-0373-6916).

Белоусов Константин Игоревич, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания,

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

E-mail: belousovki@gmail.com (ORCID: 0000-0003-4447-1288).

Аннотация

Представлены результаты исследования особенностей использования моральной лексики депутатами фракций Государственной думы. Концептуальную основу исследования составила разработанная в США теория моральных оснований, раскрывающая разницу моральных основ консервативной и либеральной политической идеологии. Наряду с основными положениями теории подробно рассмотрены особенности российского политико-идеологического пространства и политической практики, ограничивающие возможности её применения в российских условиях. Тексты всех выступлений депутатов Государственной думы 4–7 созывов были обработаны методом компьютерного контент-анализа с помощью словаря моральных оснований в программе LIWC2015. Результаты анализа продемонстрировали, что в выступлениях парламентской фракции ЕР существенно чаще (в сравнении с другими фракциями) используется лексика морального основания «Уважение» – этот факт отражает свойственный ей «административный» консерватизм, выражающий особенности ее политико-административного статуса как партии власти. В целом, представленные в Думе партии больше тяготеют к «спланивающим» (группоцентрическим), а не «индивидуализирующим» моральным основаниям, что соответствует стереотипным представлениям о значимости соответствующих ценностей в российском контексте. Результаты исследования свидетельствуют о перспективности основанного на теории моральных оснований подхода к исследованию общественно-политического дискурса с использованием компьютерного контент-анализа моральной лексики.

Ключевые слова: депутаты; политические партии; фракции; Государственная дума; теория моральных оснований; мораль; политические идеологии и предпочтения; контент-анализ.

Интерес к ценностным и моральным основам идеологических предпочтений и политических взглядов возник и интенсивно развивался в США в течение последних десятилетий. В 1992 г. известный деятель республиканской партии П. Бьюкенен вызвал большой общественный резонанс своим выступлением о «культурной войне» в американском обществе (Buchanan, 1992). Основой высказанных политиком идей стала вышедшая годом ранее работа Дж. Хантера (Hunter, 1991). По мнению Дж. Хантера и П. Бьюкенена идейное противостояние консерваторов (традиционалистов) и либералов (прогрессистов) отражает глубокие различия в их моральных нормах и ценностях. Традициона-

листы ориентированы на христианские ценности и строгие нормы сексуального поведения, традиционную семью и установленные общественные институты. Прогрессисты поддерживают аморальные с консервативной точки зрения общественные явления, связанные с защитой прав личности (такие как гомосексуальные отношения, право женщин на аборт и т.п.), стремятся к переменам, подрыву традиционных ценностей и социальных институтов.

Систематическое исследование ценностных основ предпочтения либеральной или консервативной политической идеологии было осуществлено в рамках теории моральных оснований, разработанной в исследованиях Дж. Хайдта и его коллег (Graham et al., 2018, 2011, 2009). Одним из наиболее важных отличий этой теории от других подходов стало признание плюралистической природы морали, проявляющейся в наличии целого ряда моральных устоев, которые, несмотря на кросс-культурную универсальность, могут быть в разной мере значимы в разных культурах и сообществах.

Центральное место в данном подходе занимает понятие «моральные основания», которое используется для обозначения базовых составляющих моральной сферы, предоставляющих основания для моральной оценки поступков и событий. Хотя моральные основания можно соотнести с нравственными ценностями или моральными устоями, их психологическая структура сложна и включает в себя не только ценности, но и определенные эмоции, установки, когнитивные структуры, физиологические реакции, а также речевые стили (Graham et al., 2013). Выделенные на основе ряда критериев пять моральных оснований можно условно сгруппировать в две категории: этику автономии и этику сообщества. Этика сообщества включает моральные основания, поощряющие преданность своей группе (моральное основание «лояльность»), уважение её традиций и лидеров («уважение»), почитание религиозных и национальных святынь («чистота/святость»). Этика автономии отражает моральные основания, связанные с защитой благополучия (моральное основание «забота») и прав («справедливость») личности.

Гипотеза моральных оснований, которая пытается объяснить идеологические различия либералов и консерваторов, заключается в том, что мораль либералов опирается преимущественно на моральные основания заботы/непричинения вреда и справедливости, в то время как консервативная мораль является более широкой, включающей наряду с указанными, ещё и моральные основания лояльности своей группе, уважения авторитетов и традиций, а также чистоты и почитания святынь (Frimer, 2020; Graham et al., 2009). Иными словами, для либералов имеет значение лишь этика автономии личности (при значительно меньшей субъективной важности других моральных оснований), в то время как для консерваторов важна как этика автономии, так и этика сообщества.

Гипотеза моральных оснований нашла достаточно убедительные подтверждения в целом ряде исследований, проведенных с помощью опросных методов, начиная со статьи авторов данной гипотезы (Graham et al., 2009), где предпочитаемая политическая идеология оценивалась лишь в целом, и заканчивая множеством более частных исследований, где изучалась связь моральных оснований с консервативными или либеральными взглядами на различные частные проблемы (Kertzer et al., 2014; Koleva et al., 2012; Silver & Silver, 2017). Недавний метаанализ, обобщающий полученные на 89 выборах результаты опросных исследований, свидетельствует о подтверждении гипотезы моральных оснований, несмотря на обнаруженную довольно существенную вариацию величины эффекта в разных культурах и странах (Kivikangas et al., 2021).

В пользу гипотезы моральных оснований свидетельствуют также результаты исследований связи моральных оснований с электоральными предпочтениями. К примеру, в США было показано наличие связи между профилем моральных оснований избирателей и их намерением голосовать за кандидата в президенты от соответствующей политической партии (Franks & Scherr, 2015). Связи моральных оснований с поддержкой тех или иных парламентских партий были выявлены в Италии (Milesi, 2017) и Турции (Yilmaz et al., 2016). Хотя большая часть подобных результатов получена в США и странах Западной Европы имеются также некоторые российские данные о связи моральных оснований с социально-политическими взглядами. В частности, этика автономии («Забота» и «Справедливость») в выборке российской молодежи демонстрирует связь с озабоченностью вопросами бедности и справедливости оплаты труда, демократии и свободы слова. При этом этика сообщества («Лояльность», «Уважение» и «Чистота») сочетается с озабоченностью вопросами патриотизма и единства в обществе и поддержкой роста затрат на оборону, обеспокоенностью действиями внешних или внутренних врагов и убежденностью в важной роли религии в жизни общества (Сычев и др., 2019). В другом исследовании была показана связь моральных оснований с внешнеполитическими установками российской молодежи: этика автономии поддерживает установку на международное

сотрудничество, в то время как этика сообщества – установку на вооруженное соперничество (Сычев, Протасова, 2021).

Хотя результаты, полученные с помощью опросных методов, достаточно убедительно свидетельствуют о связи моральных оснований с политическими взглядами и идеологическими предпочтениями, попытки проверки гипотезы моральных оснований на разнообразном речевом материале привели к менее однозначным выводам. В первом подобном исследовании его авторы отказались от попыток анализа речей политиков ввиду того, что эти речи содержат «так много политических предложений и моральных воззваний к политическому центру страны, что извлечь определенное моральное содержание с помощью простой процедуры подсчета слов представлялось невозможным» (Graham et al., 2009, p. 1038). В качестве более простого и доступного материала для анализа использовался текст проповедей в Унитарианской (относительно либеральной) и Баптистской (относительно консервативной) церквях. Для проведения контент-анализа этого материала был составлен словарь моральных оснований (Moral Foundations Dictionary, MFD) путем экспертного отбора лексики из общих словарей (Graham et al., 2009). Анализ текста проповедей с помощью этого словаря включал процедуру автоматического подсчета частоты категорий, соответствующих моральным основаниям, с последующей экспертной валидизацией, включавшей оценку соответствия словоупотреблений в контексте содержания моральных оснований. Результаты анализа показали, что гипотеза подтверждается для всех моральных оснований, кроме лояльности: в Унитарианских проповедях чаще использовалась лексика моральных оснований «Забота», «Справедливость» и (вопреки ожиданиям) «Лояльность», в то время как в проповедях Баптистов чаще использовалась лексика моральных оснований «Уважение» и «Чистота».

Проведенная спустя десять лет серия исследований Дж. Фримера (Frimer, 2020) была направлена на оценку воспроизводимости этих результатов на материале религиозных, политических текстов (в том числе стенограммах выступлений в конгрессе) и материалах СМИ с использованием как оригинального словаря моральных оснований (Graham et al., 2009), так и существенно расширенной новой версии словаря исключительно посредством компьютерного контент-анализа без экспертной валидизации. Обобщенная оценка по всем типам текстов показала, что в пользу гипотезы моральных оснований свидетельствует обнаружившаяся большая частота использования консерваторами лексики моральных оснований «Уважение» и «Чистота», однако ей противоречит выявленная меньшая частота использования ими лексики морального уважения «Лояльность». При этом по лексике моральных оснований «Забота» и «Справедливость» выявить предсказанных гипотезой различий не удалось. Существенным представляется также тот факт, что по оценке Дж. Фримера (Frimer, 2020) величина эффекта моральных оснований на политическую идеологию оказалась значительно ниже, чем в оригинальном исследовании Дж. Грехема с соавторами (Graham et al., 2009).

В отношении парламентских речей наибольший интерес в работе Дж. Фримера (Frimer, 2020) представляют результаты исследования, посвященного анализу текстов выступлений в Сенате и Палате представителей Конгресса США. С помощью первой версии словаря моральных оснований было выявлено, что консервативные политики отличаются меньшей частотой использования лексики моральных оснований «Забота», «Справедливость» и «Чистота». При этом с помощью расширенной версии словаря обнаружилось, что представители республиканской партии реже использовали лексику моральных оснований «Забота», «Справедливость» и «Лояльность» при большей частоте использования лексики морального основания «Уважение».

Теория моральных оснований в анализе российского партийно-идеологического пространства

В данной статье теория моральных оснований и специально разработанный на ее основе инструментарий применяется к анализу публичных выступлений депутатов Государственной думы. У такого применения есть ряд серьезных ограничений, но, как представляется, и интересные возможности. Ограничения определяются, во-первых, спецификой конфигурации российского политико-идеологического пространства в целом, во-вторых, иной, в сравнении с Соединенными Штатами, ролью идей и идеологических воззрений в российской политической практике и, в-третьих, сложившейся и устойчивой на протяжении последних четырех созывов партийно-фракционной структурой Думы, состоящей из доминирующей партии власти и трех партий системной оппозиции.

Российская партийно-идеологическая конфигурация скорее следует европейской континентальной традиции, отличающейся от североамериканской по нескольким важным параметрам, например, значимой роли «левых» в лице социалистов, социал-демократов и иногда коммунистов. Ее

нельзя свести к противостоянию либерализма и консерватизма, тем более, что и они в европейских вариантах отличаются от американских явлений. Но и сама европейская традиция усвоена и представлена в актуальном российском настоящем своеобразным образом. Идеологические концепты переносились на российскую почву во-многом механическим образом, не оформляли имеющиеся расколы и потому не могли в полной мере играть роль собственно политического ориентира (Малинова, 2001). Партии и их создатели активно экспериментировали с наборами идеологических терминов. Например, «Единая Россия» одно время на программном уровне увлекалась консерватизмом (Гончаров, 2010), при этом существовал и «либеральный клуб» партии, шли дискуссии о ее лево-правой ориентации, но к настоящему времени эти увлечения прошли. Идеологию КПРФ иногда обозначают как «левый консерватизм», соединяющий несовместимые с традиционной точки зрения идеологические содержания и ценности – коммунистические и дореволюционные ценности, советский и русский традиционализм (Работяжев, 2014). Низкая значимость идей в становлении и развитии российского политического режима (Gel'man, 2015) и российских политических практик в целом давала простор как для идеологических экспериментов и нестандартных конструкторов, так и для безболезненного отказа от них. Общим местом являются утверждения о непрограммном характере выборов в России. Партийная идентификация и устойчивость идеологических воззрений российского электората находятся на низком уровне (Голосов, Григорьев, 2015). У партий слабые стимулы к использованию идеологий как политических инструментов. А это ставит под вопрос необходимость для них иметь внятный идеологический профиль, укладывающийся в какую-то понятную им самим и внешним наблюдателям и консенсусно принимаемую схему различения идеологий и соответствующих ориентаций. Слабость стимулов не означает их полное отсутствие, но системы стимулов у партий разные. Можно предполагать, что в отношении партий, представленных в Государственной думе, различия определяются их местом в партийно-политической конфигурации в контуре авторитарного политического режима. Собственная идеологическая идентичность партии власти – как опоры президента в парламенте и на выборах (Голосов, Лихтенштейн, 2001) – всегда под вопросом в силу инструментальности ее роли и необходимости консолидировать большинство. А оппозиционные партии, рассчитывающие попасть в парламент в условиях контролируемых выборов, вынуждены решать дилемму – их риторика, в которой проявляются и идеологические ориентации, должна отличать их от других партий, но при этом не должна ставить под сомнение сами основы политического режима, чтобы не закрыть себе доступ к электоральному полю (подробнее см.: Панов, Сулимов, 2021). Это одновременно и заставляет их иметь собственный идеологический профиль, и накладывает ограничения на степень его внятности и определенности. Собственно, каждая из партий так называемой системной оппозиции каким-то образом решает эту дилемму.

Таким образом, мы не можем напрямую переносить на российский материал схему связи между моральными основаниями и идеологиями, выработанную на материале Соединенных Штатов: этика автономии личности – либерализм, этика сообщества – консерватизм. Более того, в российском партийно-идеологическом контексте проблематичной представляется и установление однозначной связи между конкретными моральными основаниями и партийными идеологическими ориентациями в силу относительной аморфности последних, а также недостаточной структурированности и внятности идеологического ландшафта в целом. Однако невнятность идеологического облика политических партий в России заставляет искать иные варианты установления и описания их различий, не сводящихся к различиям их мест и ролей в партийной системе и отношении к политическому режиму. Теория моральных оснований и разработанный на ее основе инструментарий дает возможность заглянуть «вглубь», опуститься ниже уровня рефлексивно контролируемых и ограниченных условиями авторитарного политического режима политических ориентаций. Нас интересует выявление с помощью данного инструментария значимых различий между политическими партиями, притом таких, которые поддаются осмысленной интерпретации.

Пленарные заседания Государственной думы предоставляют продуктивный материал для такого анализа. В техническом плане стенограммы заседаний дают большой объем однородных текстовых данных для контент-анализа. В содержательном отношении парламентская арена, не являясь электоральной площадкой как таковой, все же может быть использована для разъяснения политических позиций и результатов голосования другим партиям, широкой публике и избирателям (Proksch & Slapin, 2012), то есть дает пространство для выражения позиций, которые могут иметь различающиеся «моральные основания».

Исходя из партийно-идеологической и политической специфики российского контекста, мы предполагаем, что, во-первых, одна из пяти категорий моральных оснований, а именно «Чистота»

окажется самой редкой и сильно уступающей по частоте остальным. Причина такого ожидания в том, что в российской публично-политической риторике религиозная тематика занимает, хоть и заметное, но все же очень ограниченное место в силу того, что российское общество намного более секулярное, нежели, в среднем, американское. И при обсуждении нормативных вопросов в Государственной думе партии едва ли часто используют термины из этой области. Во-вторых, соответственно, мы ожидаем, что остальные четыре категории окажутся более частотными, но с преобладанием категорий этики сообщества – «Лояльность» и «Уважение» как более «групповых» / «коллективистских» в сравнении с индивидуализирующими категориями этики автономии личности – «Забота» и «Справедливость». Наконец, в-третьих, мы ожидаем, что «Единая Россия» будет значимо отличаться от других партий по большей частоте использования ее представителями лексики морального основания «Уважение». Это предположение стыкуется с вышеупомянутыми результатами исследования Дж. Фримера (Frimer, 2020), согласно которым республиканцы с большей частотой используют лексику морального основания «Уважение», что согласуется с гипотезой моральных оснований – в этом проявляется их консерватизм¹. Однако в случае с «Единой Россией» наша логика несколько другая. Эта партия значимо отличается от остальных тем, что является партией власти, то есть инструментом доминирования президента в парламенте, что снижает ее идеологическую самостоятельность, но при этом повышает администрирующую значимость² и связанность с исполнительной властью. Поэтому словоупотребления, объединяемые категорией «Уважение» (см. подробности ниже) должны быть более характерны именно для ее депутатов. Соответственно, гипотеза моральных оснований в данном случае несколько трансформируется. Большая частота использования лексики «Уважение» если и указывает на консерватизм, то специфического толка – «административного», что, впрочем, не исключает его истолкования и как морального консерватизма.

Методы и данные исследования

Материал для исследования представляет собой стенограммы заседаний Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации с четвертого по седьмой созывы, находящиеся в свободном доступе на официальном интернет-портале Государственной думы³. Так как нас интересуют, в том числе, партийно-фракционные различия, то для анализа были взяты тексты выступлений депутатов начиная с четвертого созыва⁴, поскольку актуальная партийная структура российского парламента (доминирующая «Единая Россия» и три партии системной оппозиции) сложилась именно в нем. Общий объем проанализированного материала составил 25 051 338 словоупотреблений (распределение по фракциям и созывам см. в табл. 1). Анализ проводился по четырем основным фракциям, присутствовавшим в Государственной думе всех созывов с четвертого по седьмой.

В ходе подготовки материала к анализу из него были удалены упоминания имен собственных «Справедливая Россия⁵», «Родина» и «Народно-Патриотический союз» во всех падежных формах ввиду того, что они содержат единицы анализа по категориям «Справедливость» и «Лояльность», демонстрируя при этом высокую частоту использования, поскольку при объявлении каждого выступающего указывается его принадлежность к фракции. Текст стенограмм был разбит на 16 файлов, каждый из которых содержал выступления одной из четырех фракций в одном из четырех созывов.

Основным методом данного исследования стал контент-анализ, представляющий собой метод качественно-количественного анализа содержания текстовых материалов (Krippendorff, 2004). Основным преимуществом контент-анализа выступает возможность использования естественных текстовых данных, полнее (в сравнении с результатами самоотчетных методик) отражающих индивиду-

¹ Кроме того, республиканцы реже используют лексику моральных оснований «Забота», «Справедливость» и «Лояльность», но в отношении первых двух мы ожидаем, что они и для других фракций окажутся менее значимы, а лояльность, отсылающая к групповым ценностям, будет высоко значимой для всех.

² Представители ЕР занимают большинство руководящих постов в Думе, например, они численно доминируют в руководстве комитетов, в четвертом и пятом созывах – абсолютно, в пятом и шестом – руководили примерно половиной комитетов.

³ База данных стенограмм заседаний Государственной думы. [электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/> (дата обращения: 02.10.2021).

⁴ 4-й (2003–2007), 5-й (2007–2011), 6-й (2011–2016) и 7-й (2016–2019) – отсечение по 2019 г. определено временем извлечения материалов из базы Государственной думы.

⁵ Хотя в Государственной думе Федерального собрания Российской Федерации IV созыва фракция носила полное название «Справедливая Россия — „Родина“ (народно-патриотический союз)» в дальнейшем для краткости будем называть её фракцией «Справедливая Россия» (СР).

альные мнения. Ввиду значительного объема материала, подлежащего анализу, здесь использовался компьютерный контент-анализ (ККА), который, несмотря на некоторые упрощения в сравнении с экспертным анализом, позволяет осуществить кодирование больших объемов текста с минимальными затратами (Шалак, 2004). Процедура кодирования включает подсчет единиц анализа (в качестве которых в ККА обычно выступает слово), входящих в выражающие теоретические и целевые установки исследователя категории анализа.

Контент-анализ проводился в программе LIWC2015 v1.6 (Pennebaker et al., 2015) с использованием русскоязычного словаря моральных оснований, разработанного нами ранее (Сычев, Белоусов, 2021) на основе англоязычной версии (Graham et al., 2009). Русскоязычный словарь моральных оснований включает 443 единицы анализа, каждая из которых представляет собой либо слово целиком, либо, чаще всего, неизменяемую основу, с заменой изменяемой части (которая может быть пустой) символом «*», например, «забот*». Каждая из единиц анализа в словаре отнесена к одной из 11 первичных категорий словаря:

1. «Забота» (в неё входят, например, «безопасн*», «защи*», «помог*», «помощ*», «сострада*», «сочувств*», «спаса*», «человечн*» и др. единицы счета).
2. «Вред» (примеры: «бессердечн*», «войн*», «жесток*», «насил*», «обид*», «опасн*», «пытк*», «разруш*», «уничтож*» и др.).
3. «Справедливость» (примеры: «взаимн*», «объективн*», «правосуд*», «право», «равноправ*», «толерант*», «честн*» и др.).
4. «Несправедливость» (примеры: «лжив*», «необъективн*», «неравенств*», «предубежден*», «пристрастн*», «тенденциозн*», «унизительн*» и др.).
5. «Лояльность» (примеры: «групп*», «единство», «коллектив*», «нацио*», «отчизн*», «преданн*», «патриот*», «общественн*», «союз*», «сторонник*» и др.).
6. «Нелояльность» (примеры: «враг*», «дезертир*», «изменник*», «иммигрант*», «индивидуалист*», «иностранный*», «предатель*», «шпион*» и др.).
7. «Уважение» (примеры: «авторитет*», «должност*», «законн*», «иерарх*», «командир*», «лидер*», «правител*», «подчин*», «порядок», «почтен*», «руководит*», «статус*», «традиц*» и др.).
8. «Неуважение» (примеры: «бунт*», «возраж*», «восстани*», «дерзк*», «диссидент*», «мятеж*», «незаконн*», «неповин*», «протест*», «повстан*», «неподчин*», «подстрекат*», «хамств*» и др.).
9. «Чистота» (примеры: «безгреш*», «благородн*», «благочест*», «добродетел*», «нравственн*», «праведн*», «свящ*», «стыд*», «церков*» и др.).
10. «Порочность» (примеры: «безнравственн*», «богохуль*», «вульгарн*», «грех*», «кощунств*», «непристойн*», «неподобающ*», «пороч*», «пошлы*», «развращ*», «распущенн*» и др.).
11. «Мораль» (например, «аморальн*», «достойн*», «зло», «идеал*», «совест*», «ценност*», «этич*» и др.).

Все категории, за исключением последней, образуют пять пар, каждая из которых соответствует одному моральному основанию, причем внутри пары категории имеют противоположную модальность. Например, категории «Забота» и «Вред», соответствуют моральному основанию «Забота», указывая на важность норм заботы и непричинения вреда, а также значимость нарушения этих норм для говорящего.

Поскольку подлежащий анализу материал представляет собой протокол множества устных выступлений, каждое из которых начинается с уважительного обращения к руководству и присутствующим (например: «Уважаемый Борис Николаевич, уважаемые коллеги!»), то частота категории «Уважение» в ходе предварительного анализа показала сильную связь с посторонним фактором — количеством выступлений депутатов той или иной фракции. Чтобы устранить влияние этого вмешивающегося фактора из словаря моральных оснований были удалены прилагательные «уважаемый», «глубокоуважаемый», «многоуважаемый» со всеми их падежными и родовыми формами, так что они не учитывались в ходе анализа.

В ходе анализа программа разбивала текстовый файл на сегменты заранее определенной длины и для каждого из сегментов подсчитывала относительную частоту (число употреблений соответствующих слов, деленную на общее число слов в выступлениях данной фракции в данном созыве) по каждой из 11 первичных категорий словаря. Категория «Мораль» не использовалась в дальнейшем анализе, так как она не связана с каким-либо отдельным моральным основанием. Предварительный

анализ по оставшимся десяти категориям показал, что частотность категорий, отражающих нарушение соответствующих норм, была значительно ниже, чем частота парной категории противоположной модальности, связанной с одобрением норм. По этой причине, а также ввиду отсутствия теоретических оснований для раздельного анализа подкатегорий и громоздкости подобного анализа было проведено суммирование внутри пар, в результате чего были получены оценки относительной частоты для пяти моральных оснований. Таким образом, в данном исследовании, так же как и в других аналогичных работах (Frimer, 2020; Graham et al., 2009), анализ и интерпретация результатов контент-анализа проводились по пяти обобщенным категориям, соответствующим моральным основаниям.

Длина сегмента, выступающего в качестве элемента выборки, была выбрана равной 10 000 слов в отличие от аналогичного зарубежного исследования Дж. Фримера, где длина сегмента составляла 1 000 слов (Frimer, 2020). Увеличение размера сегмента позволило, во-первых, благодаря большому объему текстовых материалов получить достаточный, но при этом не слишком большой объем выборки для каждой из фракций в каждом созыве (от 50 до 292 сегментов, см. подробнее в табл. 1). Во-вторых, благодаря большой величине сегмента удалось в некоторой мере преодолеть проблему высокого числа нулевых оценок категорий и несколько сгладить асимметрию распределения частот.

Статистический анализ результатов проводился в среде статистического анализа R. Ввиду асимметричности распределений частот для оценки влияния фракции на среднюю частоту моральных категорий использовался непараметрический аналог дисперсионного анализа – критерий Краскела-Уоллиса, демонстрирующий в подобных условиях большую мощность и не требующий подтверждения предположений о форме или параметрах распределений (Неске, 2012). На основе величины критерия были определены значения размера эффекта, дающие оценку доли дисперсии, объясняемой данным фактором (Tomczak & Tomczak, 2014). Для попарного сравнения фракций между собой применялся критерий Вилкоксона с использованием поправки на множественные сравнения Бенджамини-Хохберга (Benjamini & Hochberg, 1995).

Ввиду большого числа проведенных статистических тестов для коррекции на множественные сравнения в данном исследовании использовался достаточно консервативный уровень значимости: $p < 0,0001$. С учетом значительного числа выявленных эффектов в данном исследовании подробно рассматривались те результаты, которые указывают на большой размер эффекта: для доли объясняемой дисперсии в дисперсионном анализе это соответствует значениям от 0,14 (Cohen, 1988).

Результаты

В таблице 1 представлены основные количественные характеристики проанализированного материала: общее число слов в каждом фрагменте, соответствующем определенной фракции и созыву, число сегментов, на которые был разбит этот фрагмент, число выступлений депутатов и среднее число слов, приходящееся на одно выступление. Можно отметить, что среднее число слов на одно выступление довольно значительно варьируется от 135,77 до 240,97 слов, причем в среднем по всем созывам наименьшая длина выступлений (146,47 слов) характерна для фракции ЕР, несколько большая – для фракции КПРФ (174,09) ещё большая – для СР (209,51) и максимальная – для ЛДПР (223,55). Сравнение средних относительных частот по моральным основаниям демонстрирует, что наиболее распространенной является категория «Уважение», наименее – «Чистота», в то время как другие категории имеют промежуточные показатели частотности.

Таблица 1

Количественные характеристики проанализированного материала

Фракция, созыв	Число словоупотреблений	Число выступлений	Среднее число слов на выступление	Число сегментов <i>N</i>
ЕР, 4	2450191	17655	138,78	246
ЕР, 5	2591984	17870	145,05	260
ЕР, 6	2913857	18687	155,93	292
ЕР, 7	1993825	13644	146,13	200
КПРФ, 4	1215295	8951	135,77	122
КПРФ, 5	1756679	10990	159,84	176

Окончание табл. 1

Фракция, созыв	Число словоупотреблений	Число выступлений	Среднее число слов на выступление	Число сегментов N
КПРФ, 6	1952017	10237	190,68	196
КПРФ, 7	895641	4264	210,05	90
ЛДПР, 4	744037	3765	197,62	75
ЛДПР, 5	1458374	6052	240,97	146
ЛДПР, 6	2049683	8837	231,94	205
ЛДПР, 7	1053876	4712	223,66	106
СР, 4	499869	2977	167,91	50
СР, 5	1038988	4633	224,26	104
СР, 6	1606231	7561	212,44	161
СР, 7	830791	3559	233,43	84

Примечания. Обозначения фракций: ЕР — Единая Россия, КПРФ — Коммунистическая партия Российской Федерации, ЛДПР — Либерально-демократическая партия России, СР — Справедливая Россия.

С целью обобщенной количественной характеристики использования различных моральных категорий в текстах выступлений были вычислены средние значения и стандартные отклонения по каждому из моральных оснований, представленные в табл. 2. Из таблицы видно, что наиболее частой категорией, демонстрирующей при этом довольно существенную вариацию по фракциям, является «Уважение», наиболее редкой – «Чистота».

Таблица 2

Средние значения и стандартные отклонения относительной частоты словоупотреблений в каждой из категорий контент-анализа

Фракция, созыв	Средние значения (и стандартные отклонения) по категориям:				
	Забота	Справедливость	Лояльность	Уважение	Чистота
ЕР, 4	0,39 (0,18)	0,22 (0,08)	0,43 (0,18)	2,15 (0,41)	0,04 (0,03)
ЕР, 5	0,41 (0,17)	0,23 (0,08)	0,40 (0,17)	2,02 (0,35)	0,04 (0,03)
ЕР, 6	0,42 (0,17)	0,25 (0,09)	0,44 (0,17)	1,77 (0,33)	0,04 (0,03)
ЕР, 7	0,44 (0,18)	0,21 (0,08)	0,42 (0,16)	1,69 (0,31)	0,03 (0,03)
КПРФ, 4	0,46 (0,15)	0,21 (0,08)	0,42 (0,13)	1,46 (0,24)	0,10 (0,05)
КПРФ, 5	0,47 (0,15)	0,18 (0,07)	0,39 (0,12)	1,41 (0,25)	0,08 (0,04)
КПРФ, 6	0,47 (0,16)	0,21 (0,08)	0,43 (0,14)	1,40 (0,24)	0,08 (0,04)
КПРФ, 7	0,46 (0,17)	0,21 (0,08)	0,44 (0,14)	1,30 (0,26)	0,06 (0,03)
ЛДПР, 4	0,60 (0,16)	0,17 (0,07)	0,43 (0,11)	1,25 (0,23)	0,11 (0,05)
ЛДПР, 5	0,58 (0,19)	0,21 (0,08)	0,41 (0,14)	1,18 (0,25)	0,10 (0,04)
ЛДПР, 6	0,49 (0,15)	0,21 (0,08)	0,43 (0,15)	1,22 (0,23)	0,08 (0,05)
ЛДПР, 7	0,45 (0,16)	0,18 (0,07)	0,38 (0,10)	1,20 (0,22)	0,05 (0,03)
СР, 4	0,47 (0,17)	0,22 (0,09)	0,50 (0,14)	1,54 (0,25)	0,13 (0,08)
СР, 5	0,56 (0,21)	0,23 (0,09)	0,50 (0,18)	1,32 (0,26)	0,09 (0,05)
СР, 6	0,43 (0,14)	0,22 (0,10)	0,44 (0,17)	1,32 (0,26)	0,07 (0,04)
СР, 7	0,42 (0,16)	0,22 (0,09)	0,35 (0,11)	1,27 (0,22)	0,06 (0,04)

Примечания. Обозначения фракций те же, что и в табл. 1. Средние значения и стандартные отклонения (в скобках) приведены в процентах.

Результаты анализа влияния фактора «Фракция» на частоту использования лексики различных моральных оснований

Моральные основания	Созыв	Число сегментов N	Критерий Краскела-Уоллиса $\chi^2(3)$	p -значение	Размер эффекта
Забота	4	493	90,28	<0,0001	0,18
Справедливость	4	493	25,24	<0,0001	0,05
Лояльность	4	493	17,42	0,0006	0,03
Уважение	4	493	303,37	<0,0001	0,61
Чистота	4	493	227,25	<0,0001	0,46
Забота	5	686	100,74	<0,0001	0,14
Справедливость	5	686	49,51	<0,0001	0,07
Лояльность	5	686	30,5	<0,0001	0,04
Уважение	5	686	413,25	<0,0001	0,60
Чистота	5	686	210,51	<0,0001	0,30
Забота	6	854	38,48	<0,0001	0,04
Справедливость	6	854	39,63	<0,0001	0,04
Лояльность	6	854	0,77	0,8568	<0,01
Уважение	6	854	336,16	<0,0001	0,39
Чистота	6	854	181,53	<0,0001	0,21
Забота	7	480	4,14	0,2472	<0,01
Справедливость	7	480	13,6	0,0035	0,02
Лояльность	7	480	22,18	<0,0001	0,04
Уважение	7	480	202,69	<0,0001	0,42
Чистота	7	480	86,3	<0,0001	0,18

Примечание. Полужирным шрифтом выделены значения размера эффекта, указывающие на его большую величину ($\geq 0,14$).

Чтобы оценить статистическую значимость и силу влияния фактора «Фракция» на использование лексики различных моральных оснований для каждого созыва и по каждой из категорий был вычислен критерий Краскела-Уоллиса вместе с соответствующим ему показателем величины эффекта (см. табл. 3). Результаты такого анализа свидетельствуют о том, что эффект фракции на частоту использования лексики моральных оснований в большинстве случаев является статистически значимым. Вместе с тем большой величины достигают лишь эффекты фракции на моральное основание «Забота» в четвертом и пятом созывах, а также на моральные основания «Уважение» и «Чистота» во всех созывах.

Для иллюстрации эффекта фракции на использование лексики морального основания «Забота» была построена соответствующая диаграмма размаха (рис. 1), из которой следует, что в четвертом и пятом созывах лексика заботы реже всего использовалась фракцией ЕР и чаще всего – фракцией ЛДПР, в то время как в последующих созывах эти различия сгладились. В четвертом созыве фракция ЛДПР по этому показателю превосходит все другие фракции, а фракция ЕР отстает по нему от ЛДПР и КПРФ (все различия значимы при $p \leq 0,0001$). В пятом созыве ЛДПР превосходит по этому показателю ЕР и КПРФ, а ЕР отстает от всех остальных (все при $p \leq 0,0001$).

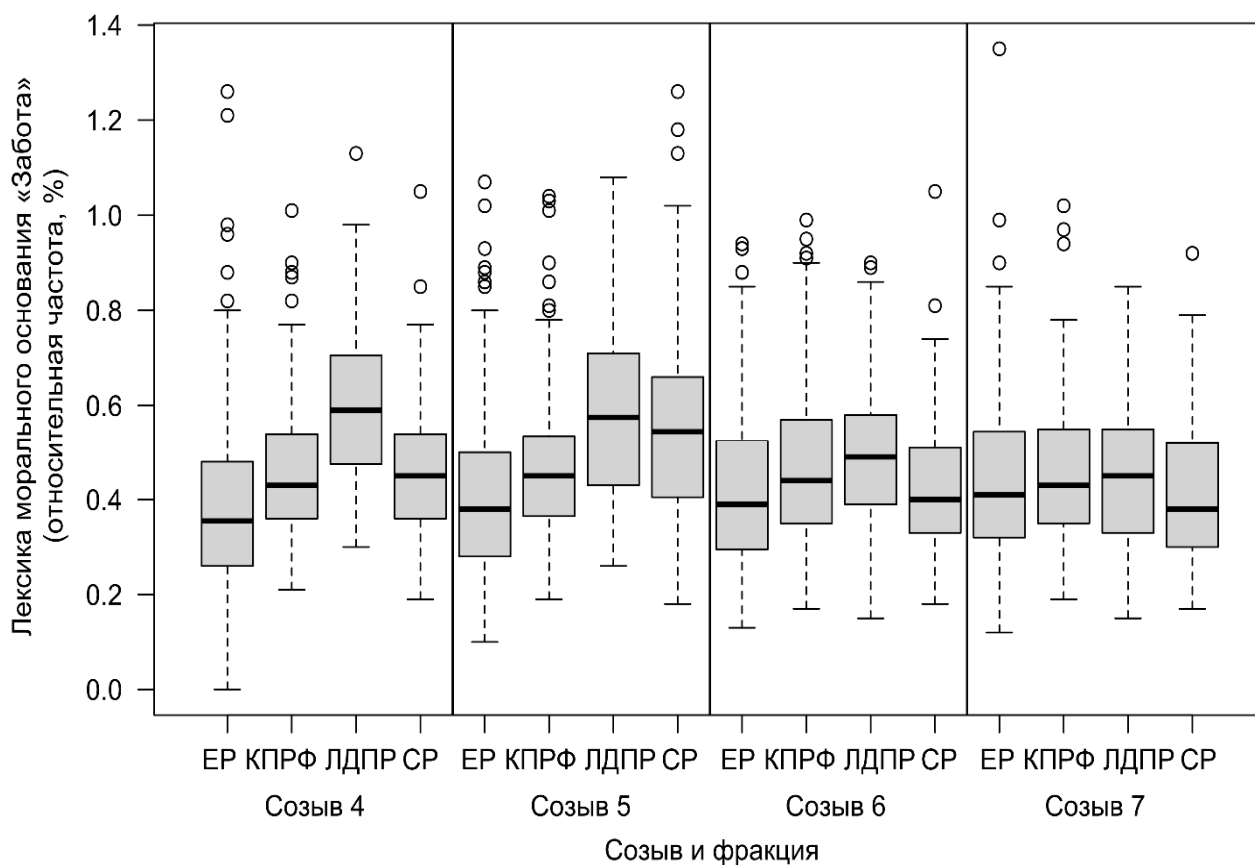

Рис. 1. Диаграммы размаха относительных частот лексики морального основания «Забота» по фракциям и созывам

Примечание: горизонтальная линия отражает медианное значение, верхняя и нижняя границы прямоугольников указывают на верхний и нижний квартиль, горизонтальные отрезки на краях штриховой линии отражают минимальное и максимальное значения без учета выбросов, точки за этими пределами соответствуют выбросам.

Эффект фракции на частоту использования лексики морального основания «Уважение» является наибольшим по величине и весьма устойчивым, он наблюдается во всех созывах (см. рис. 2) и имеет единообразную форму – фракция ЕР демонстрирует наиболее частое использование такой лексики (во всех созывах отличие от каждой из остальных фракций значимо при $p \leq 0,0001$). При этом наименее частое использование лексики уважения характерно для ЛДПР, однако различия статистически значимы в седьмом созыве только с ЕР, в шестом созыве – с ЕР и КПРФ, в четвертом и пятом созывах – со всеми остальными фракциями.

Менее выраженный, но все же довольно сильный эффект фракции на использование лексики морального основания «Чистота» также наблюдается во всех созывах (см. рис. 3). Статистически значимым на выбранном уровне значимости ($p < 0,0001$) является только отличие по этому параметру фракции ЕР от всех других фракций в каждом созыве, причем для фракции ЕР использование лексики морального основания «Чистота» наименее характерно.

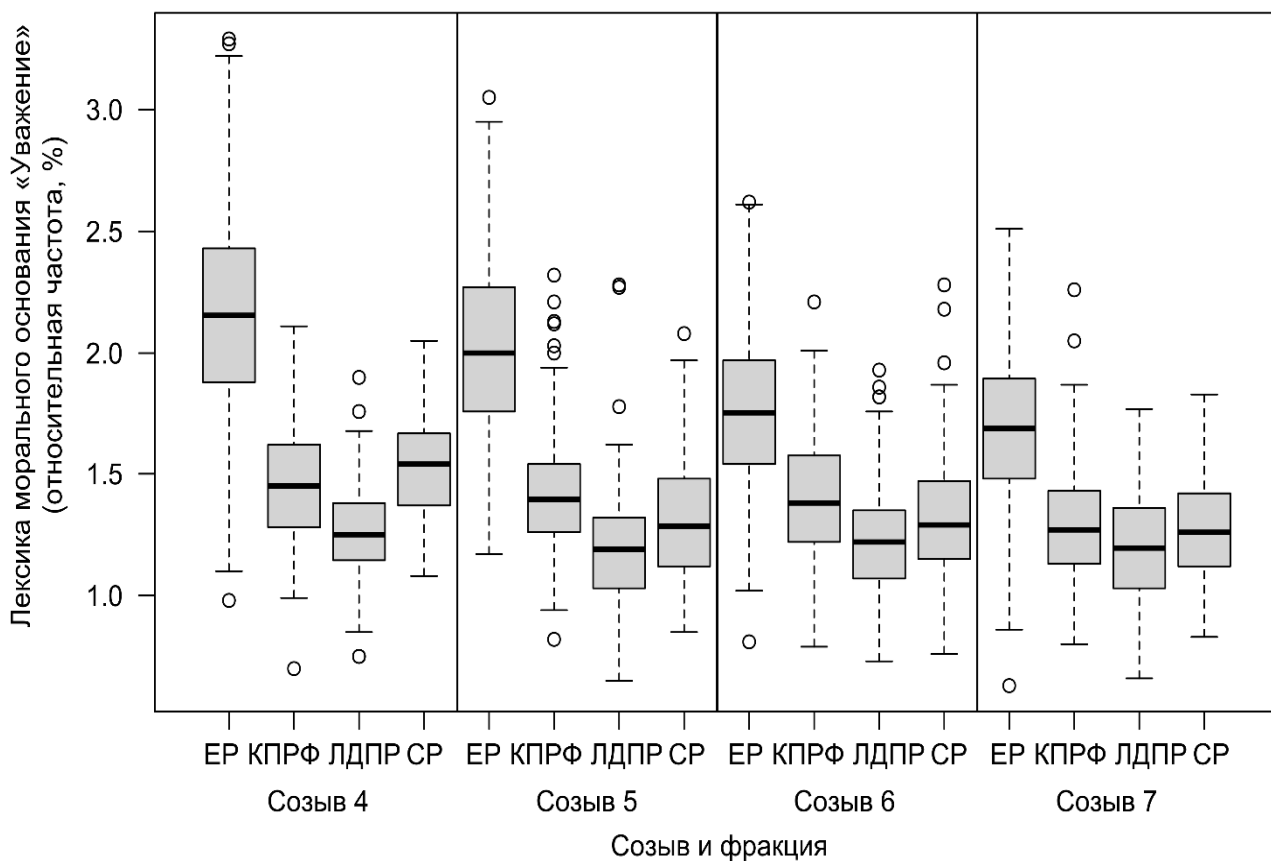

Рис. 2. Диаграммы размаха относительных частот лексики морального основания «Уважение» по фракциям и созывам

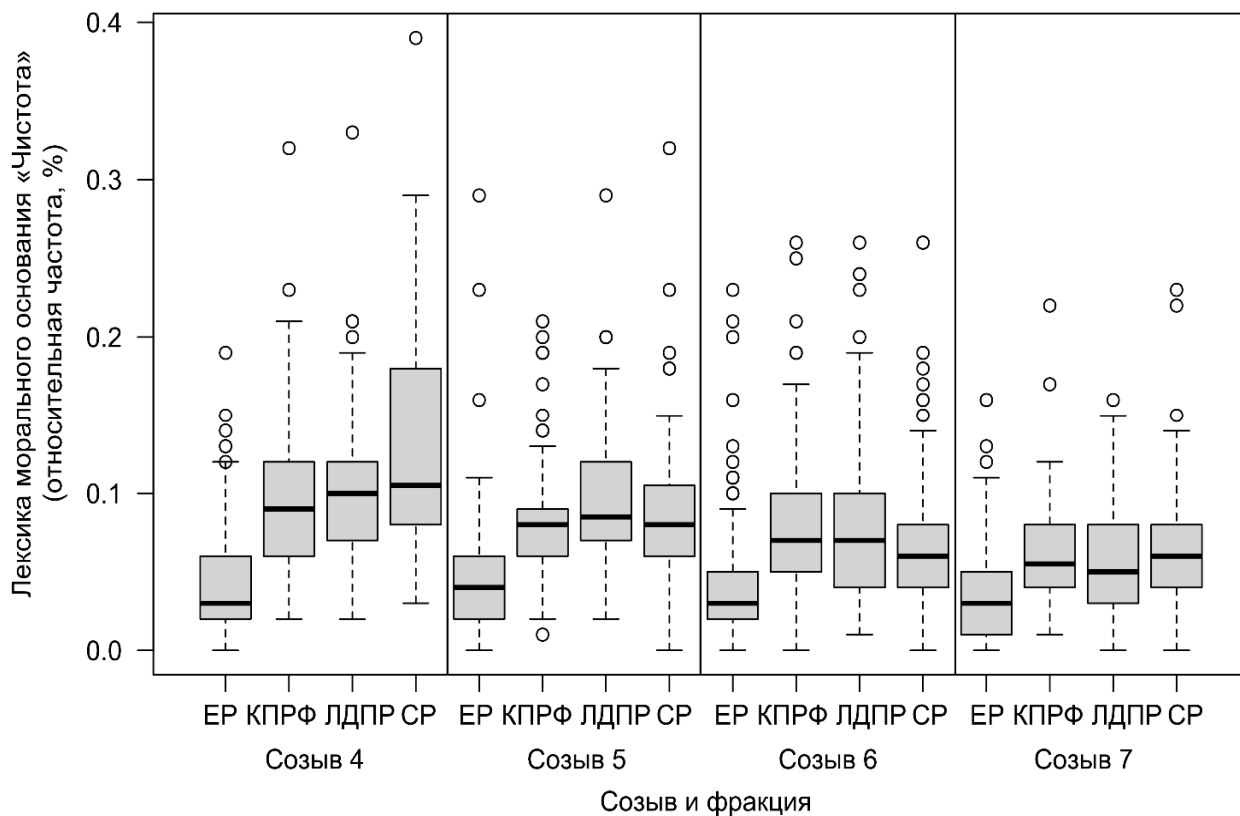

Рис. 3. Диаграммы размаха относительных частот лексики морального основания «Чистота» по фракциям и созывам

Переходя к интерпретации полученных результатов, можно сделать следующие выводы. Устойчивая, повторяющаяся на протяжении четырех созывов тенденция, проявляющаяся в относительно высокой частоте использования лексики морального основания «Уважение» в выступлениях депутатов фракции ЕР, является наиболее яркой из обнаруженных особенностей использования моральной лексики в межфракционном измерении. Это совпадает с нашими ожиданиями, основанными на том, что «Единая Россия» является партией власти. Именно этим можно объяснить то, что ее представители в своей лексике проявляют сильную ориентацию на иерархическую структуру общества, законность и порядок, уважение традиций и признанных авторитетов. Фракция этой партии является самой значимой в Думе в административно-управленческом смысле, то есть именно ее депутаты в большей мере, чем другие, обеспечивают реализацию функциональных задач парламента в целом, то есть в их лексике проявляется не только или не столько идеологический профиль самой партии (определенность которого все-таки под большим вопросом), а восприятие ими своего места и задач в общей системе власти, по крайней мере законодательной. Подтверждение большей административной ориентации публичного говорения депутатов от ЕР можно увидеть в размерах (длине) их выступлений. Они самые короткие – в среднем по всем созывам всего 146,47 слов (это меньше текущего абзаца данной статьи до данного места), сильно уступая всем остальным (среднее значение для КПРФ несильно выше, но по созывам виден серьезный рост, а у ЕР изменений фактически нет, см. табл. 1). Это можно интерпретировать таким образом, что в своих выступлениях депутаты от ЕР больше ориентированы на рутину законодательного процесса – представить законопроект и коротко ответить на вопросы по нему (это делают представители профильных/ответственных комитетов, где доминируют представители этой фракции), не отвлекаясь на избыточное с точки зрения целевой функции говорение и аргументацию. Соответственно, можно думать, что в этом также проявляется меньшая заинтересованность депутатов от ЕР в использовании пленарных заседаний для публичного, то есть адресатам за пределами Думы, представления своих позиций по разным вопросам. Возможно, с этим также связано и то, что ожидаемо низкое для всех фракций употребление лексики моральных оснований «Чистота» наиболее значимо проявилось именно у представителей фракции ЕР. То есть «Единая Россия» оказалась самой «секулярной» партией из всех, представленных в Думе, что вполне стыкуется с обозначенной технической логикой – для в целом малозначимой для всех фракций лексики в выступлениях депутатов от ЕР просто не остается места и ее использование носит совсем случайный характер. Но также, если оставаться в терминологии консерватизма, это может подчеркивать именно административный характер консерватизма «Единой России».

В целом подтвердились наши ожидания, касающиеся распределения частот использования лексики этики сообщества и этики автономии личности. Категории первой – «Лояльность» и «Уважение» – взятые вместе намного превосходят частоту использования всеми фракциями лексики моральных оснований «Забота» и «Справедливость». Партии, представленные в Думе, явным образом больше тяготеют к «групповым», а не «индивидуализирующим» моральным основаниям, что вполне соответствует общераспространенным, стереотипным представлениям о значимости соответствующих ценностей в российском контексте, и партии воплощают их в своей лексике. Но есть значимые различия между категориями и фракциями. Сравнительно самой высокочастотной является лексика морального основания «Уважение», и депутаты от ЕР превосходят здесь всех остальных. Лексика «Лояльность» сильно уступает по частоте и распределена между фракциями очень ровно, ее все среднеактивно используют. Таким образом, ориентация на иерархическую структуру общества, законность и порядок, уважение традиций и признанных авторитетов («Уважение») значима для всех фракций больше, чем ориентация на групповую в узком смысле категорию («Лояльность»). Иначе говоря, для фракций более значим не общественный, групповой характер социальной жизни как таковой – это для них общее место, а определенная форма его структурирования на основе порядка, иерархии и авторитета. Но также необходимо допустить, что явное преобладание «Уважения» над «Лояльностью» может быть связано с функциональными особенностями публичного говорения в Думе – разумеется, не только депутаты ЕР представляют законопроекты и предметно ориентированы на государственное нормативное регулирование конкретных сфер и областей.

Однако все же можно думать, исходя из общей логики функционирования партий системной оппозиции, что их представители больше заинтересованы в использовании пленарных заседаний для публичного представления своих взглядов по разным вопросам и собственного позиционирования в глазах внешних наблюдателей. Полученные результаты действительно показывают некоторые различия между фракциями, но в целом они довольно смазанные и трудно интерпретируемые. Например, лексика «Справедливость» довольно ровно и не очень частотно используется представителями раз-

ных фракций. При этом то, что ее меньше всех использует ЛДПР, можно разумно интерпретировать, но то, что показатели КПРФ оказались почти такими же, входит в противоречие с ожиданиями. Возможно, эта категория, построенная в логике защиты прав личности, не подходит для выявления различий между партиями в российском контексте.

Наиболее своеобразный профиль использования моральных оснований демонстрирует ЛДПР. Депутаты этой фракции показывают наименьшую частоту использования лексики морального основания «Уважение», при том, что в четвертом и пятом созывах они одновременно демонстрировали высокую частоту использования лексики «Забота». С одной стороны, это может рассматриваться в качестве свидетельства несколько более индивидуализирующего моральный и идеологический профиль партии, проявляющийся в большем внимании к защите интересов личности вместо акцента на «общественных интересах», свойственного более «коллективистски» ориентированным политическим силам. Вместе с тем выявленные особенности использования лексики моральных оснований могут указывать также на более выраженную готовность использовать площадку Государственной думы как публичную арену, проявляющуюся в эксплуатации эмоционально-окрашенных тем, связанных с необходимостью оказания помощи, защиты, решения частных проблем, в сочетании с меньшим уважением к порядку, признанным авторитетам, сложившимся нормам и традициям. Подтверждением этому может служить и максимальная среди всех фракций средняя длина выступлений.

* * *

В представленном исследовании тестировались возможности использования теории моральных оснований и разработанного на ее основе инструментария для анализа публичного говорения депутатов Государственной думы. Ожидания теории, сформулированной на материале Соединенных Штатов, были несколько трансформированы для учета специфики конфигурации российского политико-идеологического пространства и иной, в сравнении с Соединенными Штатами, ролью идей и идеологических воззрений в российской политической практике. Также было учтено влияние партийно-фракционной структуры Думы и распределения функциональных ролей партий – наличия доминирующей партии власти и трех партий системной оппозиции.

Ограничения исследования связаны, в первую очередь, с ограниченностью возможностей компьютерного контент-анализа, подробнее рассмотренной в различных публикациях (Nopp et al., 2020; Krippendorff, 2004). В отношении данного исследования, в первую очередь, значение имеют такие недостатки этой процедуры, как игнорирование контекста и полисемии, невозможность учета тесной смысловой взаимосвязи моральных оснований, недостаточная обоснованность состава словаря моральных оснований, в сочетании со скудностью данных о его валидности и полноте.

Тем не менее, результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что в выступлениях парламентской фракции ЕР проявляются особенности ее политико-административного статуса как партии власти: большая частота использования лексики морального основания «Уважение», что может указывать на ее консерватизм специфического толка – «административный» консерватизм. Также установлено, что партии, представленные в Думе, явным образом больше тяготеют к «сплачивающим», группоцентрическим, а не «индивидуализирующим» моральным основаниям, что вполне соответствует общераспространенным, стереотипным представлениям о значимости соответствующих ценностей в российском контексте, и партии воплощают их в своей лексике.

Результаты исследования также свидетельствуют о перспективности основанного на теории моральных оснований подхода к исследованию общественно-политического дискурса с использованием компьютерного контент-анализа моральной лексики. Перспективы данного исследования связаны с возможностью сравнения моральных основ идеологий различных российских политических партий и движений посредством обращения к анализу их программных документов, агитационных материалов и других доступных текстов.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00624 «Будущее России: содержание, смыслы и границы национального согласия».

Список литературы / References

- Голосов, Г. В., Григорьев, В. С. (2015) 'Национализация партийной системы: российская специфика', *Политическая наука*, 1, сс. 128–156. [Golosov, G. V., Grigor'ev, V. S. (2015) 'Party System Nationalization: The Case of Russia' [Natsionalizatsiya partiinoi sistemy: rossiiskaya spetsifika], *Political Science*, 1, pp. 128–156. (In Russ.)].
- Голосов, Г. В., Лихтенштейн, А. В. (2001) "«Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ', *Полис. Политические исследования*, 1, сс. 6–14. [Golosov, G. V., Liechtenstein, A. V. (2001) 'The «Power Parties» and the Russian Institutional Design: Theoretical Analysis' ["Partii vlasti" i rossiiskii institutsional'nyi dizain: teoreticheskii analiz], *Polis. Political Studies*, 1, сс. 6–14. (In Russ.)].
- Гончаров, В. Э. (2010) 'Идеологический брендинг «Единой России»', *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 6 (1), сс. 68–82. [Goncharov, V. E. (2010), 'Ideological branding of United Russia' [Ideologicheskii brending «Edinoi Rossii»], *Political Expertise: POLITEX*, 6 (1), pp. 68–82. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2001) 'Партийные идеологии в России: атрибут или антураж?', *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 97–106. [Malinova, O. Yu. (2001) 'Party ideologies in Russia: An attribute or entourage?' [Partiinye ideologii v Rossii: atribut ili anturazh?], *Polis. Political Studies*, 5, pp. 97–106. (In Russ.)].
- Панов, П. В., Сулимов, К. А. (2021) 'Партия власти и системная оппозиция в Государственной Думе: конвергенция публичной риторики', *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 13 (4), сс. 516–535. [Panov, P. V. and Sulimov, K. A. (2021) 'Party of power and systemic opposition in the State Duma: Toward convergence of public rhetoric' [Partiya vlasti i sistemnaya oppozitsiya v Gosudarstvennoi Dume: konvergentsiya publichnoi ritoriki], *Ars Administrandi*, 13 (4), pp. 516–535. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-4-516-535.
- Работяжев, Н. В. (2014) 'Между традицией и утопией: левый консерватизм в России', *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 114–130. [Rabotyazhev, N. V. (2014) 'Between tradition and utopia: Left-wing conservatism in Russia' [Mezhdu traditsiei i utopiei: levyy konservatizm v Rossii], *Polis. Political Studies*, 4, pp. 114–130. (In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2014.04.08.
- Сычев, О. А., Белоусов, К. И. (2021) 'Связь этики автономии и этики сообщества с представлениями россиян о Родине', *Сибирский психологический журнал*, 80, сс. 107–127. [Sychev, O. A., Belousov, K. I. (2021) 'Association of the Individualizing and Binding Moral Foundations with Conceptions of Motherland in Russia' [Svyaz' ehtiki avtonomii i ehtiki soobshchestva s predstavleniyami rossiyan o Rodine], *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 80, pp. 107–127. (In Russ.)]. DOI: 10.17223/17267080/80/6.
- Сычев, О. А., Белоусов, К. И., Протасова, И. Н. (2019) 'Ценностные и моральные основы социально-политических взглядов молодежи', *Сибирский психологический журнал*, 73, сс. 60–77. [Sychev, O. A., Belousov, K. I. & Protasova, I. N. (2019) 'Values and Moral Foundations as a Basis for the Socio-Political Views of Youth' [Tsennostnye i moral'nye osnovy sotsial'no-politicheskikh vzglyadov molodezhi], *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 73, pp. 60–77. (In Russ.)]. DOI: 10.17223/17267080/73/4.
- Сычев, О. А., Протасова, И. Н. (2021) 'Связь этики автономии, этики сообщества и национализма с внешнеполитическими установками россиян', *Социальная психология и общество*, 12(4), сс. 53–70. [Sychev, O. A., Protasova, I. N. (2021) 'Relationship of Ethic of Autonomy, Community and Nationalism to Russians' Foreign Policy Attitudes' [Svyaz' ehtiki avtonomii, ehtiki soobshchestva i natsionalizma s vneshnepoliticheskimi ustanovkami rossiyan], *Social psychology and society*, 12(4), pp. 53–70. (In Russ.)]. DOI: 10.17759/sps.2021120404.
- Шалак, В. И. (2004) *Современный контент-анализ*. Москва: Омега-Л, 272 с. [Shalak, V. I. (2004) *Modern content*

- analysis* [Sovremennyy kontent-analiz]. Moscow: Omega-L, 272 p.
- Benjamini, Y., Hochberg, Y. (1995) 'Controlling the False Discovery Rate: A Practical and Powerful Approach to Multiple Testing', *Journal of the Royal Statistical Society: Series B (Methodological)*, 57, pp. 289–300. DOI: 10.1111/j.2517-6161.1995.tb02031.x.
- Buchanan, P. J. (1992) '1992 Republican National Convention Speech [WWW Document]', *Patrick J. Buchanan – Official Website*. URL <http://buchanan.org/blog/1992-republican-national-convention-speech-148> (accessed 15.12.2021).
- Cohen, J. (1988) *Statistical Power Analysis for the Behavioral Sciences*. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 567 p.
- Franks, A. S., Scherr, K. C. (2015) 'Using Moral Foundations to Predict Voting Behavior: Regression Models from the 2012 U.S. Presidential Election', *Analyses of Social Issues and Public Policy*, 15, pp. 213–232. DOI: 10.1111/asap.12074.
- Frimer, J. A. (2020) 'Do liberals and conservatives use different moral languages? Two replications and six extensions of Graham, Haidt, and Nosek's (2009) moral text analysis', *Journal of Research in Personality*, vol. 84, pp. 1–41. DOI: 10.1016/j.jrp.2019.103906.
- Gel'man, V. (2015) *Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Graham, J., Haidt, J., Koleva, S., Motyl, M., Iyer, R., Wojcik, S., Ditto, P. H. (2013) 'Moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism', *Advances in experimental social psychology*, 47, pp. 55–130. DOI: 10.1016/B978-0-12-407236-7.00002-4.
- Graham, J., Haidt, J., Motyl, M., Meindl, P., Iskiwitsch, C., Mooijman, M. (2018) 'Moral Foundations Theory in Gray, K., Graham, J. (Eds.), *Atlas of Moral Psychology*. The Guilford Press, New York, London, pp. 211–222.
- Graham, J., Haidt, J., Nosek, B. A. (2009) 'Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations', *Journal of Personality and Social Psychology*, 96, pp. 1029–1046. DOI: 10.1037/a0015141.
- Graham, J., Nosek, B. A., Haidt, J., Iyer, R., Koleva, S., Ditto, P. H. (2011) 'Mapping the Moral Domain', *Journal of Personality and Social Psychology*, 101, pp. 366–385. DOI: 10.1037/a0021847.
- Hecke, T. V. (2012) 'Power study of ANOVA versus Kruskal-Wallis test', *Journal of Statistics and Management Systems*, 15, pp. 241–247. DOI: 10.1080/09720510.2012.10701623.
- Hopp, F. R., Fisher, J. T., Cornell, D., Huskey, R., Weber, R. (2020), 'The Extended Moral Foundations Dictionary (eMFD): Development and Applications of a Crowd-Sourced Approach to Extracting Moral Intuitions from Text', *Behavior Research Methods*, 53(1), pp. 232–246. DOI: 10.3758/s13428-020-01433-0.
- Hunter, J. D. (1991) *Culture wars: The struggle to define America*. New Davison York: Basic Books.
- Kertzer, J. D., Powers, K. E., Rathbun, B. C., Iyer, R. (2014) 'Moral Support: How Moral Values Shape Foreign Policy Attitudes', *The Journal of Politics*, 76 (3), pp. 825–840. DOI: 10.1017/S0022381614000073.
- Kivikangas, J. M., Fernández-Castilla, B., Järvelä, S., Ravaja, N., Lönnqvist, J.-E. (2021) 'Moral foundations and political orientation: Systematic review and meta-analysis', *Psychological Bulletin*, 147(1), pp. 55–94. DOI: 10.1037/bul0000308.
- Koleva, S. P., Graham, J., Iyer, R., Ditto, P. H., Haidt, J. (2012), 'Tracing the threads: How five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes', *Journal of Research in Personality*, 46, pp. 184–194. DOI: 10.1016/j.jrp.2012. 01.006.
- Krippendorff, K. (2004) *Content analysis: an introduction to its methodology*. Sage, Thousand Oaks, CA.
- Milesi, P. (2017) 'Moral Foundations and Voting Intention in Italy', *Europe's Journal of Psychology*, 13, pp. 667–687.
- Pennebaker, J. W., Booth, R. J., Boyd, R. L., Francis, M. E. (2015) *Linguistic Inquiry and Word Count: LIWC2015*. Pennebaker Conglomerates, Austin, TX.
- Proksch S.-O., Slapin J. B. (2012) 'Institutional foundations of legislative speech', *American Journal of Political Science*, 56 (3), pp. 520–537. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2011.00565.x.
- Silver, J. R., Silver, E. (2017) 'Why are conservatives more punitive than liberals? A moral foundations approach', *Law and Human Behavior*, 41, pp. 258–272. DOI: 10.1037/lhb0000232.

Tomczak, M., Tomczak, E. (2014) 'The need to report effect size estimates revisited. An overview of some recommended measures of effect size', *Trends in Sport Sciences*, 21, pp. 19–25.

Yılmaz, O., Sarıbay, S. A., Bahçekapılı, H. G., Harma, M. (2016) 'Political orientations, ideological self-categorizations, party preferences, and moral foundations of young Turkish voters', *Turkish Studies*, 17, pp. 544–566.

Статья поступила в редакцию: 26.12.2021

Статья принята к печати: 15.01.2022

FEATURES OF THE USE OF MORAL LANGUAGE BY DEPUTIES OF THE STATE DUMA FACTIONS: AN EMPIRICAL ASSESSMENT BASED ON CONTENT ANALYSIS

K. A. Sulimov, O. A. Sychev, K. I. Belousov

K. A. Sulimov, Candidate of Political Science, Head of the Department of Political Science, Perm State University.

E-mail: k.sulimov@psu.ru (ORCID: 0000-0003-4277-3135).

O. A. Sychev, Cand. Sc. (Psychol.), senior researcher of the Research Department, Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy.

E-mail: osn1@mail.ru (ORCID: 0000-0002-0373-6916).

K. I. Belousov, D. Sc. (Philolog.), professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State University.

E-mail: belousovki@gmail.com (ORCID: 0000-0003-4447-1288).

Abstract

The results of a study of the features of the use of moral language by deputies of various factions of the State Duma are presented. The conceptual basis of the study was the moral foundations theory developed in the USA, which reveals the difference between the moral foundations of conservative and liberal political ideology. Along with the main provisions of the theory, the features of the Russian political and ideological space and political practice, which limit the possibilities of its application in Russia, are considered in detail. The texts of all deputies' speeches of the State Duma of the 4th–7th convocations were processed by computer content analysis using the moral foundations dictionary in the LIWC2015 program. The results of the analysis showed that in the speeches of the "United Russia" parliamentary faction much more often (in comparison with other factions) the language of the moral foundation "Authority" is used. This fact reflects its "administrative" conservatism, which expresses the peculiarities of its political and administrative status as a "party of power". Generally, the parties represented in the Duma gravitate more toward "binding" (group-centric) rather than "individualising" moral foundations, which corresponds to stereotypical ideas about the important role of these values in the Russian context. The results of the study indicate the promise of the approach based on the moral foundations theory to the study of socio-political discourse using computer content analysis of moral language.

Keywords: deputies; political parties; factions; the State Duma; moral foundations theory; morality; political ideologies and preferences; content analysis.

Acknowledgments:

The research was supported within the grant provided by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-011-00624 "Russia's future: content, rationale and boundaries of national consent".

УДК-329

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-1-74-83

ФАКТОРЫ УЧАСТИЯ «ЗЕЛЕННЫХ» ПАРТИЙ В ПРАВИТЕЛЬСТВАХ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В XXI ВЕКЕ

А. К. Михеев

Михеев Андрей Константинович, студент магистратуры, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет.
E-mail: andreymikheev@gmail.com (ORCID: 0000-0001-6179-2505).

Аннотация

В странах Западной Европы «зеленые» партии пользуются электоральной популярностью, они регулярно получают представительство в национальных парламентах, в ряде случаев «зеленые» участвуют в формировании правительственных коалиций. Поскольку разные теоретические подходы предлагают различные объяснения формирования правительственных коалиций, автор в данной статье ставит вопрос, какие комбинации факторов способствуют участию «зеленых» партий в национальных правительствах стран Западной Европы. Исследование проведено на основе базы данных Manifesto Project и статистической информации о партиях, национальных парламентах и выбросах CO₂ в атмосферу. Используя качественный сравнительный анализ (QCA), автор приходит к выводу, что участие / неучастие «зеленых» партий в правительственных коалициях объясняется комбинацией факторов, вытекающих из разных теоретических подходов. Наиболее благоприятная комбинация - идеологическая близость «зеленых» по проблемам, важным для партии премьер-министра, большая доля мест в парламенте, электоральный успех по сравнению с предыдущими выборами и экологически благополучная ситуация в стране. Вместе с тем исследование показывает, что поскольку ведущей в коалиции является партия премьер-министра, именно близость «зеленой» партии по проблемам, значимым для этой партии, в большей степени влияет на ее участие в правительстве, чем близость между ними по экологическим проблемам.

Ключевые слова: «зеленые»; правительственные коалиции; Западная Европа; качественный сравнительный анализ.

Природа и человек тесно взаимосвязаны. Окружающая среда играет важную роль в жизнедеятельности человечества: от обеспечения ресурсами экономики до влияния на здоровье и качество жизни людей. Поэтому проблемы, связанные с природой, приобретают политическое значение. Это проявляется в разных формах: от одиночных пикетов в защиту природы и раздельного сбора мусора до проведения всемирных саммитов по проблемам климата и создания «зеленых» политических партий. Особое развитие «зеленые» партии получили в Западной Европе, где во многих странах они регулярно получают представительство в национальных парламентах. Более того, в ряде случаев «зеленые» даже участвуют в формировании правительственных коалиций, однако не вполне ясно, какие факторы способствуют этому.

Так, в 2007 г. в правительство Ирландии вошла «зеленая» партия, которая получила всего 3,6% мест в национальном парламенте, а австрийские «зеленые», которые в 2013 г. добились своего лучшего электорального результата (13,1% мест в парламенте), не вошли в правительство. Однако, спустя шесть лет, получив примерно такой же результат на выборах (14,2%), «зеленые» сформировали правительственную коалицию с правопопулистской Австрийской народной партией (Тот, 2020), которая, казалось бы, далека от них по идеологическим позициям. В этом же году в Финляндии правительственную коалицию сформировали пять партий: Социал-демократическая, Финляндский центр, Зеленый союз, Левый союз, Шведская народная партия и Аландский союз. По мнению экспертов, именно идеологическая близость этих партий стала основой для создания правительства (Копылова, 2019).

Чем объяснить участие / неучастие «зеленых» в правительственных коалициях? Приверженцы теории минимальной выигрышной коалиции считают, что главным фактором в формировании прави-

тельствственной коалиции является распределение мест в парламенте между партиями, исследователи другого направления обращают внимание на идеологическую близость партий в процессе формирования правительственной коалиции. Однако приведенные выше примеры показывают, что ни тот, ни другой подход по отдельности не дают исчерпывающих объяснений. Поэтому в данной работе ставится задача, используя метод сравнительного качественного анализа (QCA), определить, какие комбинации факторов способствуют участию «зеленых» партий в национальных правительствах стран Западной Европы.

Теоретические подходы

Дж. фон Нейман и О. Моргенштерн первыми обратились к проблеме формирования правительственной коалиции. Стоит заметить, что выводы авторов были основаны не на эмпирических случаях, а на математических формулах и теории игр. По мнению исследователей, коалиция *K. I. Belousov* – это оптимальное решение в игре с нулевой суммой, с n -числом участников (фон Нейман & Моргенштерн, 1970). Оптимальным решением является разделение «приза» (в данном случае участие в правительстве) между минимальным количеством игроков. Также авторы определяют понятие «выигрышная коалиция». Это такая коалиция, при удалении одного из членов которой, она становится проигравшей. Важным в этой работе является представление об участниках «игры» как о рациональных игроках, то есть акторы действуют для максимизации выигрыша / приза. Авторы не учитывают другие, «нерациональные» факторы. Тем не менее данные теоретические выводы оказали огромное влияние на будущие эмпирические исследования.

У. Райкер первым применил подход Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна к анализу эмпирического материала. К примеру, он использует рациональный подход для того, чтобы проиллюстрировать и объяснить эволюцию американской партийной системы (партии рассматриваются как коалиции), а также создание правительственных коалиций в парламентских системах Европы. Исследователь подходит к проблеме формирования правительственных коалиций через теорию игры. Важным в идеях У. Райкера является принцип размера коалиции: «В политических ситуациях, аналогичных играм с n -персонами и с постоянной суммой, участники с ясной и полной информацией формируют минимальные побеждающие коалиции, т. е. коалиции настолько большие, чтобы они были достаточными для победы и не более того» (Riker, 1962).

Стоит заметить, что в современных исследованиях минимально выигрышная коалиция трактуется по-разному. Некоторые авторы вводят две разные переменные: минимальное количество партий в правительстве и минимальное количество занимаемых мест в национальных парламентах (Doring & Hellstrom, 2013). В. Лайзерсон в тезисах к своей диссертации считает, что минимально выигрышная коалиция должна состоять не из минимального количества мест в парламенте (50% +1), а из минимального количества партий (Leiserson, 1966). У. Гэмсон выводит несколько важных позиций, которые должны учитываться при формировании коалиции: 1) распределение ресурсов между игроками, а именно распределение парламентских мест между партиями; 2) распределение дивидендов для каждой коалиции по принципу пропорциональности (дивиденды пропорциональны затраченным игроком ресурсам); 3) количество ресурсов, которое обеспечивает победу в игре; 4) предпочтение игроков в случае равенства размера нескольких «выигрывающих коалиций» (Gamson, 1961).

Таким образом, в рамках данного подхода партии рассматриваются как игроки, которые действуют с целью максимизировать свой выигрыш. Эта модель, однако, не учитывает другие факторы, которые могут оказывать влияние на формирование коалиции. Так, Р. Аксельрод на основе анализа эмпирических данных по формированию правительственных коалиций в Италии в 1953–1969 гг. пришел к выводу, что партии, которые образовывали коалицию, имели минимальные конфликты интересов, следовательно, партии объединяются в коалицию по идеологически близким позициям, а уже потом по рациональным причинам. Поэтому зачастую коалиции становятся «сверхразмерными» и перестают быть минимальными (Axelrod, 1970).

М. Лэвер и К. Шепсл (Laver & Shepsle, 1996) разработали многомерную модель, согласно которой важнейшим вопросом при формировании правительственной коалиции является распределение министерских портфелей. Исследователи считают, что партии в коалиции, получая под свой контроль министерства, будут вести политику вне зависимости от позиций других членов правительства по вопросам данного министерства. Используя такой подход, можно найти наиболее устойчивое «равновесное» сочетание партий в коалиции, которое бы устроило большинство участников. В этом же направлении работал И. Синед (Sened, 1996). Он рассматривал процессы формирования прави-

тельствственных коалиций в Израиле и выделил две переменные, по которым сравнивал позиции партий: религия и национальная безопасность. С помощью экспертных опросов автор создал шкалу по этим переменным и пришел к выводу, что правительство формируют те партии, которые находятся ближе друг к другу по данным вопросам.

Таким образом, при объяснении участия / неучастия политической партии в правительственной коалиции необходимо учитывать как политический вес партии, так и ее идеологические позиции в сопоставлении с другими парламентскими партиями. Но и это не исчерпывает все факторы, влияющие на формирование правительственных коалиций. Так, П. Митчелл и Б. Найблейд (Mitchell & Nyblade, 2008), применив данные теории к 415 правительствам в 17 странах с парламентскими системами за период с 1945 по 1999 гг., обнаружили, что минимально выигрышная коалиция была в 30,5% исследуемых случаев, а идеологически близкая коалиция – в 19,3%. Иначе говоря, в сумме оба фактора объясняют только половину случаев. Поэтому, анализируя участие / неучастие «зеленых» партий в правительствах стран Западной Европы, необходимо принимать в расчет и иные факторы: предыдущий правительственный опыт, динамику электоральных результатов, значимость экологической проблемы в публичной повестке и др.

Операционализация теоретической модели

Под партией «зеленых» обычно понимается партия, одним из приоритетов деятельности которой является защита окружающей среды. Но это определение вызывает вопросы. Например, А. Меркель, канцлер ФРГ и председатель ХДС, заявляла на саммите ЕС, что «мы не должны безучастно наблюдать за происходящим, пришло время действовать в целях предотвращения потепления климата планеты» (Ромашенко, 2007). Можно ли говорить, что ХДС – «зеленая» партия, если глава партии делает подобные заявления? Очевидно, что нет. Поэтому в данном исследовании операционально «зеленые» партии определяются как партии, подписавшие «Глобальную хартию зеленых» в Канберре 2001 г. «Глобальные зелёные» состоят из четырёх федераций: Северная и Южная Америки, Африка, Европа и Азиатско-Тихоокеанский регион. На данный момент хартию подписали 78 партий по всему миру. Хартия обозначает основные идеологические направления «зеленых» партий: демократия участия, ненасилие, социальная справедливость, устойчивость, уважение разнообразия, экологическая мудрость (Global Green, no date). Хартия является открытой и регулярно пополняется новыми членами.

Единицами сравнения выступают коалиционные правительства стран Западной Европы в XXI в. Для анализа были отобраны 7 стран (Австрия, Германия, Ирландия, Нидерланды, Дания, Финляндия и Швеция), где функционирует парламентская модель организации публичной власти и где «зеленые» партии в течение всего рассматриваемого периода были представлены в национальных парламентах и, следовательно, обладали потенциалом участвовать в формировании правительства. Общее количество единиц наблюдения равно 36, из них в 9 случаях «зеленые» участвовали в правительственных коалициях.

Таким образом, зависимой переменной является участие / неучастие «зеленых» партий в правительстве. Данная переменная закодирована дихотомически: 1 присваивается случаям, в которых «зеленые» участвовали в правительстве, 0 – не участвовали.

Идеологическая близость «зеленых» и партнеров по коалиции рассматривается с двух сторон: 1) близость партнеров к «зеленым» по вопросам экологии и 2) близость «зеленых» к партнерам по проблемам, наиболее значимым для партнеров по коалиции.

Гипотеза 1. Чем больше партия-партнер уделяет внимания проблеме защиты окружающей среды, тем больше у «зеленых» партий шансов войти в правительство.

Гипотеза 2. Чем больше «зеленые» партии уделяют внимания проблемам, наиболее важным для партнера по коалиции, тем больше у «зеленых» партий шансов войти в правительство.

Данные для тестирования этих гипотез были взяты из Manifesto Project Main Dataset (Party Preferences)¹. Этот набор данных охватывает более 1 000 партий с 1945 г. по сегодняшний день в более чем 50 странах на пяти континентах и рассматривает предвыборные манифесты партий с целью изучения их политических предпочтений. Анализ проводится с помощью контент-анализа предвыборных манифестов по 7 основным «проблемам»-категориям (внешние отношения, свобода и демократия, политическая система, экономика, благосостояние и качество жизни, общественный строй,

¹ Manifesto Project Dataset [электронный ресурс]. URL: <https://manifesto-project.wzb.eu/> (дата обращения: 02.10.2021).

социальные группы), а также подкатегориям, где конкретизируются отдельные проблемы. Значимость каждой «проблемы» для каждой партии измеряется как доля утверждений по данной категории по отношению ко всем утверждениям в манифесте. Соответственно, значения этой переменной могут варьироваться от нуля (утверждения по данной проблеме в манифесте отсутствуют) до 100 (весь манифест посвящен данной проблеме).

Для «зеленых» партий по определению наиболее значимой является проблема защиты окружающей среды (в базе данных это переменная 501), для остальных партий наиболее значимой проблемой является та, которая занимает наибольшее место в предвыборной программе (категория, которая имеет максимальное значение в Manifesto Project). Поскольку в каждой коалиции есть старший партнер (партия, представитель которой занимает позицию премьер-министра), именно с этой партией сравниваются позиции «зеленых»: 1) близость по вопросам экологии и 2) близость по проблеме, наиболее значимой для партии премьер-министра.

По первому параметру рассчитано отношение соответствующего значения партии премьер-министра к «зеленой» партии, по второму – отношение соответствующего значения «зеленой» партии к партии премьер-министра. Таким образом, если значение равно 0, то партии максимально далеки друг от друга (такая ситуация может возникнуть, если показатель интересующей нас переменной в Manifesto Project равен 0, то есть партия вообще не уделяет внимания в своей программе данному вопросу). Если показатель равен 1, то партии максимально близки (такая ситуация может возникнуть, если показатель интересующей нас переменной один и тот же у «зеленой» партии и партии премьер-министра)¹.

Дополнительно к идеологической близости, в соответствии с рациональным подходом к формированию правительственных коалиций, тестируется влияние политического веса «зеленой» партии, который измеряется как доля мест «зеленых» в парламенте. Расчет сделан на основе базы данных «ParlGov»².

Гипотеза 3. Чем больше доля мест «зеленых» партий в парламенте, тем больше шансов партии войти в правительство.

Кроме того, ряд авторов указывают на важность предыдущего опыта участия в правительственной коалиции (Martin & Stevenson, 2010). Например, С. Андерсон и С. Гуиллори, исследовав правительства европейских стран с 1945 по 1990 гг., пришли к выводу: «Если члены действующего правительства довольны друг другом, если результаты выборов не слишком неблагоприятны для них, и особенно, если правительственные партии контролируют законодательное большинство, то действующее правительство вполне может принять решение остаться у власти» (Anderson & Guillory, 1997).

Гипотеза 4. Участие «зеленых» партий в предыдущем правительстве (инкубентство) повышает шанс войти в новое правительство.

Переменная «инкубентство» закодирована дихотомически: 1 – «зеленая» партия участвовала в предыдущем правительстве, 0 – не участвовала. Данные взяты из базы Comparative Political Data Set³.

Некоторые исследователи указывают также на то, что электоральные результаты следует рассматривать в динамике. Так, П. Уорвик обнаружил, что, если партия увеличивает свое представительство в парламенте, это положительно влияет на ее шансы войти в новое правительство (Warwick, 1996). Эта взаимосвязь подтверждается и другими исследованиями (Doring & Hellstrom, 2013).

Гипотеза 5. Чем больше «зеленая» партия набирает голосов по сравнению с предыдущими выборами, тем больше шансов у «Зеленой» партии войти в правительство.

Для измерения данной переменной на основе базы данных «ParlGov» рассчитана разница между долей (в %) мест в парламенте у «зеленых» на последних и предыдущих выборах.

Следует также принимать в расчет партийную композицию парламентов в целом. В частности, П. Уорвик (Warwick, 1994) на примере правительств и парламентов западноевропейских стран за период с 1950 по 1989 гг. показал, что чем больше фрагментация парламента, тем сложнее формировать правительство. Кроме того, высокая фрагментация увеличивает количество «конкуренентов» для «зеленой» партии.

¹ В ряде случаев переменная принимает значение более 1, поскольку, по данным Manifesto Project, партия премьер-министра обращает больше внимания на экологию, чем сами «зеленые», или «зеленые» обращают большее внимание на проблему, наиболее важную для партии премьер-министра, чем сама партия премьер-министра.

² ParlGov project. [электронный ресурс]. URL: <https://www.parlgov.org/> (дата обращения: 02.10.2021).

³ Comparative Political Data Set [электронный ресурс]. URL: <https://www.cpsds-data.org/> (дата обращения: 02.10.2021).

Гипотеза 6. Чем больше фрагментации парламента, тем меньше шансов у «Зеленой» партии войти в правительство.

Фрагментация парламента определяется через эффективное число партий в парламенте. Данные были взяты из базы Party Systems & Government Observatory¹.

Наконец, нельзя не учитывать экологический контекст, в котором происходит формирование правительственной коалиции. По данным Евробарометра, 94% европейцев считают защиту окружающей среды важной политической проблемой (European commission, 2020). Тем не менее, очевидно, что ситуация существенно различается в кросс-страновом измерении. Можно предположить, что, если государство сталкивается с экологическими катастрофами, сильными загрязнениями воды, воздуха и земли, это увеличит шансы «зеленых» на вхождение в правительство.

Гипотеза 7. Чем хуже экологическая ситуация в государстве, тем больше шансов у «Зеленых» партий войти в правительство.

Экологическая ситуация определяется через выбросы в атмосферу и парниковые газы (тонны на душу населения). Данные взяты из базы Организации по экономическому сотрудничеству и развитию².

Анализ данных

В исследовании применяется метод множественного качественного сравнительного анализа (multi-values QCA), так как переменные принимают категориальные значения {0; 1; 2}. Анализ производился с помощью пакета QCA (Duşa, 2018) в программе R. Данный метод представляется подходящим для исследования, так как выборка случаев небольшая (36 случаев), и он позволяет выявить необходимые и достаточные условия, а также их комбинацию, которая способствует вхождению «зеленой» партии в правительство.

В таблице 1 представлена описательная статистика независимых переменных и их калибровка.

Таблица 1

Калибровка переменных

Переменные	Min	Max	Пороговые и логические значения
ЭКО-БЛ (Близость по проблемам экологии)	0	1.23	<0.416 — {0} 0.416-0.803 — {1} > 0.803 — {2}
ПРОБ-БЛ (Близость по наиболее значимой проблеме партии Премьер-министра)	0.06	1.41	< 0.411 — {0} 0.411-0.922 — {1} > 0.922 — {2}
ДОЛЯ-МЕСТ (Доля мест в парламенте, %)	1.3	17.1	<4.35 — {0} 4.35-12.3 — {1} >12.3 — {2}
ИНКУМ (Инкумбентство)	0	1	Участие в предыдущем правительстве — 1, не участие — 0.
РАЗН (Разница в доле мест с предыдущими выборами, %)	-5.1	9.6	< -0.35 — {0} -0.35 - 5.15 — 1 >5.15 — {2}
ЭЧП (Эффективное число партий)	2.9	8.1	<5.2 — {0} >5.2 — {1}
ЗАГ-ВОС (Загрязненность воздуха (CO2))	3.4	13.7	<6.4 — {1} >6.4 — {0}

¹ Party Systems & Government Observatory [электронный ресурс]. URL: <https://whogoverns.eu/> (дата обращения: 02.10.2021).

² The Organization for Economic Cooperation and Development [электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/> (дата обращения: 02.10.2021).

Для всех переменных, кроме «инкубентство», которое закодировано дихотомически, с помощью программы R (Duşa, 2018) были определены пороги с использованием кластерного анализа, и им были присвоены логические значения {0; 1; 2}.

Переменная «близость по проблемам экологии» условно была разделена на 3 группы. Случаи, где коэффициент меньше 0.416, рассматриваются как идеологически далекие, и им присваивается значение 0, случаи, где коэффициент от 0.416 до 0.803, считаются средними (значение 1), а где коэффициент больше 0.803 – идеологически близкими (значение 2). Исходя из теоретических ожиданий, факторы «средней и высокой идеологической близости» способствуют участию «зеленых» в правительстве.

Аналогичным образом закодирована переменная «близость по наиболее значимой проблеме партии премьер-министра». Если коэффициент менее 0.411, эти случаи считаются идеологически далекими (значение 0), если коэффициент принимает значения от 0.411 до 0.922 – средними (значение 1), если коэффициент больше 0.922 – идеологически близкими, и им присваивается значение 2. Гипотетически факторы «высокой и средней идеологической близости» способствуют вхождению «зеленых» в правительство.

Переменная «доля мест в парламенте» также была разделена на 3 группы. Случаи, где доля мест в парламенте больше 12,3%, включены в категорию «сильных» парламентских партий (значение 2), если «зеленые» занимают от 4,35 до 12,3% мест в парламенте, то считаются партиями средней силы (значение 1), в остальных случаях партии считаются слабыми, и им присваивается значение 0. Предполагается, что фактор «большой и средней силы» способствует участию «зеленых» в правительстве.

Переменная «разница с предыдущими выборами» была разделена на несколько групп. «Зеленые» партии, которые набрали на выборах более 5,15% относительно предыдущего избирательного цикла, были включены в группу с наилучшей электоральной динамикой, и им присвоено значение 2. Если разница составила от -0,35% до 5,15%, это рассматривается как средний результат (значение 1), а если отрицательная динамика ниже -0,35%, это кодируется как 0. Исходя из гипотезы, ожидается, что большой и средний успех на выборах способствует участию «зеленых» партий в правительственной коалиции.

Переменная «эффективное число партий» была разделена на 2 группы. Если ЭЧП больше 5,2, то этот парламент признается сильно фрагментированным, и ему присваивается значение 1, если меньше – слабо фрагментированным (значение 0). Предполагается, что «слабая фрагментация» благоприятно влияет на участие «зеленых» партий в правительстве.

Переменная «загрязненность воздуха» была разделена на 2 группы, случаи, где загрязненность воздуха в тоннах на душу населения меньше 3,4, считаются экологически более благоприятными (значение 1), остальным случаям присваивается значение 0, они рассматриваются как случаи с экологически неблагоприятной обстановкой. Исходя из теоретических ожиданий, фактор «неблагоприятной экологической ситуации» способствует вхождению «зеленых» в правительство.

В таблице 2 представлены результаты теста на необходимость условий для вхождения в правительство «зеленых» партий, где Consistency обозначает долю случаев с истинным исходом (участие «зеленой» партии в правительстве), RoN – относительная важность независимой переменной как необходимого условия, Coverage – доля случаев, где независимая переменная оказалась необходимым условием. Можно сделать вывод, что в половине случаев необходимыми условиями для вхождения «зеленых» в правительство является высокая доля занимаемых мест в парламенте и сильная близость по экологической проблеме. Это соответствует теоретическим ожиданиям. Стоит заметить и высокую степень необходимости этих условий (более 90%). Обращает на себя внимание тот факт, что средняя близость по наиболее значимой для партии премьер-министра проблеме является «более обязательным» условием, чем высокая близость.

Таблица 2

Анализ необходимости условий

Условия	Участие в правительстве		
	Consistency / Inclusion	RoN	Coverage
Близость по проблемам экологии (высокая)	0.111	0.970	0.500
Близость по проблемам экологии (средняя)	0.111	0.727	0.100
Близость по наиболее значимой проблеме партии премьер-министра (высокая)	0.222	0.625	0.143
Близость по наиболее значимой проблеме партии премьер-министра (средняя)	0.556	0.690	0.357
Доля мест в парламенте (высокая)	0.222	0.938	0.500
Доля мест в парламенте (средняя)	0.667	0.321	0.240
Инкубентство	0.111	0.879	0.200
Разница с предыдущими выборами (высокая)	0.111	0.939	0.333
Разница с предыдущими выборами (средняя)	0.667	0.570	0.333
ЭЧП	0.444	0.667	0.286
Загрязненность воздуха (CO ₂)	0.889	0.269	0.296

В таблице 3 представлены результаты теста на необходимость комбинаций условий для вхождения «зеленых» в правительство. Для половины и более случаев необходимыми условиями является средний успех на выборах и отсутствие близости по экологическим проблемам, что противоречит теоретическим ожиданиям. Стоит отметить, что в большинстве комбинаций для 67% случаев, где «зеленые» партии вошли в правительство, экологическая близость была минимальной, в то время как близость по проблемам партии премьер-министра средняя. Обращает на себя внимание последняя комбинация. Она свидетельствует о том, что для 37.5% случаев обязательными условиями для вхождения «зеленых» партий в правительство являются максимальная близость по проблемам окружающей среды и средняя близость по проблемам, важным для партии премьер-министра.

Таблица 3

Анализ необходимости комбинаций условий

Условия	incLN	RoN	covN
ДОЛЯ-МЕСТ[2] ИЛИ ПРОБ-БЛ[1]	0.778	0.63	0.412
ИНКУМ[0] И РАЗН[1]	0.667	0.643	0.375
РАЗН[1] И ЭКО-БЛ[0]	0.667	0.786	0.500
ИНКУМ[0] И РАЗН[1] И ЭКО-БЛ[0]	0.667	0.821	0.545
ЭКО-БЛ[0] И ЗАГ-ВОС[1]	0.667	0.607	0.353
РАЗН[2] ИЛИ ПРОБ-БЛ[1]	0.667	0.607	0.353
ЭКО-БЛ[2] ИЛИ ПРОБ-БЛ[1]	0.667	0.643	0.375

Таблица 4

Комбинация условий для исходов

ЭКО-БЛ[0] И ПРОБ-БЛ[1] И ДОЛЯ-МЕСТ[1] И ИНКУМ[0] И РАЗН[1] И ЭЧП[0]	(Финляндия 2007, Швеция 2014, Германия 2002)
ЭКО-БЛ[0] И ПРОБ-БЛ[1] И ДОЛЯ-МЕСТ[1] И ИНКУМ[0] И РАЗН[1] И ЗАГ-ВОС[1]	(Швеция 2014, Германия 2002, Швеция 2018, Нидерланды 2010)
ЭКО-БЛ[0] И ПРОБ-БЛ[0] И ДОЛЯ-МЕСТ[1] И ИНКУМ[1] И РАЗН[0] И ЭЧП[1] И ЗАГ-ВОС[1]	(Финляндия 2011)

ЭКО-БЛ[2] И ПРОБ-БЛ[2] И ДОЛЯ-МЕСТ[1] И ИН-КУМ[0] И РАЗН[0] И ЭЧП[1] И ЗАГ-ВОС[1]	(Дания 2011)
ЭКО-БЛ[0] И ПРОБ-БЛ[0] И ДОЛЯ-МЕСТ[2] И ИН-КУМ[0] И РАЗН[1] И ЭЧП[0] И ЗАГ-ВОС[1]	(Австрия 2019)
ЭКО-БЛ[1] И ПРОБ-БЛ[2] И ДОЛЯ-МЕСТ[2] И ИН-КУМ[0] И РАЗН[2] И ЭЧП[1] И ЗАГ-ВОС[1]	(Финляндия 2019)
ЭКО-БЛ[0] И ПРОБ-БЛ[1] И ДОЛЯ-МЕСТ[0] И ИН-КУМ[0] И РАЗН[1] И ЭЧП [0] И ЗАГ-ВОС [1]	(Ирландия 2007)

В таблице 4 представлены комбинации условий, где «зеленые» партии вошли в правительство, после процесса минимизации. В случае Нидерландов 2010 г. «зеленые» не участвовали в правительственной коалиции. Тем не менее, этот случай соответствует формуле успеха «зеленых». Можно говорить о важности идеологической близости между «зелеными» партиями и партиями премьер-министра. В 5 из 7 комбинаций близость по важной проблеме партии премьер-министра была средняя или большая. В то же время, экологическая близость не оказывает значимого эффекта, только в 2 из 7 комбинаций близость по экологическим вопросам большая или средняя. Это значит, что партия премьер-министра является ведущей в процессе формирования коалиции, и поэтому именно ее идеологические позиции являются основными, на которые должны ориентироваться «зеленые» партии. Вместе с тем в случаях Финляндии 2011 г. и Австрии 2019 г. близость по экологической проблеме и проблеме, важной для партии премьер-министра минимальна. Фактически, эти коалиции противоречат теоретическим ожиданиям и требуют отдельного исследования. Результаты анализа также показывают, что значимым в процессе формирования правительственных коалиций является доля мест «зеленых» в парламенте. Из 7 комбинаций лишь в 1 доля занимаемых мест была относительно небольшой. Иначе говоря, партии предпочитают принимать к себе в коалицию значимых на политической арене игроков, что соответствует теории минимальной выигрышной коалиции.

Обращает на себя внимание, что значимым фактором является динамика электорального успеха «зеленых». В 5 из 7 случаев средняя или большая разница в их результатах по сравнению с предыдущими выборами способствует вхождению в правительственную коалицию. Что касается фактора инкубентства, то он оказался незначимым, данная переменная присутствует лишь в 1 из 7 комбинаций. Иными словами, в большинстве случаев «зеленые» партии не могут развить свой успех и не участвуют в следующем правительстве. Детальный анализ этих случаев может помочь в определении причин этих неудач. С фрагментацией национальных парламентов складывается неоднозначная ситуация. В половине комбинаций была высокая фрагментация, в другой – низкая. Можно предположить, что данный фактор не имеет значения. Что касается экологической ситуации в стране, в 6 из 7 комбинациях «зеленые» вошли в правительственную коалицию в случаях, когда экологическая обстановка в стране определена как относительно благоприятная, а в седьмой комбинации эта переменная отсутствует. Это противоречит ожиданиям, однако в данном случае возможна следующая интерпретация: именно благоприятная экологическая обстановка может рассматриваться избирателями как заслуга «зеленых» партий, и это позитивно влияет на их вхождение в правительство.

* * *

Проведенное исследование подтверждает теоретические ожидания, что участие / неучастие «зеленых» партий в правительственных коалициях объясняется комбинацией факторов, вытекающих из разных теоретических подходов. Ни один фактор в отдельности не был необходимым условием для более 50% случаев. Наиболее благоприятная комбинация – идеологическая близость «зеленых» по проблемам, важным для партии премьер-министра, большая доля мест в парламенте, электоральный успех по сравнению с предыдущими выборами и экологически благополучная ситуация. Электоральные успехи «зеленых» партий позитивно влияют на их вхождение в правительство, особенно в том случае, если они улучшают свой результат относительно предыдущих выборов. Особое значение имеет сочетание парламентской силы «зеленых» и идеологической близости между ними и партиями-участниками коалиции. Вместе с тем исследование показывает, что поскольку ведущей является партия премьер-министра, именно близость «зеленой» партии по проблемам, значимым для этой партии, в большей степени влияет на успех экологических партий, чем близость по экологическим проблемам. Отклоняющиеся от этой закономерности случаи – Австрии 2019 г. и Финляндии 2011 г., где

идеологическая близость «зеленых» и партий премьер-министра минимальна. Они требуют специального исследования, которое сможет дополнить факторы, которые могут оказывать влияние на вхождение «зеленых» партий в национальные правительства.

Список литературы / References

- Копылова, П. (2019) 'Финское чудо: как женщины захватили власть в Финляндии', Forbes. [электронное издание]. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/389353-finskoe-chudo-kak-zhenshchiny-zahvatili-vlast-v-finlyandii> (дата обращения: 27.01.2022). [Kopylova, P. (2019) 'The Finnish miracle: how women took power in Finland' [Finskoe chudo: kak zhenshchiny zahvatili vlast v Finlyandii.], Forbes [online]. Available at: URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/389353-finskoe-chudo-kak-zhenshchiny-zahvatili-vlast-v-finlyandii> (Accessed: 27 January 2022)] (In Russ.).]
- Ромашенко, С. (2007) 'Меркель намерена примирить экологию с экономикой', DW. [электронное издание]. URL: <https://p.dw.com/p/9wIj> (Дата обращения: 27.01.2022). [Romashenko, S. (2007) 'Merkel intends to reconcile ecology with the economy' [Merkel namerena primirit' ekologiyu s ekonomikoj.], DW [online]. Available at: URL: <https://p.dw.com/p/9wIj> (Accessed: 27 January 2022)]. (In Russ.).]
- Тот, Б. (2020) 'Национал-экологическая мозаика', Международная политика и общество [электронное издание]. URL: <https://www.ipg-journal.io/regiony/evropa/nacional-ehkologicheskaja-mozaika-967/> (Дата обращения: 27.01.2022). [Tot, B. (2020) 'The national environmental mosaic' [Nacional-ekologicheskaja mozaika], International politics and society [online]. Available at: URL: <https://www.ipg-journal.io/regiony/evropa/nacional-ehkologicheskaja-mozaika-967/> (Accessed: 27 January 2022)]. (In Russ.).]
- фон Нейман, Д., & Morgenштерн, О. (1970) 'Теория игр и экономическое поведение' Москва: Наука. [Von Neumann, D., & Morgenstern, O. (1970) 'Game Theory and Economic Behaviour' [Teoria igr I ekonomicheskoe povedenie]. Moscow: Science. (In Russ.).]
- Anderson, C., & Guillory, C. (1997) 'Political Institutions and Satisfaction with Democracy: A Cross-National Analysis of Consensus and Majoritarian Systems', *American Political Science Review*, 91(1), pp. 66–81.
- Axelrod, R. (1970) *Conflict of interest: A theory of divergent goals with applications to politics*. Chicago: Markham Pub. Co.
- Duşa, A. (2018) *QCA with R: A comprehensive resource*. Springer.
- European commission. (2020) *Attitudes of European citizens towards the Environment* [Online]. Available at: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2257> (Accessed: 27 January 2022).
- Döring, H., & Hellström, J. (2013) 'Who Gets into Government? Coalition Formation in European Democracies', *West European Politics*, 36(4), pp. 683–703.
- Gamson, W. (1961) 'A theory of coalition formation', *American sociological review*, 26(3), pp. 373–382.
- Global Greens (not date) *About Global Greens* [Online]. Available at: <https://global-greens.org/about/> (Accessed: 27 January 2022).
- Laver, M., Shepsle, K. (1996) *Making and Breaking Governments: Cabinets and Legislatures in Parliamentary Democracies*. Cambridge University Press.
- Leiserson, W. (1966) *Coalitions in Politics: A Theoretical and Empirical Study*. PhD dissertation. Yale University.
- Martin, L., & Stevenson, R. (2010) 'The Conditional Impact of Incumbency on Government Formation', *American Political Science Review*, 104(3), pp. 503–518.
- Mitchell, P., & Nyblade, B. (2008) 'Government formation and cabinet type in parliamentary democracies' in: Strøm, K., Müller, W., Bergman, T. (ed.) Oxford: Oxford University Press, pp. 201–236.
- Riker, W. (1962) *The theory of political coalitions*. New Haven: Yale University Press.
- Sened, I. (1996) 'A Model of Coalition Formation: Theory and Evidence', *The Journal of Politics*, 58(2), pp. 350–372.

Warwick, P. (1994) *Government Survival in Parliamentary Democracies*. Cambridge: Cambridge University Press.

parliamentary democracies', *British Journal of Political Science*, 26 (4), pp. 471–499.

Warwick, P. (1996) 'Coalition government membership in West European

Статья поступила в редакцию: 26.12.2021

Статья принята к печати: 15.01.2022

FACTORS OF GREEN PARTIES' PARTICIPATION IN GOVERNMENTS OF WEST EUROPEAN COUNTRIES IN THE XXI CENTURY

A. K. Mikheev

A. K. Mikheev, MA Program student, Department of Political Science, Perm State University.

E-mail: andreymikheev@gmail.com (ORCID: 0000-0001-6179-2505).

Abstract

In Western Europe, "green" parties enjoy electoral popularity, they regularly represent at in national parliaments, and in some cases, participate in the formation of government coalitions. Since different theoretical approaches offer various explanations for the formation of government coalitions, the author in this article raises the question of what combinations of factors contribute to the participation of "green" parties in the national governments of Western Europe. The study was conducted on the basis of the Manifesto Project database and statistical information on parties, national parliaments and CO2 emissions into the atmosphere. Using a qualitative comparative analysis (QCA), the author comes to the conclusion that the participation / non-participation of "green" parties in government coalitions is explained by a combination of factors drawing from different theoretical approaches. The most favorable combination is the ideological proximity of the "greens" on issues important to the Prime Minister's party, a large share of seats in parliament, electoral success compared to previous elections, and an environmentally positive situation in the country. At the same time, the study shows that since the prime minister's party is leading in the coalition, it is the proximity of the "green" party on issues that are significant for this party that affects its participation in government to a greater extent than the proximity between them on environmental issues.

Keywords: "green"; government coalitions; Western Europe; qualitative comparative analysis.

Международные отношения

УДК-327

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-1-84-93

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОДХОДАХ США К РЕГИОНУ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПОСЛЕ НАЧАЛА УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

П. Е. Смирнов

Смирнов Павел Евгеньевич, старший научный сотрудник,
Институт США и Канады РАН, Россия, Москва.
E-mail: smi-pavel@yandex.ru (ORCID 0000-0003-4757-8099).

Аннотация

Регион Центральной и Восточной Европы стал одним из существенных факторов конфликтного потенциала между Российской Федерацией и евроатлантическим сообществом. Качественно новый этап этой конфронтации наступил после начала кризиса вокруг Украины в 2014 г. Хотя задача выстраивания военно-политического противовеса России в ЦВЕ и втягивания в западную орбиту прилегающих постсоветских государств пользуется двухпартийной поддержкой в США, у каждой из американских администраций в этом вопросе свои приоритеты и акценты. Анализируются те особенности, которые характерны для действий США в отношении Восточной Европы в последние годы президентства Б. Обамы, при администрации Д. Трампа и в первые месяцы президентства Дж. Байдена. Общность восприятия американским политическим классом российского, и во всё большей степени китайского вызова в отношении Европы не исключает различия в подходах между различными группами интересов внутри США в отношении того, как выстраивать подходы к новым союзникам Вашингтона в Центральной и Восточной Европе. Особенно заметные различия наблюдаются здесь между администрациями Д. Трампа и Дж. Байдена. Если Д. Трамп, помимо задачи «сдерживания» России, стремился использовать данный регион в качестве механизма давления на недостаточно лояльных западноевропейских союзников, подрыва единства Европейского союза и продвижения интересов американского энергетического бизнеса, то Дж. Байден фактически отказался от поддержки отдельных стран Восточной Европы (прежде всего, Польши) в качестве противовеса «старой» Европе, снизил ставку на «энергетические войны» с Россией в регионе и на срыв газопроводного проекта «Северный поток-2». Администрация демократов стала придавать большее значение общности либеральных ценностей, что создаёт определённые трудности в отношениях с правительствами таких стран, как Венгрия или Польша. В статье уделяется особое внимание активности США по линии многосторонних форумов в данном регионе (НАТО, Вишеградская «четвёрка», Бухарестская «девятка», «Инициатива трёх морей»).

Ключевые слова: США; Центральная и Восточная Европа; НАТО; Россия; Китай; союзники; оборона; ценности; региональные форумы; санкции; энергетическая безопасность.

Восточноевропейский регион начал приобретать важное значение для США вскоре после распада системы биполярного противостояния в Европе, а включение большинства его государств в Европейский союз и НАТО стало одним из важнейших элементов того миропорядка, который установился после «холодной войны». Преимущество внешнеполитических приоритетов США в этом регионе (а его географические пределы интерпретируются в Вашингтоне и на Западе в целом всё шире – с включением не только бывших членов ОВД и государств Балтии, но и Украины, Белоруссии, Молдавии, стран Закавказья) определяется, прежде всего, необходимостью сохранения НАТО как основного инструмента американского влияния. После событий на Украине и вокруг неё, начавшихся в 2014 г., регион Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) является для Вашингтона одним из ключевых инструментов противодействия «неприемлемому поведению» Москвы. Неизменным в американских приоритетах в регионе остаётся стремление использовать конфронтационную по отношению к России направленность внешнеполитической философии правящей элиты большинства стран Вос-

точной Европы – и не только в антироссийских целях, но и ради нейтрализации автономистских настроений среди «старых» членов НАТО в Западной Европе.

Вместе с тем в современных экспертных исследованиях по данной тематике всё больше внимания уделяется проблемам, препятствующим полноценной интеграции государств этого региона в евроатлантическое сообщество, и в этой связи ограниченности их ресурса в деле «распространения демократии» дальше на восток Европы. На одно из видных мест в этих исследованиях выдвигается вопрос о сохраняющихся проявлениях национализма и популизма в политической культуре стран ЦВЕ, пренебрежения к демократическим ценностям в деятельности ряда правительств региона (Польша, Венгрия), недостаточных усилий в преодолении коррупции. Всё больше исследователей признают, что проблема «отступления от демократии» выходит за рамки частных случаев Польши и Венгрии, что наличие в странах ЦВЕ (не говоря уже о не входящих в ЕС и НАТО странах, находящихся к востоку от них, в частности, Украине, Молдавии, Грузии) стабильных электоральных процедур отнюдь не исключает сохранения у этих государств антилиберальных характеристик, ухудшающих качество демократических институтов и ведущих к появлению своеобразных гибридных режимов, хотя и не означающих полноценного авторитаризма (Cianetti, Dawson, Hanley, 2018: 247).

Вопрос о сохранении «демократических ценностей» в западном лагере, таким образом, ставится в более широком контексте, нежели просто стремление рассматривать деятелей типа премьер-министра Венгрии В. Орбана (а также националистические и правопопулистские движения в Западной Европе) как инструменты «подрывного воздействия» России на Запад, а ведь именно к такой трактовке склонно большинство либеральных СМИ в США и многие эксперты, в том числе близкие к администрации Дж. Байдена, в частности, бывший посол США в РФ М. Макфол (McFaul, 2021).

Далеко не однозначным оказалось и воздействие Запада на страны «новой Европы», что наглядно проявилось в дифференциации внутри самого блока экс-социалистических государств. Некоторые исследователи указывают на то, что старые западные идеи демократизации восточноевропейских стран с течением времени были деформированы, что власти этих стран ощущают растущее давление международного и национального капитала (Орлик, 2020: 74). «Новые демократии» в Восточной Европе весьма чувствительны к тому, что одна форма диктата (в рамках «коммунистического блока») после их вступления в ЕС фактически сменилась другой – под флагом морального превосходства Запада – и это ведёт к размыванию позитивного отношения к ЕС, который ещё остается в данном регионе (Jensen, 2021: 114–115).

Исходя из этих тенденций, многие американские и восточноевропейские эксперты и деятели медиасообщества открыто призывают правящие круги США не ставить свою благосклонность к странам Восточной Европы в зависимость от формального соблюдения их правительствами норм демократии и либеральных ценностей. Особенно активизировались подобные призывы с приходом администрации Дж. Байдена. Это крыло экспертного сообщества считает, что ввиду необходимости создания единого фронта Запада против «агрессивного поведения России» нужно избегать любых шагов, которые бы вели к остракизму в отношении демократически избранных правительств в тех странах Восточной Европы, где соблюдение демократических норм вызывает нарекания со стороны либеральной общественности, но которые важны с точки зрения американской геостратегии в Европе (Eristavi, 2020; Bugajski, 2020).

Украинский разлом: Восточная Европа как арена конфронтации России и НАТО

После того, как государственный переворот на Украине в 2014 г., воссоединение Крыма с РФ и начало вооружённого конфликта в Донбассе положили начало новому этапу конфронтации между Россией и Западом, интерес США к восточноевропейскому региону, в отличие от периода после вступления большинства его государств в НАТО и ЕС, стал определяться не задачами «продвижения демократии», а в первую очередь военно-стратегическими соображениями. Эта тенденция начала проявляться ещё при администрации Б. Обамы: именно тогда были приняты основные решения (как на национальном уровне, так и в формате НАТО), касающиеся «расширенного передового присутствия» альянса в ряде стран ЦВЕ, прежде всего, Польши и прибалтийских государств, с целью «сдерживания» России. Администрация Д. Трампа, продолжив эту линию, значительно усилила и энергетическую составляющую американского влияния в Восточной Европе, связанную со стремлением максимально заместить на рынках этих стран российское углеводородное сырьё американским сжиженным природным газом (СПГ), поощряя, в частности, ради этого строительство и функционирование в ряде стран (Польша, Литва, Хорватия) терминалов по приёму этого вида топлива.

Основными вехами в расширении военного присутствия НАТО в регионе после 2014 г. стали создание «Межвидовых сил очень высокой боевой готовности» (саммит НАТО в Уэльсе в сентябре 2014 г.), развёртывание по решению варшавского саммита альянса (2016 г.) в Польше и прибалтийских странах четырёх боевых групп батальонного состава на ротационной основе, утверждение брюссельским саммитом НАТО в 2018 г. инициативы «4 x 30», которая предполагает, что НАТО с 2020 г. будет способно привести в боевую готовность 30 батальонов, 30 авиаэскадрилий и 30 боевых кораблей максимум в течение 30 суток.

Кроме того, в июне 2019 г. президенты США и Польши Д. Трамп и А. Дуда договорились, что американское ротационное военное присутствие в этой стране будет увеличено дополнительно примерно на 1 тыс. военнослужащих. Также Вашингтон и Варшава в 2018 г. начали переговоры о размещении на польской территории американской военной базы. Хотя переговоры о создании такой базы окончились безрезультатно, эту неудачу в значительной мере удалось компенсировать заключением в августе 2020 г. Соглашения о расширенном военном сотрудничестве. Варшава с особым энтузиазмом выступала за интеграцию Украины в совместную военную активность с НАТО, в том числе путём проведения учений с участием Киева.

Избрание президентом США в 2016 г. Д. Трампа с его философией «Америка в первую очередь», ставкой на национальный суверенитет, а не на глобальное управление, безразличием к судьбе либерального миропорядка, выражавшемся в том числе в отрицательном отношении к европейской интеграции и в открытой поддержке выхода Великобритании из ЕС, оказалось созвучным настроениям значительной части элит экс-коммунистических стран Восточной Европы, которая тяготится многими из требований, предъявляемых им бюрократическими институтами Евросоюза и которая по-прежнему считает национальный суверенитет высшей ценностью. Особенно большие перспективы для себя почувствовали с приходом Д. Трампа такие политики антилиберального толка, подвергающиеся критике со стороны Евросоюза за нарушение принципов верховенства права, независимости судебной системы, свободы СМИ и введение ограничений на иммиграцию, как лидер правящей партии «Право и справедливость» (ПиС) в Польше Я. Качиньский и премьер-министр Венгрии В. Орбан (хотя по отношению к России правительства обеих этих стран находятся по разные стороны баррикад).

Именно в годы президентства Д. Трампа, когда особенно активизировалась линия США и НАТО на наращивание военной инфраструктуры альянса на его восточном фланге, главными бенефициарами политики США в регионе ЦВЕ стали Польша и прибалтийские государства, которые позиционируют себя как основные бастионы сопротивления «российской агрессии». В то же время важное значение для США приобрело и расширение военного сотрудничества со странами Юго-Восточной Европы, в первую очередь Румынией и Болгарией, которые оказались непосредственно затронутыми расширением границ РФ в Черноморском регионе после воссоединения с Крымом. В 2016 г. было продлено американо-болгарское соглашение 2005 г. об использовании вооружёнными силами США нескольких военных объектов на территории Болгарии. В 2016 г. на румынской военной базе Девеселу в рамках программы ЕвроПРО был введен в строй американский комплекс противоракетной обороны Aegis Ashore.

Именно восточноевропейские государства стали главным объектом объявленной ещё в 2014 г. администрацией Б. Обамы «Европейской инициативы по обеспечению безопасности», которая в 2017 г. была преобразована в «Европейскую инициативу сдерживания». При Д. Трампе ее финансирование возросло особенно существенно — до 6,5 млрд долл в 2019 г. (в 2015 г. — 985 млн долл), после чего, правда, оно начало снижаться¹.

США в годы президентства Д. Трампа почти открыто пытались играть на раскол Евросоюза, сталкивая Польшу с Германией. По мнению одного из российских экспертов, «Вашингтон, поощряя создание Польшей отдельного объединения из группы стран внутри ЕС, во-первых, вносит разлад в саму европейскую организацию, во-вторых, обостряет отношения Варшавы с её соседями, прежде всего с Германией, которая как одна из стран-основательниц Евросоюза, по всей видимости, будет сдерживать формирование нового центра европейской политики» (Тихонова, 2018: 97). В первую очередь администрация Трампа поощряла оппозицию Варшавы газопроводному проекту «Северный поток-2». Одновременно она вела игру на традиционных германо-польских противоречиях даже в военной области: в июне 2020 г. президент США объявил о намерении (правда, неосуществленном) вывести из Германии 9,5 тыс. американских военнослужащих из-за невыполнения ею 2%-ного нор-

¹ The European Deterrence Initiative: A Budgetary Overview (2020), *Congressional Research Service*, June 16. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/natsec/IF10946.pdf> (accessed: 23.12.2020).

матива военных расходов и стремления и дальше поддерживать проект «Северный поток-2». Польша выразила готовность принять у себя эти силы и таким образом, демонстративно подтвердила свою роль авангарда проамериканской линии.

В последний период президентства Д. Трампа даже возникли дискуссии относительно возможного перемещения американского ядерного оружия из Германии в Польшу в связи с неспособностью и нежеланием Берлина выполнить требования Вашингтона о повышении уровня своих военных расходов до 2% от ВВП. Такую возможность, в частности, допустила посол США в Польше Дж. Моссбахер в мае 2020 г. Польша могла бы, таким образом, стать участником программы по разделению ядерной ответственности в НАТО (речь идёт о размещении американских авиационных бомб свободного падения В61). Правда, сама Варшава достаточно осторожно отнеслась к подобному варианту (тем более, что в Польше отсутствует необходимая инфраструктура для размещения подобных вооружений). Министерство обороны Польши в декабре 2020 г. выступило с заявлением, что эта страна в настоящее время не предпринимает никаких усилий по присоединению к программе разделения ядерной ответственности в НАТО, хотя за пять лет до того тогдашний заместитель министра обороны Польши Т. Шатковский допускал возможность присоединения его страны к этой программе (Allen, 2021). Еще менее вероятными представляются здесь какие-либо практические меры в период президентства Дж. Байдена в связи с его декларировавшимся желанием нормализовать отношения со «старыми» союзниками США по НАТО, прежде всего, с Германией. Однако «польский вариант» в ядерной стратегии НАТО в качестве инструмента воздействия на Берлин и предмета для дискуссий может, по мнению сотрудника Центра анализа европейской политики А. Аллена, использовать и администрация Дж. Байдена, тем более, если России и США не удастся достичь договорённости по новому договору о стратегических вооружениях взамен ныне действующего (Allen, 2021).

Одним из главных приоритетов администрации Д. Трампа в Восточной Европе стало использование этого региона в качестве арены для противодействия «энергетическому диктату» России, поскольку зависимость Европы, особенно стран восточной части континента, от поставок углеводородного сырья из России, тем более в условиях роста конфронтации между Россией и объединенным Западом, трактуется как угроза безопасности Западу в целом, как фактор экономической уязвимости Старого континента, как инструмент размывания Москвой сплочённости европейской элиты. Одной из главных таких «угроз» стало сотрудничество России и Германии в строительстве газопроводов «Северный поток» и «Северный поток-2» по дну Балтийского моря в обход территорий Польши и Прибалтийских стран. США активно эксплуатируют недовольство этих стран указанными проектами.

С середины второго десятилетия XXI в., особенно на фоне неудачи проекта магистрального газопровода «Набукко», с помощью которого западные сторонники альтернатив «Газпрому» рассчитывали найти надёжную замену российскому газу, Вашингтон в своих концепциях энергетической безопасности Центрально- и восточноевропейского региона стал делать упор на налаживание поставок в Европу американского сжиженного природного газа (СПГ), одновременно поощряя закупки странами региона газа из других альтернативных источников (Норвегия, Катар), строительство терминалов СПГ в различных странах, а также продвижение более реалистических трубопроводных проектов, идущих в обход России (таких как Южный газовый коридор), строительство ответвлений от них и интерконнекторов.

Первые шаги к организации поставок в Европу американского СПГ были сделаны ещё в период президентства Б. Обамы. Однако только с приходом Д. Трампа политика максимально возможного замещения российского газа американским СПГ (в том числе на восточноевропейских рынках) стала приобретать системный характер. Главная стратегическая цель, которая при этом преследовалась – не допустить формирования энергетического альянса между Россией и Евросоюзом. Именно энергетический аспект стал главным мотивом, определившим поддержку Вашингтоном «Инициативы трёх морей» («Триморья» или Балто-Адриато-Черноморской инициативы), выдвинутой президентами Польши и Хорватии А. Дудой и К. Грабар-Китарович в 2015 г. и охватившей 12 стран Центральной и Юго-Восточной Европы. В широком плане инициатива «Триморья» направлена на преодоление разрыва в уровне развития инфраструктурных сетей региона с остальным Евросоюзом, строительство нескольких крупных транспортных коридоров, расширение и строительство новых терминалов для приема СПГ. Сама же идея, лежащая в основе этой инициативы, исходит от США и была сформулирована в докладе Атлантического Совета (2014 г.) «Завершение строительства Европы: от коридора «Север – Юг» до энергетического, транспортного и телекоммуникационного союза» (Completing Europe..., 2014). В июле 2017 г. на саммите «Триморья»

в Варшаве президент Д. Трамп выступил с программной речью по вопросу о переориентации углеводородного рынка региона с российских поставок на альтернативные источники, в том числе на сжиженный природный газ из США¹. В рамках «Инициативы трех морей» государственный секретарь США М. Помпео в феврале 2020 г. анонсировал новый пакет американской помощи центрально- и восточноевропейским странам в размере до 1 млрд долл.

Сделанный в «Стратегии национальной безопасности США» 2017 г. упор на необходимость сдерживания «ревизионистских держав» – России и Китая² – отразился и на тех акцентах, которые делала администрация Д. Трампа по отношению к восточному флангу НАТО. Включение ею Китая в число угроз, перед которыми стоит данный регион, очевидно, отражает намерение Вашингтона в этот период усилить «сдерживание» Пекина по всем траекториям. Одним из направлений, по которым США пытались реализовывать это «сдерживание», стало стремление администрации Трампа препятствовать установлению китайского контроля над критически важными инфраструктурными сетями и объектами в странах ЦВЕ, и особенно созданию там мобильных сетей нового поколения 5G силами компании Huawei. С некоторыми государствами ЦВЕ США подписали в 2019–2020 гг. совместные декларации, или меморандумы о безопасности в сфере 5G, а ряд из них внесли изменения в свои законодательные акты, завуалированно направленные именно против этой китайской компании³.

Новые акценты в политике США при Дж. Байдене: «новая» Европа – не противовес «старой»

С момента смены власти в Вашингтоне после президентских выборов 2020 г., вопрос о сохранении администрацией демократов интереса к региону, составляющему восточный фланг НАТО, приобрёл большое значение для лидеров стран ЦВЕ, а также для лоббистов Восточной Европы в политических и экспертных кругах США. Стремление Дж. Байдена и его команды исправить действия Д. Трампа, негативным образом сказавшиеся на отношениях со «старыми» союзниками по НАТО, может подтолкнуть администрацию демократов к отказу от гипертрофированной ставки на некоторые страны Восточной Европы в качестве противовеса «старой» Европе. Так, комментарий базирующегося в польской столице исследовательского центра Warsaw Institute, хоть и выражает надежду на то, что послужной список нового президента позволит сохранить позитивную динамику в отношениях с США времен Д. Трампа (особенно у Польши), признаёт, что определённые изменения в американской политике в отношении ЦВЕ неизбежны. В первую очередь, это свойственный американским демократам акцент на «общих ценностях», на борьбе с изменением климата и «зелёной энергетике», ведь подобная расстановка приоритетов способна ослабить интерес Вашингтона к замещению российского углеводородного сырья американским на европейских энергетических рынках (Joe Biden's Victory..., 2021).

Проблема «общих ценностей» способна наложить негативный отпечаток на отношения, по крайней мере, с некоторыми союзниками США в Восточной Европе, в частности, Польшей и Венгрией, которые подвергаются в этом плане критике со стороны ЕС и вообще либеральных кругов на Западе. Основанием для такого утверждения могут стать и некоторые заявления самого Байдена во время избирательной кампании 2020 г. Выступая в Национальном конституционном центре в Филадельфии в середине октября, он подверг резкой критике внешнюю политику Д. Трампа и среди прочего поставил ему в вину «то, что происходит повсюду – от Белоруссии до Польши и Венгрии, равно как и подъём тоталитарных режимов в мире»⁴. Подобные заявления кандидата от Демократической партии во многом были спровоцированы тем, что Варшава и Будапешт открыто поддержали Д. Трампа во время предвыборной кампании в США. В частности, это сделал премьер-министр Венгрии В. Орбан в своей статье в газете Magyar Nemzet в сентябре 2020 г., подвергнув при этом критике «моральный империализм» американских демократических администраций⁵.

¹ Read Donald Trump's Remarks at the Three Seas Initiative Summit in Poland (2017), *Time*, July 6. Available at: <http://time.com/4846780/read-donald-trump-speech-warsaw-poland-transcript/> (accessed: 10.08.2021).

² National Security Strategy of the United States of America (2017), *The White House*, Washington, DC, December, pp. 25–32.

³ Trump and friends: Where European countries come down on Huawei. *Politico* (2020), May 26.

⁴ Read the full transcript of Joe Biden's ABC News town hall. The former vice president answered voters' questions Thursday in Philadelphia (2020), *ABC News*, October 16. Available at: <https://abcnews.go.com/Politics/read-full-transcript-joe-bidens-abc-news-town/story?id=73643517> (accessed: 9.09.2021).

⁵ PM Orbán in Magyar Nemzet: Together we will succeed again (2020), *About Hungary*, Sept. 21. Available at: https://abouthungary.hu/speeches-and-remarks/pm-orban-in-magyar-nemzet-together-we-will-succeed-again?fbclid=IwAR3No9U2sHMYob2zNUtGdywveOYG_Y9SlglVlhVUoG0X5eMcpGkgGUESK34 (accessed: 30.08.2021).

Как показали первые месяцы президентства Дж. Байдена, его администрация и после вступления в должность не намерена жертвовать «ценностным» подходом к членам НАТО в Восточной Европе. Так, в ходе своего европейского турне в марте 2021 г. государственный секретарь Э. Блинкен заметил, что некоторые союзники США «движутся в неправильном направлении» и что все союзники по НАТО «должны выступать со всей откровенностью, когда какие-либо страны предпринимают шаги, подрывающие демократию и права человека»¹.

Правда, высказываемые рядом экспертов из стран ЦВЕ (особенно Польши) суждения о падении при Дж. Байдене интереса Вашингтона к своим наиболее проамерикански настроенным союзникам на востоке Европы (в частности, мнение польского исследователя С. Сераковского о «мягком пренебрежении»² США при Байдене к новым союзникам на восточном фланге НАТО, а также Украине) представляются преувеличенными (Sierakowski, 2021). Неоправданным оказалось и беспокойство в Восточной Европе и среди «ястребов» в США в связи с тем, что встреча Дж. Байдена и президента РФ В.В. Путина в Женеве в июне 2021 г. приведет к смягчению подхода Вашингтона к Москве. Все предпринятые до сих пор меры в военной сфере в ответ на действия России продолжают осуществляться и при Дж. Байдене. Этому способствовало, в частности, обострение напряжённости вокруг Украины в апреле 2021 г. в связи с проведением Россией военных учений.

Дипломатическая активность США в отношениях с восточноевропейскими союзниками в первые месяцы президентства Дж. Байдена была продолжена, несмотря на трудности, вызванные пандемией COVID-19. Так, во время своего упомянутого выше европейского турне государственный секретарь Э. Блинкен провёл в Брюсселе встречу с министрами иностранных дел государств «Вишеградской четвёрки» (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия). Блинкен на этой встрече отметил важность адаптации НАТО в рамках инициативы «НАТО-2030» с целью совершенствования реагирования на новые угрозы и вызовы, включая те, которые исходят от «растущей агрессивности России и Китая»³. В начале мая 2021 г. президент Дж. Байден в режиме видеоконференции принял участие в виртуальном саммите «Бухарестской девятки» – объединения государств – бывших членов ОВД и стран Балтии, учреждённого в 2014 г. Президент Румынии К. Йоханнис в ходе этого форума призвал к увеличению военного присутствия НАТО (в том числе США) на восточном фланге альянса ввиду «вызывающего озабоченность наращивания военной мощи России ... на Чёрном море и вокруг Украины»⁴.

Как показывает заключительное коммюнике саммита НАТО, состоявшегося в июне 2021 г. в Брюсселе, задача противодействия «агрессивным действиям России» в деятельности администрации Дж. Байдена проводится в жизнь не менее настойчиво, чем это было при предыдущих администрациях. Это касается и темы «гибридных» угроз, настойчиво эксплуатируемых именно восточноевропейскими политическими элитами (для защиты от этих угроз, трактуемых весьма произвольно, НАТО намерено задействовать статью 5 Вашингтонского договора)⁵. Именно члены НАТО в регионе ЦВЕ ещё до украинского кризиса проявляли наибольшую активность в дискуссиях по «гибридным войнам», стремясь играть на своей уязвимости перед российским информационным и политическим влиянием или «коррупционным воздействием», которое Россия и её крупный бизнес (в первую очередь энергетический) якобы используют для подкупа местных политических элит.

Наряду с «российской угрозой», реагирование на «китайский вызов», как и при администрации Д. Трампа, приобретает всё более важное значение для Дж. Байдена, в том числе в Восточной Европе. США продемонстрировали, что у них есть ресурсы для задействования наиболее лояльных к себе государств ЦВЕ с целью сдерживания китайской экспансии. Так, выход в мае 2021 г. Литвы из диалогового формата «17+1», который был создан в рамках китайской инициативы «Один пояс – один путь» с целью расширения и диверсификации торговли и инвестиционного сотрудничества КНР со странами Центральной, Юго-Восточной Европы и прибалтийских стран и позволял КНР возмож-

¹ Erlanger S. Blinken's Welcome by NATO Doesn't Hide Differences on Key Issues (2021), *The New York Times*, 24.03. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/03/24/world/europe/Blinken-Biden-NATO-Europe.html?referringSource=articleShare> (accessed: 13.09.2021).

² Термин «мягкое пренебрежение» (benign neglect) был введён в оборот известным американским политиком и советником президента Р. Никсона Д.П. Мойнихэнном.

³ Secretary Blinken Meets with the Visegrad Group Foreign Ministers (2021), *U.S. Embassy and Consulate in Poland*, March 23. Available at: https://pl.usembassy.gov/meeting_v4/ (accessed: 31.08.2021).

⁴ Romanian president says more NATO presence needed in Eastern Europe (2021), *Reuters*, 10.05. Available at: <https://www.reuters.com/world/europe/biden-join-eastern-european-nato-states-summit-focus-seen-ukraine-2021-05-10/> (accessed: 30.07.2021).

⁵ Brussels Summit Communiqué. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels (2021), 14 June. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm (accessed: 25.08.2021).

ность налаживать сотрудничество с ЦВЕ в обход Европейского союза, стал одним из показателей того, что возможности Пекина проводить свою экспансию в Евразии сталкиваются с определёнными ограничителями. Именно необходимостью диалога в рамках «объединяющего» формата «27+1» (т.е. ЕС плюс Китай), а не «разделяющего» формата «16+1» (каковым он стал после выхода Вильнюса) Литва мотивирует свои действия¹, хотя за её демаршем, очевидно, стоит именно гипертрофированная ориентация на США.

Необходимость дать ответ на экспансию Китая, возможно, становится одним из тех факторов, которые стимулируют новую администрацию США к тому, чтобы, по крайней мере, негласно воздержаться от новых конфронтационных шагов в отношении России на восточном фланге НАТО. Тот факт, что в решениях брюссельского саммита НАТО не содержится планов увеличения ротационного военного присутствия альянса в Польше, Латвии, Литве и Эстонии, что его участники отказались обсуждать план предоставления Украине Плана действий по подготовке к членству (ПДЧ) в НАТО, а только призвали её, а также Грузию, использовать инструменты, имеющиеся у них в рамках соответствующих совместных комиссий с НАТО, был истолкован некоторыми сторонниками «сдерживания» России как ослабление американского интереса к странам региона при новом главе Белого дома².

Правда, президент США в ходе этого саммита всё же провёл отдельную встречу с президентом Польши А. Дудой, а также встречу с главами делегаций прибалтийских государств – премьер-министром Эстонии К. Каллас, президентом Латвии Э. Левитсом и президентом Литвы Г. Науседой. Но эти мероприятия скорее свидетельствуют о том, что Вашингтон при администрации демократов намерен сосредоточиться в Восточной Европе на выполнении уже утверждённых ранее задач, связанных со «сдерживанием» главных геостратегических соперников США, а не раздувать значимость данного региона как противовеса Западной Европе или как арены для тех или иных амбициозных проектов (прежде всего, энергетических), которые пыталась реализовывать администрация Д. Трампа. Тем более не склонен Дж. Байден поощрять самостоятельные амбиции отдельных государств ЦВЕ (особенно Польши) в военной области, возвращаться к идее строительства там новых военных баз на постоянной основе, ведь он делает ставку на укрепление евроатлантического, а не двустороннего сотрудничества (Павлова, 2021).

В контексте энергетической геополитики и энергетической безопасности одним из ключевых является вопрос, как администрация демократов намерена действовать в отношении упомянутой выше «Инициативы трёх морей». Между тем энергетическая сфера – один из тех аспектов, где демократы собираются достаточно серьёзно пересмотреть наследие Д. Трампа, сделав акцент на декарбонизации ТЭК и поощрении «зелёной энергетики». Однако, если в отношениях с Евросоюзом в целом, и с ведущими западноевропейскими странами, в частности, постулаты «зелёной энергетики» в какой-то степени могут способствовать консолидации Вашингтона и его европейских союзников, то для региона ЦВЕ и прилегающих к нему государств постсоветского пространства, стремящихся снизить энергетическую зависимость от России (в том числе, с опорой на энергетические поставки из США), приоритеты ещё долгое время будут выглядеть иначе: не «зелёная энергетика», а перераспределение потоков углеводородного сырья таким образом, чтобы лишить Россию возможности использовать поставки нефти и газа как политический рычаг. В этом смысле для восточноевропейских стран, особенно таких как Польша и прибалтийские государства, наиболее выгодной была политика администрации Д. Трампа, которая сделала ставку на экспорт американского сжиженного природного газа в Европу. Именно расчёты на американский «энергетический щит», заключение в 2018–2019 гг. серии контрактов с американскими энергетическими компаниями на поставки СПГ (одновременно с поставками норвежского газа по строящемуся газопроводу Baltic Pipe) позволили Польше отказаться от продления контракта с «Газпромом» на поставку российского природного газа после 2022 г.

Сторонники нейтрализации российского и китайского влияния в регионе ЦВЕ настаивают на том, чтобы администрация Дж. Байдена продолжала поддержку «Триморья». В ноябре 2020 г., по предложению члена Палаты представителей от Демократической партии М. Каптур, нижняя палата Конгресса единогласно приняла резолюцию о «поддержке «Инициативы трёх морей» в рамках усилий по укреплению энергетической независимости и связанности инфраструктурных сетей, и укреп-

¹ Lithuania pulls out of China's '17+1' bloc in Eastern Europe (2021), *Politico*, May 21. Available at: <https://www.politico.eu/article/lithuania-pulls-out-china-17-1-bloc-eastern-central-europe-foreign-minister-gabrielius-landsbergis/> (accessed: 30.07.2021).

² Socor, V. NATO Summit: Strong on Russia to Eastern Allies and Partners. Euromaidan Press. News and Views from Ukraine (2021), 18.06. Available at: <http://euromaidanpress.com/2021/06/18/nato-summit-strong-on-russia-but-a-net-disappointment-to-eastern-allies-and-partners/> (accessed: 10.08.2021).

лению таким образом национальной безопасности Соединённых Штатов и Европы»¹. Рекомендую Дж. Байдену действовать в этом русле, профессор Школы права и демократии Университета Тафта К. Миллер выразил опасение, что намерение президента США улучшить отношения с традиционными европейскими союзниками, и прежде всего, с Германией (в частности, отказ в мае 2021 г. от санкций в отношении руководителя компании Nord Stream 2 М. Варнига) способно усилить недоверие к намерениям Вашингтона со стороны стран Центральной Европы (Miller, 2021). В начале июля 2021 г. в Софии состоялся 6-й саммит «Инициативы трёх морей». Президент США Дж. Байден и государственный секретарь Э. Блинкен выступили с видеообращениями к его участникам. Однако декларативная американская поддержка этого форума, по мнению некоторых критиков нынешней администрации в США, подкреплена недостаточно. Так, экс-посол США в НАТО и бывший спецпредставитель США по Украине К. Волкер считает, что США следует не только участвовать в предоставлении займов странам-участникам «Триморья», но и вносить свой инвестиционный вклад и координировать процесс помощи этому форуму с Германией и другими странами ЕС. Кроме того, по мнению Волкера, США должны содействовать тому, чтобы инициатива «Триморья» координировалась со странами, не входящими в Евросоюз – Украиной, Молдавией, Северной Македонией, Албанией, Черногорией и Грузией².

Вместе с тем с учётом основных акцентов администрации Дж. Байдена на европейском направлении, её реальные шаги с самого начала оставляли сомнения в том, что команда демократов полностью сохранит наследие администрации Трампа в отношении не только «Инициативы трёх морей», но и в целом регионального сотрудничества в Восточной Европе. Прежде всего, это относится к стремлению предыдущего президента США использовать ключевые, с точки зрения стратегии Трампа страны, такие как Польша, в качестве противовеса Германии. Как отмечается в одном из российских исследований, в отличие от «Веймарского треугольника», где Польше отводится роль «младшей сестры» Франции и Германии, проект «Триморья» «является продолжением давней мечты Польши о лидерстве и об особой роли на европейском континенте» и обеспечивает ей поддержку со стороны США, усмотревших в ней «доверенного зрителя своих интересов на Европейском континенте после ослабленных брекзитом позиций Великобритании» (Шишелина, 2018).

В тех странах ЦВЕ, которые рассчитывают стать распределительными хабами для топлива из альтернативных источников, обозначившиеся перемены в политике США при Дж. Байдене (особенно частичное сворачивание санкций против «Северного потока-2») рассматриваются как сдача их интересов. Не прибавили этим странам оптимизма и некоторые итоги «прощального» визита канцлера ФРГ А. Меркель в США в середине июля 2021 г.; ведь опубликованное спустя неделю после этого визита «Совместное заявление США и Германии о поддержке Украины, энергетической безопасности Европы и наших целей в области климатической политики» фактически отводит Берлину роль одного из основных политических и финансовых спонсоров инициативы «Триморья»³, хотя само участие Германии в подобном качестве в данной инициативе противоречит геополитическим и геоэкономическим амбициям некоторых её ключевых участников, прежде всего, Польши.

Заключение

Восточноевропейский регион в обозримом будущем останется одним из главных факторов конфликтного потенциала между Россией и США. Представляется очевидным, что при администрации Дж. Байдена все основные элементы политического наследия её предшественников, которые были связаны со «сдерживанием» России, останутся в силе, во всяком случае до тех пор, пока Вашингтон и его союзники будут считать Россию «ревизионистской державой».

Вместе с тем даже наличие долговременных целей и приоритетов в указанном регионе не исключает гибкости подходов США к конкретным задачам. Это проявилось и в рамках полномочий одной администрации (при Б. Обаме), когда Вашингтону после событий, связанных с государственным переворотом на Украине и решительными мерами, предпринятыми Россией по защите своей

¹ H.Res.672 - Expressing support of the Three Seas Initiative in its efforts to increase energy independence and infrastructure connectivity thereby strengthening the United States and European national security. 116th Congress (2019-2020). November 18, 2020. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-resolution/672/text> (accessed: 8.08.2021).

² Three Seas Initiative Merits Full U.S. Support (2021), *CEPA*, July 12. Available at: <https://cepa.org/three-seas-initiative-merits-full-u-s-support/> (accessed: 8.08.2021).

³ Joint Statement of the United States and Germany on Support for Ukraine, European Energy Security, and Our Climate Goals. U.S. Department of State (2021), July 21. Available at: <https://www.state.gov/joint-statement-of-the-united-states-and-germany-on-support-for-ukraine-european-energy-security-and-our-climate-goals/> (accessed: 23.08.2021).

безопасности, пришлось существенно усилить свой военно-политический интерес к Восточной Европе. Это и стремление администрации Дж. Байдена выстроить свой внутри- и внешнеполитический курс на контрасте с линией Д. Трампа, что неизбежно диктует ей если не изменения в стратегических приоритетах в регионе, составляющем восточный фланг НАТО, то заметный пересмотр приоритетности тех или иных задач. Прежде всего, это отход от ставки на Восточную Европу как на инструмент поощрения центробежных тенденций в Евросоюзе, акцент на проблемах демократического имиджа новых союзников США по НАТО, меньшая заинтересованность в конфронтации с Россией вокруг проблематики энергетической безопасности Европы.

Долгосрочные последствия для лидерства США в Европе, в том числе и в восточноевропейских странах, может иметь и крах миссии США и НАТО в Афганистане после захвата Кабула вооружёнными формированиями движения «Талибан» в середине августа 2021 г. Это неизбежно ставит вопрос о дееспособности НАТО не только в операциях за пределами его зоны ответственности, но и в главных его миссиях, в первую очередь, в противодействии «российской опасности». Правда, на ближайшую перспективу, как представляется, для наиболее верных союзников США на восточном фланге НАТО даже поражение альянса в Афганистане не станет поводом для ослабления их привязки к американской геостратегии. Характер угроз их безопасности, в том виде, как они их формулируют, не оставляет им никакой альтернативы, кроме «атлантического выбора». Однако, даже в странах Восточной Европы общая эрозия американского лидерства, ускорившаяся после провала в Афганистане, способна подорвать доверие к способности НАТО и других американоцентристских инструментов обеспечить их интересы и, наоборот, усилить популярность идей «европейской автономии» в сфере обороны.

Список литературы / References

- Орлик, И. И. (2020) 'Центрально-Восточная Европа: завершение постсоциалистической трансформации', *Мир перемен*, 2, сс. 66–80. [Orlik, I. I. (2020) 'Central and Eastern Europe: End of Post-Socialist Transformation' [Central'no-Vostochnaya Evropa: Zavershenie Postsocialisticheskoy Transformacii], *The World of Transformations*, 2, pp. 66–80. (In Russ.)].
- Павлова, М. С. (2021) 'Польско-американские отношения в 2020 г.: военно-политический аспект', *Россия и Америка в XXI веке. Электронный журнал*, 2. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760015883-8-1/> [Pavlova, M. S. (2021) 'U.S. – Polish Relations in 2020: Security Aspect' [Pol'sko-amerikanskije otnosheniya v 2020 g.: voenno-politicheskij aspekt], *Russia and America in the 21st Century*, 2. (In Russ.)]. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760015883-8-1/>. DOI: 10.18254/S207054760015883-8.
- Тихонова, С. В. (2018) 'Развитие германо-польского противостояния в контексте общеевропейских энергетических процессов', *Проблемы национальной стратегии*, 3, сс. 89–105. [Tikhonova, S. V. (2018) 'The Evolution of Germany-Poland Adversary in the Context of Pan-European Energy Matters' [Razvitie germano-pol'skogo protivostoyaniya v kontekste obshcheevropejskikh energeticheskikh processov], *National Strategy Issues*, 3, pp. 89–105. (In Russ.)].
- Шिशелина, Л. Н. (2018) 'Идея Триморья: от возникновения до сегодняшнего дня'. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, 5, сс. 33–38. [Shishelina, L. N. (2018) 'The Three Seas Initiative – from the Origins till the Present Day' [Ideya Trimor'ya: ot Vozniknoveniya do Segodnyashnego Dnya], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 5, pp. 33–38. (In Russ.)]. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran520183338>.
- Allen, A. (2021) 'The ongoing German-Polish NATO nuclear sharing nexus'. *New Eastern Europe*, July 1 [online]. Available at: <https://neweasterneurope.eu/2021/07/01/the-ongoing-german-polish-nato-nuclear-sharing-nexus/> (accessed: 18.08.2021).
- Bugajski, J. (2020) 'How Biden Can Help Revive Eastern Europe'. *The Hill*, 19 [online]. Available at: <https://thehill.com/opinion/national-security/526420-how-biden-can-help-revive-eastern-europe> (accessed: 22.08.2021).
- Cianetti, L., Dawson, J., Hanley, S. (2018) 'Rethinking “democratic backsliding” in Central and Eastern Europe – looking beyond Hungary and Poland'. *East European Politics*, 34 (3), pp. 243–256. DOI: 10.1080/21599165.2018.1491401.

- Completing Europe. From the North-South Corridor to Energy, Transportation, and Telecommunications Union. (2014) *Atlantic Council*, Washington DC, 84 pp.
- Eristavi, M. (2020) 'To Heal the Transatlantic Rift, Biden Should Look to Central and Eastern Europe. The United States Needs a Foreign Policy That Projects Ideals, Not Power'. *Foreign Affairs*, 16 [online]. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/central-europe/2020-11-16/heal-transatlantic-rift-biden-should-look-central-and-eastern> (accessed: 26.08.2021).
- Jensen, J. (2021) '«Trans» without «Formation» — Reloaded. The Social Models of the Eastern and Central European Countries' in: Shihelina L.N. (eds.) *Central Europe: Thirty Years of Reforms. Problems, Challenges, Prospects* [Central'naya Evropa: tridcat' let po puti reform], pp. 101–119. Institut Evropy RAN. Moscow, Russia.
- 'Joe Biden's Victory and US Relations with Central and Eastern European Countries' (2021) *Warsaw Institute*, Feb. 8 [online]. Available at: <https://warsawinstitute.org/joe-bidens-victory-us-relations-central-eastern-european-countries/> (accessed: 26.08.2021).
- McFaul, M. (2021) 'How to Contain Putin's Russia. A Strategy for Countering a Rising Revisionist Power'. *Foreign Affairs*, Jan. 19 [online]. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2021-01-19/how-contain-putins-russia> (accessed: 25.08.2021).
- Miller, Ch. (2021) 'Biden Can't Take Peace in Europe for Granted'. *Foreign Policy*, May 27, 2021 [online]. Available at: <https://foreign-policy.com/2021/05/27/biden-cant-take-peace-in-europe-for-granted/> (accessed: 21.08.2021).
- Sierakowski, S. (2021) 'Biden's Strategy of Benign Neglect in Eastern Europe'. *The Strategist*, April 14 [online]. Available at: <https://www.aspistrategist.org.au/bidens-strategy-of-benign-neglect-in-eastern-europe/> (accessed 22.08.2021).

Статья поступила в редакцию: 04.10.2021

Статья принята к печати: 15.01.2022

U.S. VARYING APPROACHES TOWARDS EASTERN EUROPE AFTER THE OUTBREAK OF THE UKRAINE CRISIS

P. Ye. Smirnov

P. Ye. Smirnov, senior research fellow,
Institute for the US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.
E-mail: smi-pavel@yandex.ru (ORCID: 0000-0003-4757-8099).

Abstract

The region of Central and Eastern Europe has become a significant conflict factor between the Russian Federation and the Euro-Atlantic community. A qualitatively new stage in this confrontation started after the outbreak of the Ukraine crisis in 2014. Although building up a security counterbalance to Russia in CEE, as well as drawing the adjoining post-Soviet states into the Western orbit, enjoys bipartisan support in the United States, each of the American administrations has its own priorities and accents in this point. The article analyzes what was characteristic of the U.S. policies in relation to Eastern Europe in the final years of the Barack Obama presidency, in the period of the Donald Trump administration, and in the initial months of Joe Biden's presidency. Solidarity within the American political class in its perception of the Russian challenge to Europe, by no means, excludes differences in approaches between various interest groups within the United States. Particularly noticeable is the contrast between the Trump and the Biden administrations. The Democratic administration attaches greater importance to common liberal values. The article pays special attention to the U.S. relations with multilateral forums in this region (NATO, the Visegrad Group, the Bucharest Nine, the Three Seas Initiative).

Keywords: United States; Central and Eastern Europe; NATO; Russia; China; allies; defense; values; regional forums; sanctions; energy security.

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-1-94-105

FROM PAN-TURKISM TO XINJIANG SEPARATISM: AN ANALYSIS OF TURKIC FACTOR

Zhang Yuyan

Zhang Yuyan, PhD, Lecturer, Lanzhou University,

Institute for Central Asian Studies, School of Politics and International Relations, Lanzhou 730000, Gansu, P.R. China.

E-mail: zhangyuyan@lzu.edu.cn (ORCID: 0000-0003-0923-0737).

Abstract

The conflict caused by cultural differences is one of the reasons for the emergence and development of Pan-Turkism and Xinjiang separatism, and there is a clear connection between them. This article aims to answer two questions: what is the common ground for the association between Pan-Turkism and Xinjiang separatism and for the cultural differences that drive the emergence and development of the two? The research shows the "Turkic factor" to be a common foundation. The author argues that the Turkic factor is the socio-cultural basis that promotes the emergence and development of both Pan-Turkism and Xinjiang separatism. First, the Turkic factor is the premise and condition for the emergence, spread and three transformations in the Ottoman Empire and Turkey of Pan-Turkism. Second, the Turkic factor is the cultural basis of Xinjiang separatism, and it is constantly politicized and instrumentalized by Xinjiang separatism. Third, the Uyghurization of Turkic factor and Pan-Turkism is no doubt an inevitable consequence of the development of separatism, however, they are clearly different in the process, causes, methods, and results of Uyghurization. Finally, after being shaped by Xinjiang separatist forces, the content of the Turkic factor has been divided into two parts in Xinjiang.

Keywords: Pan-Turkism; Xinjiang separatism; Turkic factor; Uyghurization.

Research on Pan-Turkism began in the 1920s. At that time, it was mainly based on the official ideology of the Soviet academic community who criticized it as one kind of bourgeois nationalism. The representative work was published in 1931, "Introduction to Russian Pan-Islamism and Pan-Turkism." Such an approach continued until the mid-1980s and profoundly affected the Chinese academic community. After the disintegration of the Soviet Union, the Russian academia has mainly studied Pan-Turkism and its new manifestations from the perspective of national security and unity, such as the main elements of Pan-Turkism and its evolution, the threat of Pan-Turkism to Russia, the "new Pan-Turkism", the integration of Turkic-speaking countries, and the Cooperation Council of Turkic Speaking States - Turkic Council (Мухамметдинов, 1996; Гилязов, 2002; Червонная, Гилязов, Горошков, 2003; Бурашникова, 2013; Вартапьян, 2015), etc. Armenia is an ally of Russia in dealing with Pan-Turkism. Armenians were the direct victims of the Ottoman Empire's implementation of Pan-Turkism and they have taken a negative stance on Pan-Turkism and any relevant phenomena, as represented by the book "Pan-Turkism from Ankara to Baku", published in 1928 and reprinted in 1991 and 2013 (Шаран, 2013).

The Chinese government and academia have always been critical of Pan-Turkism, due to the threat of separatism in Xinjiang. In the early days of reform and opening up, the Chinese government conducted a systematic study of the "double panism" (it refers to the Pan-Islamism and Pan-Turkism) and got many results (Ян Фарэн, 1997; Чэнь Чао, 2000). In recent years, many Chinese scholars have achieved new results in the study of Pan-Turkism, notably its influence on separatism in Xinjiang (Ни Пэйцян, 2002; Пан Жипин, 2004; Мин Цзин, 2006; Цзань Тао, 2011; Тянь Вэйцзян, 2018). On the whole, policy orientation has an obvious effect on the study of Pan-Turkism in Russia, Armenia and Chinese academia. Most Chinese scholars emphasize the role of "double panism", and extend its original concept to the whole process of the emergence and development of Xinjiang separatism when they study the emergence and development of Xinjiang separatism (Ян Фарэн, 2000; Ли Шэн, 2003). In recent years, several scholars have attempted to break away from this line of thought (Ни Пэйцян, 2002; Ци Шуньли, 2011). However, they don't

systematically study the impact of Pan-Turkism on separatism in Xinjiang in various ways in different historical periods.

Turkey, Azerbaijan and Kazakhstan are on the other side of the study of Pan-Turkism and related issues. After the collapse of the Soviet Union, the Turkish government tried to avoid using terms with pan-Turkic connotations but instead used the terms "Turkic world", "Turkic-Islamic Unity", "Turkic Integration", etc. The academic circles of Kazakhstan mainly study Pan-Turkism with its related contents from two directions: one is the role of Pan-Turkism in the formation of Kazakh national state identity, including the emergence and development of Pan-Turkism, the Jadid movement, activities of the Tartar diaspora; and the other is to study the integration of Turkic-speaking countries and the evolution of Kazakhstan's foreign policy (Хостлер, 2006; Казиев, 2015; Альжанова, 2015). In the academic circles of Azerbaijan, the study of Pan-Turkism has become more active (Нуриева, 2014; Бабаян, 2011; Силантьев, 2015).

In recent years, some European and American scholars had increasingly emphasized the role of cultural differences in studying the stability of Xinjiang (Smith, 2002; Arienne, 2005; Millward, 2004). These studies lay the foundation for the author's concept of the "Turkic factor". On the whole, studies have been relatively generalized on the diffusion process and development of Pan-Turkism in different countries and regions, without paying attention to its changes in localized development, and with insufficient attention to its interaction with local thought after its introduction into Turkey and Xinjiang, China, especially the lack of research on its evolution in relation to separatism in Xinjiang.

What's Turkic factor?

The author believes that among the Russian Tatars, Ottoman-Turks and Xinjiang inhabitants, there was a social and cultural basis with a high degree of similarity, which was earlier than Pan-Turkism. The most obvious manifestation was the Turk-Muslim national cultural identity. So, what is the foundation of social and cultural? In the author's opinion, it is the "Turkic factor".

Firstly, the Turkic factor is not equal to Pan-Turkism. Pan-Turkism is a cultural-political goal and a strategy and tactics to achieve this goal by a few Turkic elites, whereas the Turkic factor refers to the common features of Turkic-speaking nations. After politicization, Pan-Turkism has a clear political purpose, whereas the Turkic factor does not, so it is easy to be used by various forces. However, they are linked in a variety of ways, such as content composition and development processes.

Secondly, the Turkic factor is essentially a socio-cultural foundation that includes common features shared by Turkic-speaking nations in terms of language, religion, history, psychology, territory, etc. However, certain elites have added false elements to it for political purposes, such as an elongated history, an enlarged space, an increased population, an exaggerated influence and honor, etc. Thus, the Turkic factor consists of two parts, one that is historically formed and objective, a neutral concept, and the other that is false, enlarged and artificially created. Complex content makes Turkic factor have great plasticity.

Thirdly, the Turkic factor takes Turkey as the core in a considerable sense, especially in the eyes of Uyghurs, because Turkey is the most populous and influential country in the Turkic language world, and its understanding and evaluation of all aspects of the Turkic language have an impact on the consciousness of other Turkic people. In particular, the extroversion of the centripetal force of Uyghur culture makes it easier for Uyghurs to enhance themselves by attaching external forces - the influence of Turkey. This is also an important reason why Turkic factor constitutes an important part of Xinjiang foreign relations.

Fourthly, the emergence of Turkic factor in Xinjiang is the result of Turkization and Islamization, but Pan-Turkism has played a strong catalytic role in the process of the development of Xinjiang Turkic identity from recessive to dominant. At the same time, Xinjiang separatism based on Turkic factor has also absorbed the nutrition of Pan-Turkism and Pan-Islamism. However, it must be made clear that "double panism" is the external factor for the emergence and development of separatism in Xinjiang, and the Turkic factor is the cultural basis of separatism in Xinjiang.

Fifth, Turkic factor has been instrumentalized many times in history. On the issue of Xinjiang, the Turkic factor has been exploited by at least three forces. During the period of the Republic of China, the Soviet Union intervened in Xinjiang affairs by means of Turkic factor; after the Cold War, Turkey sought its leadership in the Turkic-speaking world through Turkic factor; the separatist forces in Xinjiang used Turkic factor to propagate Turkic residents (Uyghurs are the main component) in their territory, which was different from the Han people in history, culture and religion, thus undermining their recognition of China and seeking the support abroad and help of the Turkic language world and damage the image of China.

Finally, the Turkic factor is the most important foundation of Uyghur society and culture. But in Xinjiang separatism, the Turkic factor is more used by the Uyghur minority elite (mainly a minority of intellectuals). When they make use of Turkic factor, they often exaggerate some contents of Turkic factor, or even add some spurious ingredients, in order to enhance the confidence and superiority of the recipients and make them think that the split is reasonable and feasible psychologically.

To sum up, when discussing the Turkic countries and regions in the hinterland of Eurasia, it is proper to use the Turkic factor broadly defined, referring to the common features of the Turkic-speaking nations in terms of language, religion, history, psychology and territory; when talking about Xinjiang, it is fit to use the Turkic factor narrowly defined, specifically referring to the outward-looking ethnic cultural identity of Xinjiang Turkic residents, formed on the basis of Turkicization and Islamization, with the common features of the Turkic-speaking nations as the main content, as well as some elements that are constantly exaggerated, distorted and appended by a few elite Uyghur figures.

Turkic factor as the premise and foundation for the emergence, spread and three transformations of Pan-Turkism

For a long time, the term "Turkic" was fading into oblivion until the 19th century when European scholars coincidentally uncovered the remains of ancient Turkic-speaking nations. With the rise of Turkology, the Turkic-speaking nations were reconnected and their historical memory was reawakened. These rediscovered Turkic elements were the cultural basis of the later Pan-Turkism, which emerged among the Russian Tatars and flourished in the Ottoman Empire and the Turkish Republic.

In the mid-19th century, when Turkology emerged in Europe and Tanzimat Reform in the Ottoman Empire, the Russian Turkic-speaking nations faced the pressure of assimilation from the Pan-Slavic culture, which prompted the awakening of Russian Turkic Muslims. In this process, Ismail Gasprins, a Tatar, brewed Pan-Turkism in the late 19th century. At this time, Pan-Turkism was still at the stage of cultural revival and could be called 'cultural Pan-Turkism'. Its activities were focused on the cultural spheres of language, publishing and education, and it sought to unite the Turkic-speaking nations of Russia and to achieve a cultural revival of the Turkic-speaking nations through Jadid education, which was essentially a vision of the cultural survival and development of the Turkic-speaking nations of Russia without political aims (Чжан Юйянь и др. 2018). On the basis of the Turkic factor, Pan-Turkism began to spread to neighboring countries and regions.

Pan-Turkism has undergone three important transformations in Anatolia Peninsula in more than one hundred years since it was introduced into the Ottoman Empire. Pan-Turkism was introduced at a time when the Ottoman Empire was in decline. In an attempt to rid itself of internal and external difficulties, Ottomanism, Pan-Islamism and Pan-Turkism had become the straw that saved the Ottoman sultan's life, which meant that Pan-Turkism could not remain only at the cultural level. Pan-Turkism was favored by the ruling class of the Ottoman Empire by the efforts of Yusuf Akçura, Ziya Gökalp, etc. During the reign of Young Turks, "Young Turks" vigorously promoted Pan-Turkism during their reign, which opened the way for the transformation of Pan-Turkism.

The first transformation of Pan-Turkism took place within the Ottoman Empire, not only transferring the political leadership and geographical center from the Tatar-dominated Turkic-speaking nations in Russian Empire to the Ottoman Turkish-centred Turkic-speaking world, but also beginning a phase of development of "political Pan-Turkism". For a long time in the 20th century, Pan-Turkic activity in Turkey was focused on the political sphere, unlike in Russia. The Turks combined Pan-Turkism with Grand Turanism, not only to integrate Ottoman society and achieve survival, but also to pursue the unity of the Turkic nations and establish a geopolitical leadership under the Ottoman Empire. In addition, during the First World War, Pan-Turkism and Pan-Islamism combine to achieve a militarization (of Jihad) and an extramalization, and has the ideological content of anti-Russian.

The second transformation of Pan-Turkism took place during World War II and the Cold War afterwards, mainly within the Turkish political sphere. During World War II, Turkish Pan-Turkists colluded with German fascists in an attempt to create an alliance between the Turkish-dominated Turkic world and a German-dominated Europe, and it formed the roots of Pan-Turkist national extremism. The democratization of political life in Turkey after World War II created conditions for Pan-Turkism to enter the national political system. And, as the cold war began, Pan-Turkism in Turkey became an ideological tool of anti-Soviet and anti-communism in the Western camp (Ян Шы, 2014).

The third transformation of Pan-Turkism occurred in the 1990s. Following the disintegration of the Soviet Union, five new independent Turkic-speaking countries emerged in the central part of Eurasia. At the same time, with Russia's weakening and strategic contraction, a power vacuum emerged in the region, which Turkey was eager to fill with Pan-Turkism ties. After several attempts and failures, Turkey has had to retreat to the second-best option of pursuing its cultural influence in the region and return to "cultural Pan-Turkism", but this "return" is to a large extent the same in the field of activity (language, education, publishing, etc.) rather than a simple repetition of propaganda content. Turkey promotes the economic, cultural, political and military integration of the Turkic-speaking nations under its leadership and tries to avoid using the term Pan-Turkism, but instead uses hidden expressions such as "Eurasianism" and "Turkish-Islamic unified theory", in accordance with the geographical distribution and cultural characteristics of the Turkic factor.

Turkic factor has become the cultural basis and tool of Xinjiang separatism

Turkicization has injected Turkic factor into Uyghur culture, but for a long time Turkic factor has not been prominent in Uyghur culture, have been in a potential state, and have not been clearly reflected in the ideology of Uyghur people. After entering the 19th century, The Qing government's rule in Xinjiang was hit by internal peasant uprisings and external invasions by the Khan states, Britain and Russia. The authority of the central government was greatly weakened, and the weakening of the central authority in turn further stimulated the ambitions of the powers to intervene in the situation in Xinjiang. The weakening of the Qing government's ability to govern created the conditions for the rise of Uyghur elites. At the end of the 19th century, Pan-Turkism was introduced into Xinjiang. Turkic factor deep in Uyghur national memory was also awakened in this process and provided a suitable cultural environment for further penetration and spread of Pan-Turkism. The influence of entering Xinjiang is mainly reflected in: Stimulating and strengthening the national consciousness of the Uyghurs (Turkish-Muslim identity), strengthening the centrifugal force of the Uyghurs in culture, widening the culture gap between Uyghurs and Hans, and eventually becoming one of the main ideology in the early period of Xinjiang separatism. The reinforcement of cultural differences between Uyghurs and Hans led to the creation of separatism in Xinjiang, and the Turkic factor was an important basis for this difference. This shows that in the germination period of Xinjiang separatism, Turkism is in the dominant position, and Turkic factor is the cultural foundation.

After the Turkic factor was activated under the stimulation of Pan-Turkism, it began to become a cultural bond for Xinjiang separatism to seek sympathy and support from the Turkic world outside the country. Turkey also naturally became an important object for Xinjiang separatist forces to win support. During the "Islamic Republic of Eastern Turkestan" in 1933, the separatist forces actively sought international support from Turkey. The establishment of the "East Turkestan Republic" in 1944 was the result of the Soviet Union's efforts to form a pro-Soviet regime in Xinjiang in order to guarantee security and stability in Central Asia, which was also a Turkic-speaking region. At the same time, the existence of the Turkic factor in the border areas of China and the Soviet Union also provided the necessary cover and convenience for the Soviet Union to intervene in Xinjiang, plan to establish and support this separatist regime.

In the early days of the founding of the People's Republic of China, Xinjiang separatism was hit by the people's democratic dictatorship. At the same time, it was at a low tide due to the restrictions of the domestic and foreign environment at that time. However, since reform and opening up, Xinjiang separatism has entered a period of rapid development, and its thinking and behavior has been presented a trend of violence and terrorization, which seriously threatens the social stability and economic development of Xinjiang. With the development of the international anti-terrorism struggle and the strengthening of the Chinese government's crackdown, Xinjiang separatist forces have gradually divided into violent and non-violent types. However, the differences are mainly reflected in the ways of achieving "Xinjiang independence" rather than goals. The violent type is represented by the "East Turkistan Islamic Movement" and the non-violent type is represented by the "World Uyghur Congress". In contrast, the former prominent the Uyghur's Muslim nature more and it is more closely connected with the international Islamic extremist forces. The latter emphasizes the Turkic factor in Uyghur culture, and pays more attention to the development of "human rights", "democracy", "ethnic self-determination", "development rights of ethnic minority culture", and other flags to win the sympathy and support of the international community.

History has proved that compared with Pan-Turkism, Xinjiang separatist forces can politicize and instrumentalize for Turkic factor to achieve greater development. This is firstly because the Turkic factor is the foundation and bridge between Pan-Turkism and Xinjiang separatism. Secondly, because influence of Pan-Turkism in the international community is gradually diminishing, it is no longer a concept that attracts attention, and the Turkic factor will persist for a long time. Finally, in Xinjiang, Pan-Turkism was Uyghurized with the help of Turkic factor. Not only does it rely more on Xinjiang separatism, but it also loses its essence.

Uyghurization of Turkic factor and Pan-Turkism is an inevitable result of the development of separatism in Xinjiang

After the founding of New China in 1949, the separatist forces in Xinjiang either chose to abscond abroad or to stay dormant. Under the influence of the people's democratic dictatorship and communist ideology, Pan-Turkism was effectively cleaned up in Xinjiang. However, the reform and opening up provided a relaxed social environment for the reactivation of Xinjiang separatist forces. Due to the increase in external relations, Xinjiang separatist forces began to imitate Turkey's Pan-Turks, and changed the development mode of Pan-Turkism in Xinjiang, and began to use the Turkic factor to Uyghurize Pan-Turkism and make it subordinate to the development of Xinjiang separatism. This change is evident in the evolution of Xinjiang separatist cultural patterns.

Just as Xinjiang separatism develops in stages, there are also obvious characteristics of its cultural shaping in different stages. Taking the evolution of separatist cultural forms as an example, Xinjiang separatists use the Turkic factor to change their cultural forms from Pan-Turkism into a strengthened Uyghur cultural identity, and the Uyghurization of Turkic factor is both an objective need for Pan-Turkish and an important result of this process.

In the 1920s and 30s, under the influence of the Soviet Union and the leadership of the Sheng Shicai government, the "Uyghur" national title was formally established. At the same time, under the influence of Pan-Turkism, "Turkish people" "Turkish culture" "East Turkistan" "Tulan" began to prevail among the Uyghur national elites. These conditions had an important impact on the early cultural formation of Xinjiang separatism. Mohammed Amin's "History of East Turkestan" published in 1940 is a representative work of Xinjiang separatism during the Republic of China (Цянь Боцюань, 1999). From the standpoint of Pan-Turkism, Amin added a strong Pan-Turkish color to the cultural form of Xinjiang separatism. At the same time, the book tampered history with Xinjiang with a lot of false and forged content, strengthen the Turkic nature of Uyghur culture, and then find a historical basis for Uyghur people's national self-determination and independence.

In the early days of Reform and opening up, with the rise of the role of Turkic factor, there is more Turkic factor in Xinjiang separatist culture (Тургун Алмас, 1986;1988;1989). However, a considerable part of these contents are fake and non-scientific. In the three books, Turgun does not hesitate to use Turkic factor through distortions of history and associate the Uyghurs with the ancient nations such as the Huns, wantonly lengthen the history of the Uyghurs, expand the space for Uyghurs' activities, exaggerate the size of the Uyghur population, and promote the so-called "glorious" history of Uyghurs, developed civilization, and great military exploits. Illusive content was added to national pride, making up Uyghurs living in Xinjiang since ancient times, not recognizing the history of westward migration, and making the audience psychologically recognize the rationality and feasibility of Xinjiang separatist activities. Although the three books still draw lessons from the content of Turkism, there have been obvious changes. In the book, Turgun has replaced the construction of Turkic national identity with the construction of Uyghur national identity, and he still borrows some of the early clichés of Pan-Turkism. Taking advantage of the Turkic factor in Uyghur culture, Uyghur history is lengthened, and the distance between Uyghur and Han national culture is widened.

At present, the content and form of this part of the Turkic factor is increasing, impacting its true content. Moreover, the weakened international environment of Pan-Turkism has also promoted the Uyghurization of the Turkic factor, making it a cultural tool and component of Xinjiang. The biography of Rebiya Kadeer, former President of the world Uyghur association, "Dragon fighter", is a typical representative of the Uyghurization of Turkic factor (Kadeer, 2009). The separatist forces also hyped the history of the two "East Turkestan" regimes, shaping it into a national liberation movement initiated by the Turks, and deliberately concealing it as being manipulated and abandoned by the great powers. The fact that these two separatist regimes were built as a core element and spiritual symbol in the distorted history of

"Uyghurstan has never been a part of China". This shows that Xinjiang separatism relies on the Uyghurization of the Turkic factor to transform its culture and the form changed from Pan-Turkism to a strengthened Uyghur cultural identity.

Pan-Turkism and Turkic factor have caused the following effects in the Uyghurization of Xinjiang. Firstly, Pan-Turkism has lost the "pan" content in Xinjiang separatism, but these contents are historically Pan-Turkism in the cultural field and the essential characteristics of the political field, so it is no longer appropriate to continue to equate Xinjiang's Pan-Turkism with foreign Pan-Turkism or historical Pan-Turkism. Now, The Xinjiang separatist forces are no longer advocating a grand Turkic federation of Turkic-speaking nations, but the establishment of "Uyghurstan" or "Uyghur State", the name "East Turkestan" with Pan-Turkish nature has been reduced by separatist forces.

Secondly, the role of the Turkic factor in Xinjiang separatism has been significantly strengthened. At present, the propaganda of Xinjiang separatist forces on "Uyghurs", "Uyghurstan", "Uyghur Culture," and "Kashgar Culture" is increasingly replacing "Turkish People", "East Turkestan", "Turkish State", "Tulan", "Turkish Culture", etc. They have less interest in Pan-Turkism in Xinjiang, but the Turkic factor is still their passion, because they cannot win the sympathy and support of the Turkic world internationally without the cultural ties of Turkic factor, creating cultural isolation between Uyghurs and Hans, intensifying their ethnic conflicts, and seeking Xinjiang independence are also inseparable from the Turkic factor.

Finally, Uyghurization of Pan-Turkism and Turkic factor has provided a huge impetus to the development of Xinjiang separatism, making the separatist forces pay more attention to the instrumentalization and politicization of Uyghur culture in separatist acts, thereby enhancing the concealment and deceptiveness. In their efforts to bring Uyghurs closer to the psychological distance of Pan-Turkism and Turkic factor, the Xinjiang separatist forces also felt that abstract theoretical propaganda had limited effect and needed to use more vivid and concrete ways to win support, and it needs to be more visual and specific. In this way, they deliberately embody and visualize the main content carried by Pan-Turkism and Turkic factor to the Uyghurs, and start from the motivation to strengthen the culture differences between Uyghurs and Hans and create national barriers to process, reshape Uyghur culture and link cultural issues with political terms such as national equality, national self-determination, and national separation, so as to use "academic cloaks" to package their intentions of division and deceive the national feelings of the majority of residents.

Turkic factor in Xinjiang currently consists of two parts

In Xinjiang, the instrumentalization of Turkic factor by Pan-Turkists and Xinjiang separatist forces has changed the connotation and extension of the Turkic factor, which must be taken into account when defining the concept of Turkic factor and determining positions and attitudes towards them.

The study found that, as shown in Figure 1-(1), before the emergence of Pan-Turkism, the concept of Turkic factor was not clear or at least uncertain among the majority of Turkic-speaking nations in central Asia and Europe, and its outer edges were not clear. But it is certain that some characteristics of Turkic factor really exist not only in practice activities of Turkic-speaking nations but also in their subconsciousness. The emergence, development and spread of Pan-Turkism are all based on Turkic factor. At the same time, this process is also a process in which Pan-Turkist forces use a series of symbolic politics to shape the Turkic factor. Pan-Turkism is based on the Turkic factor, and in the process of its generation, the concept of Turkic factor is gradually strengthened, and the boundary between it and non-Turkish national culture is cleared. As the development of Pan-Turkism enters the political field, its relationship with Turkic factor begins to change. As shown in Figure 1-(3), on the one hand, due to the increase in the content of political demands, Pan-Turkism has been separated from the Turkic factor that takes Turkic ethnic culture as the carrier; on the other hand, the political requirements of Pan-Turkism are also infiltrated of Turkic factor in a certain process because the Turkic factor, while serving as the cultural basis of Pan-Turkism, began to be stuffed into the content created, exaggerated, imagined, and borrowed by pan-Turkish forces out of their own selfish desires. In recent years, the development of Pan-Turkism in the international community has contracted into the cultural field. This phenomenon not only illustrates the important role of Turkic factor in Pan-Turkism, but also indicates that the Turkic factor will continue to be further processed and shaped by Pan-Turkish forces.

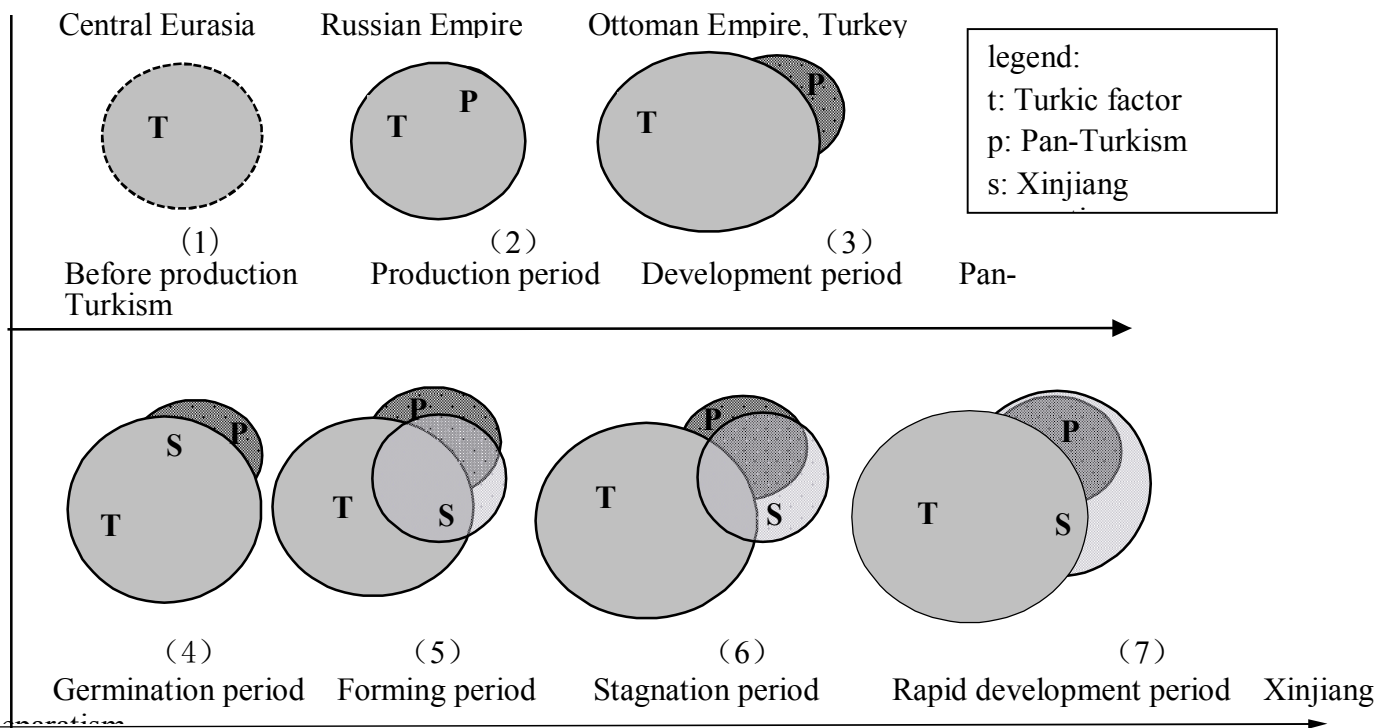

Figure 1. Schematic diagram of the relationship between Turkic factor, Pan-Turkism, and Xinjiang separatism

The emergence and development of Xinjiang separatism are supported by a series of conditions, of which the introduction, stimulation of Pan-Turkism and the cultural base of Turkic factor are two important factors. During the germination period of Xinjiang separatism, it parasitized in the theoretical framework of Pan-Turkism and also relies on the cultural basis of the Turkic factor, so it constitutes a situation where Xinjiang separatism is basically surrounded by doubles as shown in Figure 1-(4). During this period, a Xinjiang separatist was first a Pan-Turkist (and / or Pan-Islamist), secondarily a Separatist in Xinjiang. During the formation of Xinjiang separatism, separatist forces not only used Pan-Turkism to carry out separatist activities in Xinjiang, but also emulated overseas Pan-Turkist forces. They began to distort, exaggerate and process the content of the Turkic factor, and fabricated "East Turkestan" as "the oldest, most famous, and earliest cultural developed independent country in the world" (Цянь Боцюань, 1999), preaching "Turkic politics", wantonly distorting ethnic relations in Xinjiang, and using terms such as "aggression" and "colonization" to describe China's development of Xinjiang, have caused considerable confusion among the local residents. At the same time, it is necessary to emphasize: the forming process of Xinjiang separatism is also a process of its integration with Pan-Turkism and Turkic factor. However, since Xinjiang separatism originated from the combination of Pan-Turkism and Turkic factor in Xinjiang, its independence under any circumstances and any stage of development is relative. This conclusion is proved by later history. During the stagnation period of Xinjiang separatism, although subject to domestic and foreign circumstances, the fabrication of Turkic factor by Xinjiang separatism and Pan-Turkism has been restrained to a certain extent, and their connection with the Turkic factor has decreased, but there is still a clear overlap. These overlaps constitute not only the cultural basis for their continued existence and development in Xinjiang, but also their transformation, processing, and distortion of the Turkic factor and fill the most serious parts. As shown in Figure 1-(7), these overlaps have expanded after separatism in Xinjiang has entered a rapid development. At the same time, the development of Pan-Turkism in Xinjiang has completely served the needs of Xinjiang separatism, and the separatist forces have compressed the core of the Turkic factor inside and outside Xinjiang, which is the "Uyghurization" mentioned by the author. Now, in terms of self-knowledge, Xinjiang separatists are completely different from those in the germination period of separatism, and they have become Separatists first and then Pan-Turkists (and / or Pan-Islamists).

Conclusion

Cultural differences are a widespread social phenomenon in the development of human societies. Different cultures may live together harmoniously or clash with each other, and coexistence or conflict depends to a large extent on how people perceive and deal with cultural differences. One of the reasons for the emergence and development of Pan-Turkism and Xinjiang separatism lies in the conflicts arising from cultural differences. The common basis of such cultural differences is Turkic factor.

While the Turkic factor was a prerequisite and condition for the emergence, spread and transformation of Pan-Turkism, Ottoman-Turkey has been the central region in the evolution of Pan-Turkism. It was under the influence and strong impetus of Ottoman-Turkey that Pan-Turkism underwent three important transformations. Pan-Turkism was used not only by the Ottoman Empire to save its dying Empire, but also by the Turkish Republic as an important tool to pursue its foreign policy and realize its national interests. In other words, the instrumental value of Pan-Turkism was much higher than its ideological value. At the same time, the trajectory of Pan-Turkism is clearly correlated with the changing situation in central Eurasia due to the geopolitical distribution of Turkic factor.

Whether it is the cultural basis from which Xinjiang separatism emerged or the set of social factors that influenced its development, they all point, without exception, to ethnic cultural differences based on Turkic factor. At the same time, since the main supporters of Xinjiang separatism were a minority of Uyghurs, Xinjiang separatism was bound to be more Uyghur in character in its development. The Uyghurization of the Turkic factor and Pan-Turkism is the inevitable result of the development of Xinjiang separatism, but in this process the causes, manner and resulting outcomes of the Uyghurization of the Turkic factor and Pan-Turkism are distinctly different. What can be observed is that the Uyghurization of Pan-Turkism stems from two things: firstly, the objective requirement of localized development; and secondly, the emulation of the Turkish Pan-Turkic development model by the separatist forces in Xinjiang. The Uyghurization of Pan-Turkism was achieved through the use of Turkic elements, which, firstly, further increased the status and role of Turkic elements in Xinjiang separatism, secondly, made Pan-Turkism in Xinjiang lose its 'pan' content and essence, so that it eventually became subordinated to separatism in Xinjiang, and thirdly, led to Uyghurisation. In other words, the Uyghurization of the Turkic factor stemmed from the political imperative of separatism. The way in which the Uyghurization of the Turkic factor took place was by directly grafting the content of the Turkic factor onto Uyghur culture.

At present, after the instrumentalization and politicization of the separatist forces in Xinjiang, the Turkic factor is currently composed of two parts in Xinjiang. The first part is some common or similar characters that Turkic ethnic groups have formed in history, involving language, religion, region, etc.; the second part is that the Xinjiang separatist forces imitated overseas Pan-Turkist forces (mainly Turkish Pan-Turkist forces), adding or fabricating content to Turkic factor, or some contents are exaggerated and distorted. Under different historical circumstances and internal and external backgrounds, there is a relationship that can be transformed between each other under certain conditions. This is the Turkic factor in the narrow sense.

Financial support

This article was written with the support of National Social Science Foundation of China (Grant No. 21VGQ010)

[本文系中国国家社科基金重要国家和区域研究专项重大项目（21VGQ010）的阶段性成果].

Список литературы/ References

Альжанова, Ж. А. (2015) 'Казахстан и интеграция тюркоязычных стран' в: Понарина, Н. Н., Чернов, С. С. (ред.) *Направления модернизации современного инновационного общества: Экономика, социология, философия, политика, право*. Энгельс: Академия управления, сс. 15–18. [Alzhanova, Zh. A. (2015) 'Kazakhstan and integration of

Turkic-speaking countries' [Kazakhstan i integratsiya tyurkoyazychnykh stran] in: Ponarina, N. N., Chernov, S. S. (eds.) *Directions of modernization of modern innovative society: Economics, sociology, philosophy, politics, law* [Napravleniya modernizatsii sovremennogo innovatsionnogo obshchestva: ekonomika, sotsiologiya, filosofiya, politika, pravo].

- Engels: Academy of Management, pp. 15–18. (In Russ.).
- Бабаян, Д. (2011) ‘Арцахская проблема и идеология пантюркизма’, *21-й ВЕК*, 4, сс. 68–99. [Babayan, D. (2011) ‘Artsakh Problem and Ideology of Pan-Turkism’ [Artsakhskaya problema i ideologiya pantyurkizma], *21-st CENTURY*, 4, pp. 68–99. (In Russ.).]
- Бармин, В. А. (1999) *Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941–1949 гг.* Барнаул. [Barmin, V. A. (1999) *Xinjiang in Soviet-Chinese relations 1941–1949* [Sin'tszyan v sovetsko-kitajskikh otnosheniyakh 1941–1949 gg.]. Barnaul. (In Russ.).]
- Бурашникова, А. Б. (2013) ‘Неопантюркизм и неоосманизм во внешней политике Турции’, *Известия Саратовского университета*, 2, сс. 65–69. [Burashnikova, A. B. (2013) ‘Neopantürkism and Neo-Osmanism in Turkish Foreign Policy’ [Neopantyurkizm i Neoosmanizm vo vneshney politike Turtsii], *Izvestia, Saratov University*, 2, pp. 65–69. (In Russ.).]
- Вартаньян, Э. Г. (2015) ‘Идейно-политические предпосылки трагических событий рубежа XIX–XX вв. в Османской империи: доктрины паносманизма, панисламизма, пантюркизма’, *Историческая и социально-образовательная мысль*, 3, сс. 26–30. [Vartanyan, E. G. (2015) ‘Ideological and political prerequisites for the tragic events of the turn of the XIX–XX centuries in the Ottoman Empire: the doctrines of Panosmanism, Panislamism, Panturkism’ [Ideynopoliticheskiye predposylki tragicheskikh sobytiy rubezha XIX–XX vv. v Osmanskoy imperii: doktriny panosmanizma, panislamizma, pantyurkizma], *Historical and socio-educational thought*, 3, pp. 26–30. (In Russ.).]
- Гилязов, И. (2002) *Тюркизм: становление и развитие. Характеристика основных этапов.* Казань: Казанский государственный университет. [Gilyazov, I. (2002) *Turkism: formation and development. Characteristics of the main stages* [Tyurkizm: stanovleniye i razvitiye. Kharakteristika osnovnykh etapov]. Kazan: Kazan State University. (In Russ.).]
- Казиев, С. Ш. (2015) ‘Ислам, тюркизм и становление казахской этнонациональной идентичности в начале XX века’, *Вестник Северо-восточного федерального университета им. М. К. Аммосова*, 1, сс. 75–83. [Kaziev, S. Sh. (2015) ‘Islam, Turkism and the formation of Kazakh ethno-national identity at the beginning of the twentieth century’ [Islam, tyurkizm i stanovleniye kazakhskoy etnonatsional'noy identichnosti v nachale XX veka], *Bulletin of the Northeast Federal University named after M. K. Ammosov*, 1, pp. 75–83. (In Russ.).]
- Ли Шэн (2003) *Чжунго Синьцзян лishi юй сяньчжуан.* Улумуци: Синьцзян жэньминь чубань шэ [厉声. (2003) *中国新疆历史与现状.乌鲁木齐:新疆人民出版社/* [Li Sheng. (2003) *History and current position of Xinjiang in China* [Zhongguo Xinjiang lishi yu xianzhuang]. Urumqi: Xinjiang People's Publishing House. (In Chinese.).]
- Минь Цзин (2006) ‘Каймоэр чжуи юй Фань туцзюэ чжуи гуаньси таньси’, *Шуцзе миньцзу*, 6, сс. 11–18. [敏敬. (2006) ‘“凯末尔主义”与“泛突厥主义”关系探析’, *世界民族*, [Min Jing (2006) ‘Analysis of the relationship between Turkish nationalism and pan-Turkism’ [Kaimoer Zhuyi yu Fan Tujue Zhuyi guxian bianxi], *World Ethno-National Studies*, 6, pp. 11–18. (In Chinese.).]
- Мухамметдинов, Р. Ф. (1996) *Зарождение и эволюция тюркизма. Из истории политической мысли и идеологии тюркских народов, Османская и Российская империи, Турция, СССР, СНГ, 70-е гг. XIX в. –90-е гг. XX в.* Казань: Изд-во «Заман». [Muhammetdinov, R. F. (1996) *The birth and evolution of Turkism. From history polite. thoughts and ideologies of the Turcic peoples, the Ottoman and Russian empires, Turkey, the USSR, the CIS, the 70s. XIX–90s. XX century* [Zarozhdeniye i evolyutsiya tyurkizma. Iz istorii polit. mysli i ideologii tyurkikh narodov, Osmanskaya i Rossiyskaya imperii, Turtsiya, SSSR, SNG, 70-ye gg. XIX v. –90-ye gg. XX v.]. Kazan: Publishing House ‘Zaman’. (In Russ.).]
- Ни Пэйцян (2002) ‘Макэсы чжуи вэньхуа гуань дэ цзибэнь нэйхань – цзянь лунь Туцзюэ вэньхуа гунтунти лунь дэ миньцзу фэньле чжуи вэньхуа гуань дэ фаньдун

- бэньчжи’, *Синьцзян шифань дастюэ сюэбао*, 3, сс. 22–26. [倪培强 (2002) ‘马克思主义文化观的基本内涵—兼论“突厥文化共同体论”的民族分裂主义文化观的反动本质’, *新疆师范大学学报*, [Ni Peiqiang (2002) ‘The main connotation of Marxist cultural views – also about the reactionary nature of the nationalist separatist cultural views of the Turkish cultural community’ [Makesi zhuyi wenhuaguan de jiben neihan – jianlun tujue wenhua gongtongti lun de minzu fenlie zhuyi wenhuaguan de fandong benzhi], *Bulletin of Xinjiang Normal University*, 3, pp. 22–26. (In Chinese.)].
- Нуриева, К. А. (2014) ‘Идея создания общетюркского литературного языка’, *Гилея научный вестник*, 90, сс. 281–284. [Nurieva, K. A. (2014) ‘The idea of creating a general turkic literary language’ [Ideya sozdaniya obshchetyurkskogo literaturnogo yazyka], *Gilea Scientific Bulletin*, 90, pp. 281–284. (In Russ.)].
- Пань Жипин (2004) ‘Лунь Туэрци юй Фань туцзюэ чжуи’, *Шисюэ цзикань*, 4, сс. 60–68. [潘志平. (2004) 论土耳其与泛突厥主义’ [Pan Zhiping (2004) ‘On Turkey and Pan-Turkism’ [Lun Tuerqi yu Fan tujue zhuyi], *Historical Studies*, 4, pp. 60–68. (In Chinese.)].
- Силантьев, Р. А. (2015) ‘Взаимодействие Российского государства и мусульманской уммы’, *Ислам в современном мире*, 3, сс. 71–96. [Silantsev, R. A. (2015) ‘The interaction of the Russian state and the Muslim Ummah’ [Vzaimodeystviye Rossiyskogo gosudarstva i musul'manskoj ummy], *Islam in the modern world*, 3, pp. 71–96. (In Russ.)].
- Тургун Алмас (1986) *Сюнну цзяньши (Ханьибэнь)*. Улмуци: Синьцзян циншаонянь чубаньшэ [吐尔贡·阿勒玛斯 (1986) *匈奴简史(汉译版)*. 乌鲁木齐:新疆青少年出版社 [Turgun Almas (1986) *Brief history of the Huns* [Xiongnu jianshi] (Chinese version). Urumqi: Xinjiang Youth Publishing House. (In Chinese.)].
- Тургун Алмас (1988) *Вэйуэр гудай вэньсюэ (Ханьибэнь)*. Улмуци: Синьцзян циншаонянь чубаньшэ [吐尔贡·阿勒玛斯. (1988) *维吾尔古代文学(汉译版)*. 乌鲁木齐: 新疆青少年出版社 [Turgun Almas (1988) *Ancient Uyghur literature* [Weiwuer gudai wenxue] (Chinese version). Urumqi: Xinjiang Youth Publishing House. (In Chinese.)].
- Тургун Алмас (1989) *Вэйуэр жэнь (Ханьибэнь)*. Улмуци: Синьцзян циншаонянь чубаньшэ [吐尔贡·阿勒玛斯 (1989) *维吾尔人(汉译版)*. 鲁木齐:新疆青少年出版社 [Turgun Almas (1989) *Uyghurs [Вэйуэр рен](Chinese version)*. Urumqi: Xinjiang Youth Publishing House. (In Chinese.)].
- Тянь Вэйцзян (2018) ‘Цзиньдай Туэрци Фань туцзюэ чжуи дэ синшэн цзи ци дуй Синьцзян дицую дэ инсян’, *Сиюй яньцзю*, 3, сс. 1–7. [田卫疆 (2018) ‘近代土耳其泛突厥主义的兴盛及其对新疆地区的影响’ [Tian Weijiang (2018) ‘The rise of Pan-turkism in modern Turkey and its influence in Xinjiang’ [Jindai Tuerqi Fan tujue zhuyi de xingsheng ji qi dui Xinjiang diqu de yingxiang], *Western Regional Studies*, 3, pp. 1–7. (In Chinese.)].
- Хостлер, Ч. (2006) *Тюркизм и Советы. Тюрки мира и их политические цели (История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Т. 9)*. Алматы: Санат. [Hostler, C. (2006) *Turkism and Soviets. Turks of the world and their political goals* [Tyurkizm i Sovety. Tyurki mira i ikh politicheskiye tseli] (History of Kazakhstan in Western sources of the XII–XX centuries: vol. 9). Almaty: Sanat. (In Russ.)].
- Цзань Тао (2011) *Сяньдай гоцзя юй миньцзу гоуцзянь – 20 шицзи цянъци Туэрци миньцзу чжуи яньцзю*. Бэйцзин: Шэнхо·душу·синьчжи саньянь шудянь [咎涛 (2011) *现代国家与民族构建 20世纪前期土耳其民族主义研究*. 北京:生活·读书·新知三联书店 [Zan Tao (2011) *Modern state and nation building: a study of Turkish nationalism at the beginning of the 20th century* [Xiandai guojia yu minzu goujian – 20 shiji qianqi Tuerqi minzu zhuyi yanjiu]. Beijing: Life, Reading, New knowledge Sanlian Bookstore. (In Chinese.)].
- Ци Шунли (2011) ‘Вэньхуа тунчжань шицзюэ ся дэ Фань туцзюэ чжуи бэй лунь фэньси’, *Чунцин шэхуэй чжюи сюэюань сюэбао*, 4, сс. 26–29 [齐顺利 (2011) ‘文化统战视角下的泛突厥主义悖论分析’ [Qi Shunli (2011) ‘Analysis of the

- paradox of pan-Turkism from the point of view of a cultural united front' [Wenhua tongzhan shijiao xia de Fan tujue zhuyi beilun fenxi], *Bulletin of Chongqing Institute of Socialism*, 4, pp. 26–29. (In Chinese.).
- Цянь Боцюань (1999) 'Мухаммед Аминь 'Дун Туцзюэ Сытань Лиши' сюаньдуань пичжу', *Кашэнь ши юань сюэбао*, 3 [钱伯泉 (1999) '穆罕默德·伊敏《东突厥斯坦历史》选段批注' [Qian Boquan (1999) 'Comments on selected paragraphs of Muhammad Amin's 'History of East Turkestan' [Muhammad Amin 'Dong Tujue Sitan Lishi' xuanduan pizhu], *Bulletin of Kashgar Pedagogical College*, 3. (In Chinese.).]
- Червонная, С. М., Гилязов, И. А., Горошков, Н. П. (2003) *Тюркизм и пантюркизм в оригинальных источниках и в мировой историографии: исходные смыслы и цели, парадоксы интерпретаций, тенденции развития*. Москва: Мир дому твоему. [Chervonnaya, S. M., Gilyazov, I. A., Goroshkov, N. P. (2003) *Turkism and Panturkism in original sources and in world historiography: original meanings and goals, paradoxes of interpretations, development trends* [Tyurkizm i pantyurkizm v original'nykh istochnikakh i v mirovoy istoriografii: iskhodnyye smysly i tseli, paradoksy interpretatsiy, tendentsii razvitiya]. Moscow: Peace to your house. (In Russ.).]
- Чжан Юйянь, Ян Шу (2018) 'Лунь Эго Туцзюэ мусылинь юндун дэ синчэн, фачжань юй чжунцзе', *Элосы яньцзю*, 1, сс. 159–180. [张玉艳, 杨恕 (2018) '论俄国突厥穆斯林运动的形成、发展与终结' [Zhang Yuyan, Yang Shu (2018) 'On the formation, development and cessation of the Russian Turkic Muslim movement' [Lun Eguo tujue musilin yundong de xingcheng, fazhan yu zhongjie], *Russian Studies*, 1, pp. 159–180. (In Chinese.).]
- Чэнь Чао (2000) 'Люэлунь Фань исылань чжуи, Фань туцзюэчжуи цзай Синьцзян дэ чуаньбо цзи вэйхай', *Чжунъян миньцзу дасюэ сюэбао*, 3, сс. 60–64. [陈超 (2000) '略论泛伊斯兰主义、泛突厥主义在新疆的传播及危害' [Chen Chao (2000) 'On the spread and harm of Pan-islamism and Pan-turkism in Xinjiang' [Luelun Fan yisilan zhuyi, Fan tujue zhuyi zai Xinjiang de chuanbo ji weihai], *Bulletin of China Central University for Nationalities*, 3, сс. 60–64. (In Chinese.).]
- Шаган Натали. (2013) *Пантюркизм от Ангоры до Баку и турецкая ориентация*. [Chagan Natalie. (2013) *Panturkism from Angora to Baku and Turkish orientation* [Pantyurkizm ot Angory do Baku i turetskaya oriyehtatsiya]. (In Russ.).]
- Ян Фарэн, Ли Цзэ, Дун Шэн (1997) *Фань исылань чжужу Фань туцзюэ чжужу яньцзю*. Улумуци: Синьцзян шэхуэй кэсюэюань чубань шэ [杨发仁, 李泽, 东晟 (1997) *泛伊斯兰主义泛突厥主义研究*. 乌鲁木齐: 新疆社会科学院出版社 [Yang Faren, Li Ze, Dong Sheng (1997) *A study of Pan-islamism and Pan-turkism* [Fan yisilan zhuyi Fan tujue zhuyi yanjiu]. Urumqi: Xinjiang Academy of Social Sciences Press. (In Chinese.).]
- Ян Фарэн (2000) *Ден Сяопин миньцзу лилунь цзи ци цзай Синьцзян дэ шицзянь*. Улумуци: Синьцзян жэньминь чубань шэ [杨发仁 (2000) *小平民族理论及其在新疆的实践*. 乌鲁木齐: 新疆人民出版社 [Yang Faren (2000) *Deng Xiaoping's Ethnic Theory and Practice in Xinjiang* [Deng Xiaoping minzu lilun ji qi zai Xinjiang de shijian]. Urumqi: Xinjiang People's Publishing House. (In Chinese.).]
- Ян Шу, Чжан Юйянь (2014) 'Нуэрку юндун юй Гэлань юндун гуаньси бяньси', *Синьцзян шэхуэй кэсюэ*, 1, сс. 80–88. [杨恕, 张玉艳 (2014) '努尔库运动与葛兰运动关系辨析' [Yang Shu, Zhang Yuyan (2014) 'An analysis of the relationship between the Nurku movement and the Gülen movement' [Nurku yundong yu Gulen yundong guanxi bianxi], *Social Sciences in Xinjiang*, 1, pp. 80–88. (In Chinese.).]
- Dwyer, Arienne M. (2005) 'The Xinjiang Conflict: Uyghur Identity, Language Policy, and Political Discourse', *Washington, DC: East-West Center, Policy Studies*, 15.
- Joanne N. Smith (2002) 'Making Culture Matter: Symbolic, Spatial and Social Boundaries between Uyghurs and Han Chinese', *Asian Ethnicity*, 2, pp. 153–174.
- Millward, J. (2004) 'Violent Separatism in Xinjiang: A Critical Assessment', *Washington, DC: East-West Center, Policy Studies*, 6.

Rebiya Kadeer (2009) *Dragon fighter: one woman's epic struggle for peace with*

China. Carlsbad: Kales Press.

Статья поступила в редакцию: 28.12.2021

Статья принята к печати: 15.01.2022

ОТ ПАНТЮРКИЗМА ДО СИНЬЦЗЯНСКОГО СЕПАРАТИЗМА: АНАЛИЗ ТЮРКСКОГО ФАКТОРА

Чжан Юйянь

Чжан Юйянь, PhD,

Институт исследований Центральной Азии Института политологии и международных отношений,
Ланьчжоуский университет, Ланьчжоу, провинция Ганьсу, КНР.

E-mail: zhangyuyan@lzu.edu.cn (ORCID: 0000-0003-0923-0737).

Аннотация

Конфликт, вызванный культурными различиями, является одной из причин возникновения и развития Пантюркизма и Синьцзянского сепаратизма, между которыми существует неразрывная связь. В этой статье автор ищет ответы на два вопроса: какова общая основа ассоциации между Пантюркизмом и Синьцзянским сепаратизмом? Каковы общие основания для культурных различий, которые способствуют их возникновению и развитию? Автор называет эту общую основу "Тюркским фактором", чье значение имеет широкий и узкий смысл. Автор утверждает, что Тюркский фактор является социокультурной основой, способствующей возникновению и развитию как Пантюркизма, так и Синьцзянского сепаратизма, а также общей основой их взаимоотношений. Во-первых, Тюркский фактор представляет собой необходимую предпосылку и условие возникновения, распространения и трех преобразований Пантюркизма в Османской империи и Турции. Во-вторых, Тюркский фактор лежит в основе культуры Синьцзянского сепаратизма и постоянно политизируется и инструментализируется сепаратистскими силами Синьцзяна. В-третьих, уйгуризация Тюркского фактора и пантюркизма, несомненно, является необходимым следствием развития сепаратизма, но они явно различаются по причине, методам и результатам уйгуризации. Наконец, в синьцзяне содержание Тюркских факторов разделено на две части под влиянием сепаратистских сил.

Ключевые слова: пантюркизм; синьцзянский сепаратизм; тюркский фактор; уйгуризация.

УДК-327

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-1-106-114

МИР ИНЫМИ СРЕДСТВАМИ: БИЗНЕС И РАЗРЕШЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ КОНФЛИКТОВ

А. А. Рожков, Е Вэймянь

Рожков Александр Алексеевич, преподаватель,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва.

E-mail: Rozhkov1922@mail.ru (ORCID: 0000-0002-4401-3239. ResearchID: Q-9738-2018).

Е Вэймянь, стажёр,

Всекитайское Общество по изучению истории китайско-российских отношений.

E-mail: 695067063@qq.com (ORCID: 0000-0001-9862-8071).

Аннотация

Представлен обзор основных идей и рекомендаций в области «бизнес для мира». Какова роль бизнеса в урегулировании гражданских конфликтов? Долгое время частный сектор не рассматривался в качестве важного участника миростроительства. Дискуссии о влиянии компаний на разрешение конфликтов начались в научной литературе лишь в середине 1990-х гг. Как показывает опыт, добровольного участия бизнеса в разрешении войн явно недостаточно. Снизить издержки и увеличить пользу бизнеса в деле миростроительства позволяет теория отзывчивого регулирования Джолиана Форда. В заключительной части работы представлен кейс урегулирования конфликта в Нагорном Карабахе, позволяющий оценить перспективность использования бизнеса урегулирования гражданских конфликтов.

Ключевые слова: бизнес; гражданские войны; миротворчество; ООН; теория отзывчивого регулирования; теория восстановительного правосудия.

Участие бизнеса в решении гражданских конфликтов долгое время находилось за пределами научного внимания. О том, что частный сектор помогает странам не только выбираться из затяжных войн, но и обеспечивать транзит власти в безвыходных, на первый взгляд, ситуациях, ученые заговорили относительно недавно. Интерес к теме подтолкнул академическое сообщество создать исследовательскую сферу «бизнес для мира». Роль и возможности предпринимателей в разрешении войн и их последствий – главный вопрос дисциплины.

Теории международных отношений не рассматривали роль бизнеса в разрешении именно внутригосударственных конфликтов. Мир между странами объясняется, в первую очередь, сотрудничеством транснациональных корпораций и институтов, как считают представители неоллиберализма (Keohane, 1984: 29). Компании могут продвигать мир только благодаря участию в международных режимах. По мнению неореалистов, любые внутривластные акторы уступают в могуществе государству, а потому разрешение конфликтов – задача правительства, а не предпринимателей (Waltz, 1979: 102). Неоклассические реалисты скорректировали это утверждение: бизнес неохотно втягивается в национальные проблемы, однако его влияние усиливается в периоды ослабления государства (Lobell, Ripsman, Taliaferro, 2009: 183). Марксисты признавали прогрессивную роль буржуа в преодолении феодализма и распространении прав человека. Тем не менее, частная собственность на средства производства обуславливает колониализм и империализм великих держав в отношении неразвитых стран (Ленин, 1969: 376).

В данной статье мы попытаемся ответить на вопрос о том, какие условия необходимы для эффективного участия бизнеса в деле продвижения мира? В контексте поставленной проблемы мы проведем анализ работ исследователей о преимуществах и ограничениях бизнеса в деле строительства мира. Обилие факторов, с одной стороны, говорит о широком спектре возможностей по использованию корпоративного миростроительства, а с другой – не позволяет выделить конкретное условие, при котором частный сектор был бы полезен. На наш взгляд, включение бизнеса в миротворческие мандаты позволит разрешить неопределенность, поскольку миротворцы смогли бы координировать

действия компаний, снизив негативные и увеличив позитивные эффекты предпринимательства. Перспективность использования частного сектора в миротворческих кампаниях России будет продемонстрирована на кейсе участия отечественных компаний в постконфликтном строительстве в Нагорном Карабахе.

Дисциплина «бизнес для мира»

Дискуссии о влиянии бизнеса на умиротворение гражданских конфликтов начались в 1995 г. (Sweetman, 2009: 12). Встраивание некогда неразвитых стран в глобальную систему рыночной экономики обеспечило как рост благосостояния, так и продвижение международной безопасности. Неолиберальные ученые в духе кантовских слов о силе денег, говорят о стабилизирующем воздействии торговли на международные отношения (Кант, 1994: 35). В то же время нельзя смешивать воздействие на мир локальных и транснациональных компаний (Killick, Srikantha, Gündüz, 2005: 2). Зачастую местный бизнес сильнее заинтересован в умиротворении, чем зарубежные корпорации. В последние годы публикуются работы, содержащие рекомендации о том, как частный сектор может не только не навредить, но и помочь странам с гражданским конфликтом (Hoffmann, 2014: 1).

Исследователи признают ограниченность инструментов, позволяющих оценить эффективность бизнеса в деле продвижения мира. Во-первых, по словам Д. Свитмана, конкуренция вынуждает предпринимателей скрывать как успешные, так и неудачные механизмы заработка (Sweetman, 2009: 12). Во-вторых, компании далеко не всегда сотрудничают с сообществами по разрешению конфликтов. В-третьих, зачастую частный сектор участвует в умиротворении в разгар конфликта, что существенно ограничивает возможности полевых исследований. Затруднительно предвидеть все возможные локальные особенности и последствия построения бизнеса, считают исследователи ПРИО (Институт исследований мира Осло, “The Peace Research Institute Oslo”), поэтому единое пошаговое руководство корпоративного миростроительства создать невозможно (Miklian, Schouten, Horst, Rolandsen, 2018). Более того, бизнес далеко не всегда продвигает мир, яркими примерами чего являются лесозаготовки в Либерии и Камбодже, добыча алмазов в Анголе и Сьерра-Леоне, производство кокаина в Колумбии (Killick, Srikantha, Gündüz, 2005: 3). Последствиями «ресурсного проклятия» являются повышенная коррупция, ослабленная демократия, искаженная экономика, нарушение трудовых прав, неравенство, бедность и рост насилия.

Тем не менее, можно выделить конкретные коммерческие практики, которые значительно способствуют разрешению войн. Почти любой региональный бизнес не заинтересован в уничтожении инфраструктуры, оттоке квалифицированной рабочей силы, потере иностранных инвестиций, исчезновении рынков сбыта, конфискации, отсутствии господдержки и обострившихся проблемах с безопасностью. По мнению исследователей USIP (Институт мира США, “United States Institute of Peace”), бизнес может поддерживать стабильность пятью основными способами: создавать рабочие места и экономические возможности; поддерживать верховенство закона, а также международные трудовые и экологические стандарты; продвигать принципы корпоративной этики; оценивать риски, специфичные для региона; в некоторых случаях – вести дипломатические переговоры (Forrer, Fort, Gilpin, 2012: 2). Далее мы перечислим возможности бизнеса по умиротворению более развернуто.

Заинтересованные в мире предприниматели плотно включены в контекст войны, а потому лучше разбираются в ее истоках и могут эффективнее транснациональных корпораций влиять на завершение конфликта. Анализ окружения, как утверждают исследователи ПРИО, является первой задачей бизнеса. Он включает в себя ряд вопросов: кого можно назвать участниками войны, каковы этнические и социально-экономические особенности неравенства, кому выгодна существующая общественная структура, какие существуют финансовые потоки в регионе, каким образом бизнес взаимодействует с органами местного самоуправления и государством? (Miklian, Schouten, Horst, Rolandsen, 2018: 15) Помимо этого, необходимо понять, кто может предоставить данные и достаточно ли у него ресурсов для этого. Лучше, если этими вопросами задаются не только владельцы бизнеса, но и коммерческие ассоциации. Однако такого объединения возможно добиться только в том случае, если общество бизнесменов осознает губительное воздействие конфликта как для отдельных предприятий, так и для экономики в целом.

Бизнесу важно понять, как его воздействие меняет хрупкий баланс сил в регионе (Miklian, Schouten, Horst, Rolandsen, 2018: 25). С одной стороны, частный сектор оказывает многогранное влияние на государство: поставляет ресурсы, платит налоги, создает рабочие места (Killick, Srikantha, Gündüz, 2005: 7). Подозрительная благосклонность властей отталкивает население от сотрудничества

с частным сектором, особенно, если его деятельность ведет к неравенству и коррупции. С другой стороны, партнерами и субподрядчиками фирм могут выступать участники враждующих сторон, что повышает риск финансирования репрессивного режима или повстанцев. Коммерческая деятельность не должна подогревать конфликт, поддерживая ту или иную сторону. Если изложенные условия нарушаются, компаниям стоит отложить выход на рынок, даже в ущерб прибыли и карьерным возможностям.

Создание комфортной корпоративной среды само по себе позволяет разрешить многие конфликтные проблемы. Корпоративный менеджмент дает возможность избегать кумовства, а управление на предприятии, в том числе контроль качества – конкретный опыт права голоса – важнейшей черты демократии (Forrer, Fort, Gilpin, 2012: 5). Это особенно важно в регионах, где причиной конфликта был неравномерный доступ социальных, либо этнических групп к правам, услугам и ресурсам. В конце концов, статус работника наделяет представителей сторон конфликта профессиональными обязанностями друг перед другом (Forrer, Fort, Gilpin, 2012: 5). Местные жители должны увидеть улучшение в очерченный период времени. Владельцам поэтому лучше зафиксировать «красные линии» (Miklian, Schouten, Horst, Rolandsen, 2018: 32). Если эффект от позитивного влияния бизнеса будет отложен в далекое будущее, доверие к подобным проектам будет только уменьшаться. Социальные программы компаний также способны разрешить множество конфликтных проблем (Killick, Srikantha, Gündüz, 2005: 10). Поэтому важным является скорее не увеличение объема капитала, а на развитие каких сфер он направляется (Sweetman, 2009: 11). Бизнес может использовать свои средства для поощрения образования, здравоохранения, улучшения окружающей среды. Впрочем, миростроительство выражается не просто в филантропии, а в решительности владельца делать адекватные усилия. Откровенный пиар выглядит неискренне (Miklian, Schouten, Horst, Rolandsen, 2018: 28).

Возможность бизнеса стать переговорщиком в гражданском конфликте является, пожалуй, важнейшим инструментом продвижения мира. Компании могут популяризировать мир благодаря конгрессам, конференциям и рекламе (Killick, Srikantha, Gündüz, 2005: 11). Консенсус в обществе может быть достигнут благодаря выстраиванию мостов между лидерами враждующих партий. Однако подобные договоренности достижимы в случае долгосрочного выстраивания отношений между частным сектором, обществом и политиками. Доверие – принципиально важный аргумент для миростроительства, поскольку, как полагает А. Хоффманн, представление о бизнесе как об аполитичной структуре неверно (Hoffmann, 2014: 5).

Перечисленные условия будут не столь значительными, если владелец компании не обладает необходимой харизмой для привлечения к себе сторонников. Бизнесмена должны уважать как участники конфликта, так и общество в целом (Killick, Srikantha, Gündüz, 2005: 6). Это позволит ему объяснить, почему предпринимательство необходимо для установления мира. В то же время, стремление к миру не должно оборачиваться мессианством. Бизнесменам следует сотрудничать со всеми агентами миростроительства, как с международными, так и с негосударственными организациями (Miklian, Schouten, Horst, Rolandsen, 2018: 30). Совместная деятельность будет более эффективной, поскольку она поможет избежать дублирования проводимых мероприятий, получить больше легитимности за счет взаимодействия с гражданским обществом и авторитетными институтами, а также позволит быстрее адаптироваться к местным особенностям и находить передовой опыт миростроительства в конкретной местности.

Завершение гражданского конфликта может спровоцировать эффект «золотой лихорадки», когда предприниматели попытаются воспользоваться открывшимися возможностями нового рынка. Однако стремительный экономический рост может вскрыть социальные противоречия, служившие причиной войны. По мнению исследователей из USIP, рецидив конфликта объясняется неустойчивостью местных институтов. «Сильная фрагментация рынка часто происходит при слабых институтах, где неформальный сектор играет заметную роль, а в некоторых случаях преобладает» (Forrer, Fort, Gilpin, 2012: 10). Важно поэтому понимать, какие именно институты примут обязательства по постконфликтному строительству. Чрезмерное влияние международных организаций, к примеру, может восприниматься как оккупация.

Бизнес и миротворческое регулирование

К началу XXI в. между ООН и бизнесом наметилось прочное поле взаимодействия (Gerson, 2005:105). Запущенный в 2000 г. Глобальный договор был призван упорядочить ряд принципов, обязывающих бизнес по всему миру придерживаться экологической, социальной и моральной ответст-

венности (Кинго, 2019). В соответствии с договором участники корректируют деятельность и стратегии на основе общепризнанных принципов в сфере прав человека, трудовых отношений, окружающей среды и противодействия коррупции. Подписантами договора являются более десяти тысяч компаний. Тем не менее, ООН не укладывается в сроки достижения ни одного из целевых показателей. Добровольное участие бизнеса в умиротворении может оказаться благочестивой иллюзией, если действия частного сектора не будут регулироваться. Успешный опыт миротворческой кампании в Восточном Тиморе, включающий создание временных гражданских администраций с широкими полномочиями (Ромадан, 2019: 88) говорит о перспективности включения бизнеса как в миротворческие мандаты ООН, так и в операции суверенных государств.

По словам Я. Дэвиса, существуют два основных подхода к регулированию бизнеса: англосаксонский и модель корпоративной социальной ответственности (КСО) (David, 2005: 5). Согласно первому, обязанность бизнеса перед обществом ограничивается предложением рабочих мест, благ и услуг. Сфера ответственности частного сектора – выживание и процветание, а также исполнение интересов владельцев, которые могут быть как частными лицами, так и акционерами. В соответствии с классическим представлением либеральных экономистов, конкуренция и рост приносят пользу обществу, а потому, заботясь о себе, бизнес помогает всем. Второй подход считает англосаксонский взгляд наивным. Ущерб от бизнеса нельзя компенсировать его преимуществами. Сосредоточиваясь на негативном воздействии частного сектора на окружающей среде и условиях труда, сторонники КСО призывают владельцев компаний восполнять вред. Фирмам рекомендуют принимать кодекс поведения, в котором ограничиваются вредоносные виды деятельности. Несмотря на то, что изначально в кодексе не прописывалась роль компаний в военных конфликтах, в 2000-е гг. сторонники КСО рассмотрели и этот вопрос, отметив огромное значение бизнеса для строительства общего блага. В 2000 г. ООН присоединилась к движению КСО на базе Глобального договора (Sweetman, 2019: 19). Убеждение сторонников КСО в стабилизирующем воздействии международных институтов сталкивается с проблемой, когда прежние глобальные режимы ослабевают, а эксперты все чаще говорят о зависимости мировой системы от воли могущественных государств (Munich Security Conference, 2019). Саморегулирование бизнеса на основе некоего кодекса не может восполнить глубины и широты регулирования, производящегося на местном уровне. Проблемы с функционированием институтов в постконфликтном государстве могут эффективнее преодолеваются миротворцами, чем международными организациями.

Развернутое описание механизмов регулирования бизнеса в целях миростроительства содержится в теории отзывчивого регулирования (ТОР) Д. Форда. В отличие от традиционного «командно-административного» прямого регулирования с заранее сформулированными наказаниями за нарушения, Форд предлагает гибкую систему (Ford, 2015: 185). ТОР использует непрямой надзор, условно делегирующий бизнесу ответственность за саморегулирование. Поскольку «ортодоксальное» регулирование направлено на наказание нарушений, оно может подорвать стремление предпринимателей к достижению социально значимых целей. Гибкое регулирование сосредоточено, в первую очередь, на решении проблемы, а не на принуждении. ТОР субъективно оценивает, насколько бизнес эффективно регулирует себя и только потом принимает решение, менять его стратегию или ослабить вмешательство. Бизнес, в особенности крупный, обладает достаточными механизмами для саморегулирования. Регулятор стремится сохранить естественное самоуправление компаний, направив его на следование общественным ценностям. Вмешательство происходит там, где предприниматель оказывается неспособен к саморегулированию, либо его практика провоцирует конфликт (Ford, 2015: 188).

Помимо ТОР, Форд говорит о теории восстановительного правосудия. В соответствии с ней, приоритет получает не наказание за нарушение, а обязанность нарушителя восстановить то, что он разрушил. Вместо наказания, регулятор созывает стороны конфликта для признания общей проблемы. Он предлагает правонарушителю скорректировать стратегию и предотвратить повторение вреда. «Таким образом, подход отзывчивости продвигает «активную» (положительную), а не «пассивную» (отрицательную) ответственность, четко сигнализируя компаниям, что на них лежит ответственность по выявлению и предотвращению или уменьшению рисков, или устранению причиненного ущерба» (Ford, 2015: 188). Поскольку в современном мире навряд ли существует единый центр управления, взаимодействие осуществляется по сетевому принципу: регулятор находит новых акторов общественных отношений, позволяющих под новым углом посмотреть на деловое поведение. Таким образом, использование преимуществ частного сектора дополняется этическим и демократическим подходами к взаимодействию с гражданским обществом.

Отзывчивое регулирование работает по принципу пирамиды. В основе модели лежит неформальный, в значительной степени разговорный подход, включающий в себя информирование, образование, построение доверия, убеждение, похвалу и отговоры. Регулятор не только владеет методами вмешательства, но и умеет их корректировать в свете изменений в более широком контексте. Он занимается вопросом «наказания и убеждения», предпочитая второй способ воздействия. В то же время модель не является аморфной. Если кооперативные методы терпят неудачу, вмешательство регулятора усиливается. На вершине пирамиды находится жесткая интервенция, требующая конкретных ответов со стороны бизнеса. Бизнесмены должны сознавать неизбежность ужесточения реакций в случае правонарушений.

Система отзывчивого регулирования может применяться и в нестабильных условиях конфликтов и постконфликтного миростроительства. Ее использование раскрывается в трех широких стратегиях. Во-первых, миротворцы должны реагировать на множество доступных источников регулирования и стараться координировать, использовать и наращивать их потенциал. Сотрудничество миротворцев с бизнесом должно, с одной стороны, поощрять саморегулирование, а с другой – корректировать интервенции в зависимости от возможностей компаний и меняющейся ситуации. Во-вторых, регулятор понимает, что предотвращение эскалации насилия и укрепление безопасности требует прозрачного, но в то же время принципиального сотрудничества с фирмами, оказывающими существенное влияние на снижение рискованных действий в период конфликта и после него. Миротворцы стремятся к защите универсальных ценностей, прав человека в области труда, сохранению окружающей среды. При этом они не создают недостижимых для бизнеса целей. В-третьих, регулятор реалистично подходит к вопросам регулирования переходного периода. Несмотря на то, что важнейшей его целью является предотвращение конфликтов, по мере стабилизации ситуации приоритетные задачи могут меняться. Миротворцы стремятся к постепенной передаче контроля местным властям и гражданскому обществу.

Легитимность миротворческой операции является важнейшим элементом исполнения перечисленных задач. Отсутствие политического признания со стороны гражданского общества и бизнеса грозит не только срывом любого регулирования, но компрометацией миротворческой миссии как таковой. В крайнем случае миротворцы могут быть объявлены исполнителями воли более могущественных государств, а их сотрудничество с бизнесом, проявлением колониализма и даже империализма. Тем не менее, реализация коммерческих проектов является одним из лучших инструментов для преодоления последствий постконфликтного кризиса в долгосрочной перспективе. Проблема легитимности миротворческих миссий до сих пор не разрешена полностью, однако очевидно, что престиж операций поддерживается признанием международного сообщества и приверженностью регулятора принципам гуманизма и открытости.

Влияние бизнеса на постконфликтное строительство: война в Нагорном Карабахе

В последней части работы мы разберем кейс, который говорит о перспективности использования корпоративного миростроительства для решения задач, входящих в сферу геополитических интересов России. Мы покажем, что при соблюдении ряда условий: заинтересованности сторон в мире, позитивном восприятии миротворцев участниками конфликта, благосклонности могущественных держав, а также благодаря включению бизнеса в многосторонний диалог по созданию совместных проектов – частный сектор способен не только решить проблемы постконфликтного строительства, но и снизить остроту противостояния в будущем.

Проблема Нагорного Карабаха связана со стремлением местного населения, преимущественно армян, к независимости и желанием Азербайджана сохранить территориальную целостность (Бабаджанов, 2013: 67). Хотя международное сообщество и не признает референдум о независимости региона от 10 декабря 1991 г., жители Нагорного Карабаха сначала мирно, а затем с оружием в руках пытались изменить свой статус. Вооруженный конфликт начался в 1988 г., продолжаясь после исчезновения СССР с 1991 по 1994 гг. Несмотря на то, что официально война проходила в одном государстве, фактически противостояние шло между Арменией и Азербайджаном, что позволяет отнести конфликт к числу интернационализированных (Загорский, 2015: 13).

Над разрешением конфликта работали такие международные организации, как ООН, ОБСЕ, СНГ. Так, 6 апреля 1993 г. СБ ООН поддержал заявление своего председателя, требующего немедленного прекращения военных действий. 16 мая 1994 г. при посредничестве России в Бишкеке сторо-

ны конфликта подписали Соглашение о прекращении вооруженного конфликта. 6 декабря 1994 г. на саммите ОБСЕ в Будапеште создана Минская группа с сопредседателями в лице России, США и Франции. Мандат группы, принятый 23 марта 1995 г., обеспечивал постоянный форум для переговоров по мирному разрешению кризиса на базе принципов, положений и обязательств ОБСЕ.

На протяжении всей работы Минской группой предлагались различные варианты разрешения конфликта: в сентябре 1997 г. – признание Нагорного Карабаха государственным и территориальным образованием в составе Азербайджана; в ноябре 1998 г. – признание Нагорного Карабаха государственным и территориальным образованием в форме республики в составе Азербайджана. В ноябре 2007 г. в Мадриде на встрече президентов Армении и Азербайджана Минская группа предложила обновленные принципы. Тем не менее, ни один из вариантов полностью не удовлетворил ни одну из сторон. Конфликты вспыхивали в регионе вплоть до новой войны в сентябре 2020 г.

Бизнес почти не играл существенной роли в разрешении конфликта. Большая часть финансирования Нагорного Карабаха исходила от Армении – ок. 50-60% бюджетного расхода. В 2019 г. Ереван профинансировал ок. 120 млн долл в бюджет непризнанной страны (Ткачев, 2019). Помощь со стороны армянской диаспоры была незначительной. Несмотря на многочисленные проблемы, экономика Нагорного Карабаха долгое время развивалась, что создало дополнительные сложности в конфликте с Азербайджаном. Армянские переселенцы и беженцы заняли селения, расположенные вокруг Нагорного Карабаха, а экономический рост подталкивал их к дальнейшему освоению и экспроприации земель Азербайджана. Расширению армянских селений не помешало даже предостережение Еревана, надеявшегося на мирное урегулирование с Баку. Глава правительства Нагорного Карабаха Б. Саакян в 2018 г. выделил 800 тыс. долл на заселение новых поселений.

Стабилизация в Закавказье отвечает прямым интересам России в национальной безопасности (Федулова, 2010: 1), поэтому не удивительно, что ключевую роль в подписании мира 9 ноября 2020 г. сыграло участие Москвы. Нет сомнения в том, что решающее значение сыграла сила, а также способность Москвы повлиять на ситуацию. Однако уже в совместном заявлении Президента Азербайджана, Премьер-министра Армении и Президента России говорится о разблокировке всех экономических и транспортных связей. При последующих встречах между лидерами стран, акцент на планируемом сотрудничестве в сфере торгово-экономических отношений и инфраструктуры был сохранен. Более того, разблокированием экономических и транспортных связей в регионе уже занимается трехсторонняя рабочая группа под совместным председательством вице-премьеров Азербайджанской Республики, Республики Армения и Российской Федерации. Заниматься восстановлением инфраструктуры в регионе будут Российские железные дороги (РЖД) (Березина, 2021). По оценке заместителя председателя правительства РФ А. Оверчука, проект позволит Армении не только превратиться в международный транспортный узел, но и нарастить собственное производство.

Привлечение бизнеса сначала к восстановлению, а затем и к развитию региона может позитивно сказаться на преодолении постконфликтного кризиса. В интересах России как с геополитической, так и с экономической точки зрения, плотнее включаться в данный процесс. Поскольку решение об освобождении земель за пределами бывшей НКАО принято, а статус самого Нагорного Карабаха все еще не определен, военные средства лишь замораживают конфликт. Снижение напряженности возможно благодаря участию всех сторон в экономических проектах. Миротворческое посредничество Москвы скорее позитивно оценивается в Ереване и в Баку, а ее руководящая роль переговорщика не воспринимается как угроза ведущими державами мира, в том числе США. Несмотря на возросшую роль Турции в конфликте, а также ее активное стремление участвовать в дальнейшей судьбе региона, ключевым переговорщиком остается Россия. Это дает возможность Москве вести миротворческую деятельность в более широком контексте, привлекая частные компании.

Участие российского бизнеса в преодолении конфликта в Нагорном Карабахе может позитивно сказаться на снижении напряженности в долгосрочной перспективе. Поскольку и Армения, и Азербайджан положительно оценивают роль Москвы в разрешении конфликта и, более того, международное сообщество благосклонно относится к стабилизирующей регион деятельности России, включение частного сектора, связанное прежде всего с созданием новой инфраструктуры, снизит риск рецидива конфликта, создав почву для сотрудничества в долгосрочной перспективе.

Разрешение конфликтов могло быть эффективнее в случае включения бизнеса в миротворческие мандаты. Прямое участие миротворцев в разрешении конфликтов не только сдерживает враждующие стороны, но и помогает им найти почву для налаживания отношений. Пример урегулирования в Нагорном Карабахе позволяет говорить о перспективности идеи переходного регулирования в целях миростроительства. Там, где влияния частного сектора оказывается недостаточно, поддержку

могут оказать миротворцы. Теория Д. Форда показывает, каким образом инициативы частного сектора могут не только способствовать урегулированию конфликтов, но и стабилизировать общество в долгосрочной перспективе.

Заключение

Дисциплина «бизнес для мира» появилась относительно недавно. Роль частного сектора в разрешении внутренних конфликтов подтолкнула исследователей к изучению возможностей компаний по продвижению мира. О том, что коммерческая инициатива способна не только умиротворять, но и снижать остроту постконфликтных ситуаций, говорили и в ООН. Вместе с тем рост центробежных сил, ослабление международных институтов и усиление великих держав демонстрирует, что одного только добровольного участия бизнеса, пускай и следующего рекомендациям экспертов, явно недостаточно. Проблема участия частного сектора в миростроительстве может быть решена благодаря включению бизнеса в миротворческие мандаты. Теория отзывчивого регулирования и восстановительного правосудия Д. Форда показывает, каким образом регулирование может использовать преимущества частного сектора для продвижения мира. Теория, с одной стороны, позволяет избежать негативных эффектов частного сектора, а с другой – стимулировать его позитивное влияние.

Заинтересованность бизнеса в мире является важнейшим элементом как в завершении войны, так и в постконфликтном строительстве. Здоровье стран во многом обусловлено отношением предпринимателей к нуждам гражданского общества, к его процветанию и состоянию демократии. Лишь просвещенный насыщенный гуманистическими ценностями интерес ведет к полноценному восстановлению. В долгосрочной перспективе заключение подлинного общественного договора требует равноправного диалога между всеми участниками конфликта. Миротворцы, не в зависимости от того, представляют они международную организацию или государство, должны направлять бизнес в сторону качественного преобразования общества, в котором жизнь граждан не ограничивается экономической или политической властью привилегированных сословий.

Список литературы / References

- Бабаджанов, А. (2013) *Военно-политическое сотрудничество постсоветских государств: проблема сочетаемости национальных подходов*. Москва: Аспект пресс. [Babadzhanov, A. (2013) *Military-political cooperation of post-Soviet states: the problem of compatibility of national approaches* [Военно-политическое сотрудничество постсоветских государств: проблема сочетаемости национальных подходов]. Moscow: Aspekt press. (In Russ.)].
- Березина, Е. (2021) 'Алексей Оверчук: При разработке цифрового решения мы ставим в центр потребности человека', *Российская газета*, 10 июня. URL: <https://rg.ru/2021/06/10/overchuk-pri-razrabotke-cifrovogo-resheniia-my-stavim-v-centr-potrebnosti-cheloveka.html> (дата обращения: 03.12.2021) [Berezina, E. (2021) 'Alekssei Overchuk: When developing a digital solution, we put human needs at the center' [Aleksei Overchuk: Pri razrabotke tsifrovogo resheniya my stavim v tsentr potrebnosti cheloveka], *Rossiiskaya gazeta*, 10 June. (In Russ.)].
- Загорский, А. В. (2015) *Миротворчество и международное управление региональной безопасностью*. Москва: ИМЭМО РАН. [Zagorskii, A. V. (2015) *Peacekeeping and International Regional Security Governance* [Mirotvorchestvo i mezhdunarodnoe upravlenie regional'noi bezopasnost'yu]. Moscow: IMEMO RAN. (In Russ.)].
- Кант, И. (1994) *Сочинения в восьми томах*. Т.7. Москва: Мысль. [Kant, I. (1994) *Works in eight volumes* [Sochineniya v vos'mi tomakh]. Vol.7. Moscow: Mysl'. (In Russ.)].
- Кинго, Л. (2019) 'Глобальный договор ООН: Поиск решений глобальных проблем', *сайт ООН*, 19 июня. URL: <https://www.un.org/ru/36167> (дата обращения: 03.12.2021) [Kingo, L. (2019) 'UN Global Compact: Finding Solutions to Global Challenges' [Global'nyi dogovor OON: Poisk reshenii global'nykh problem' sait OON], *UN*, 19 June. (In Russ.)].
- Ленин, В. И. (1969) *Полное собрание сочинений*. Т. 27. Москва: Издание политической литературы [Lenin, V. I. (1969)

- Full composition of writings* [Polnoe sobranie sochinenii]. Vol. 27. Moscow: Izdanie politicheskoi literatury. (In Russ.).
- Ромадан, Л. И. (2019) *Эволюция миротворческой деятельности ООН в конце XX – начале XXI века (на примере африканского континента)*. Дисс. ... кан. пол. наук.: ИА РАН. [Romadan, L. I. (2019) *Evolution of UN peacekeeping in the late XX - early XXI century (on the example of the African continent)* [Evolyutsiya mirovtvorcheskoi deyatelnosti OON v kontse XX – nachale XXI veka (na primere afrikanskogo kontinenta)]. Diss. kan. pol. nauk.: IA RAN. (In Russ.).]
- Ткачев, И. (2020) 'Экономика Нагорного Карабаха. Что важно знать', *РБК*, 2 октября. URL: <https://www.rbc.ru/economics/02/10/2020/5f75eaf89a79479780090f84> (дата обращения: 03.12.2021) [Tkachev, I. (2020) 'Economy of Nagorno-Karabakh. What is important to know' [Ekonomika Nagornogo Karabakha. Chto vazhno znat'], *RBC*, 2 October. (In Russ.).]
- Федулова, Н. (2010) 'Конфликтогенные зоны ближнего зарубежья: угроза интересам России', *Мировая экономика и международные отношения*, 2, сс. 75–89. DOI: 10.20542/0131-2227-2010-2-75-89 [Fedulova, N. (2010) 'Conflict zones of the near abroad: a threat to Russia's interests' [Konfliktogennyye zony blizhnego zarubezh'ya: ugroza interesam Rossii], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2, pp. 75–89. (In Russ.).]
- Brett, R. (2017) 'The role of civil society actors in peacemaking', *Journal of Peacebuilding & Development*, 1.
- David, I. (2005) 'What is the business of business?', *The McKinsey Quarterly*, 3.
- Ford, J. (2015) *Regulating Business for Peace: The United Nations, the Private Sector, and Post-Conflict Recovery*. New York: Cambridge University Press.
- Forrer, J., Fort, T., Gilpin, R. (2012.) *How Business Can Foster Peace*. Washington D.C.: United States Institute of Peace.
- Gerson, A. (2001) 'Peace Building: The Private Sector's Role', *The American Journal of International Law*, Vol. 95, 1.
- Hoffmann, A. (2014) *From 'business as usual' to 'business for peace'?: Unpacking the conflict-sensitivity narrative*. Clingendael Institute.
- Keohane, R. (1984) *After hegemony. Cooperation and Discord in World Political Economy*. New Jersey: Princeton University Press.
- Killick, N., Srikantha, V. S, Gündüz, C. (2005) *The Role of Local Business in Peacebuilding*. Berghof Research Center for Constructive Conflict Management.
- Lobell, S., Ripsman, N., Taliaferro, J. (2009) *Neoclassical realism and domestic interest groups*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Miklian, J., Schouten, P., Horst, C., Rolandsen, Ø. H. (2018) *Business and peacebuilding: Seven Ways to Maximize Positive Impact*. Oslo: PRIO.
- Munich Security Report (2019) *The Great Puzzle: Who Will Pick Up the Pieces?*, Available at: URL: <https://www.securityc onference.de/en/publications/munichsecurity-report/> (Accessed: 03.12.2021).
- Sweetman, D. (2009) *Business, Conflict Resolution and Peacebuilding*. London: Routledge studies in peace and conflict resolution.
- Waltz, K. N. (1979) *Theory of International Politics*. Berkeley: University of California.

Статья поступила в редакцию: 06.12.2021

Статья принята к печати: 15.01.2022

PEACE BY OTHER MEANS: BUSINESS AND CIVIL CONFLICT RESOLUTION

A. A. Rozhkov, Ye Weimian

A. A. Rozhkov, Lecture,
National Research University “Higher School of Economics”.
E-mail: Rozhkov1922@mail.ru (ORCID: 0000-0002-4401-3239. ResearchID: Q-9738-2018).

Ye Weimian, Intern,
All-China Society for the Study of the History of Sino-Russian Relations.
E-mail: 695067063@qq.com (ORCID: 0000-0001-9862-8071).

Abstract

What is the role of business in resolving civil conflicts? For a long time, the private sector was not seen as an important contributor to peacebuilding. It was not until the mid-1990s that discussions about the impact of companies on conflict resolution appeared in the literature. This article contains the main ideas of scientists working in the discipline "business for the world". As the experience shows, the voluntary participation of businesses in resolving wars is clearly not enough. Nevertheless, Jolian Ford's theory of responsive regulation allows to reduce costs and increase the benefits of business in peacebuilding. In the final part of the work, a case is presented for resolving the conflict in Nagorno-Karabakh, which makes it possible to assess the prospects of using business in civil conflict resolution.

Keywords: business; civil wars; peacekeeping; UN; responsive regulation theory; restorative justice theory.

Обзоры и аналитика

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-1-115-124

**ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:
ОПЫТ ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ**

В. А. Авксентьев, Б. В. Аксюмов, Г. Д. Гриценко, С Ю. Иванова, М. М. Шульга

Авксентьев Виктор Анатольевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник,

ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук» (ЮНЦ РАН), Россия, Ростов-на-Дону.

E-mail: avksentievv@rambler.ru (ORCID: 0000-0003-0762-3529).

Аксюмов Борис Владимирович, доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник,

ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук» (ЮНЦ РАН), Россия, Ростов-на-Дону.

E-mail: aksbor@mail.ru (ORCID: 0000-0002-0024-7041).

Гриценко Галина Дмитриевна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник,

ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук» (ЮНЦ РАН), Россия, Ростов-на-Дону.

E-mail: dissovet@rambler.ru (ORCID: 0000-0001-8281-7409).

Иванова Светлана Юрьевна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник,

ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук» (ЮНЦ РАН), Россия, Ростов-на-Дону.

E-mail: isu-socf@yandex.ru (ORCID: 0000-0003-2375-6348).

Шульга Марина Михайловна, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук» (ЮНЦ РАН), Россия, Ростов-на-Дону.

E-mail: shulgamma@mail.ru (ORCID: 0000-0002-4698-5197).

Аннотация

Представлены результаты экспертной оценки состояния, рисков и ресурсов укрепления общероссийской идентичности в субъектах Российской Федерации на территории Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). Полученный исследовательский материал позволил провести углубленный анализ структуры «портфеля идентичностей» жителей СКФО. Выявлено незначительное преобладание доли общероссийской идентичности в структуре «портфеля идентичностей». Сделан вывод, что, несмотря на оптимальность для полиэтничного региона сложившейся иерархии идентичностей жителей Северного Кавказа, в современных условиях необходимо наращивание доли общероссийской идентичности как интегрирующего компонента. Сравнительный анализ оценок экспертов позволил выявить особенности формирования и укрепления общероссийской идентичности в республиках Северного Кавказа и Ставропольском крае. Показана разновекторность этих процессов на уровне субъектов федерации, что требует коррекции региональной политики идентичности. Представлены мнения экспертов о ресурсах наращивания общероссийских компонентов в «портфеле идентичностей» жителей округа. Сделан вывод, что основным субъектом формирования общероссийской идентичности в прошлом и в настоящем выступают, прежде всего, государственные институты, и для повышения эффективности политики идентичности в регионе следует активизировать ее символический компонент, шире привлекать к этой работе гражданское общество, активнее использовать ресурсы институтов культуры и образования.

Ключевые слова: «портфель идентичностей»; общероссийская идентичность; этническая идентичность; конфессиональная идентичность; общероссийские символы и смыслы; Северный Кавказ; экспертная оценка.

Формирование общероссийской идентичности, укрепление гражданского самосознания являются одними из главных приоритетов национальной политики Российской Федерации, которая исторически сложилась как полиэтничное и поликультурное государство. Проблемы формирования и соотношения разных уровней макросоциальных идентичностей характерны для всех полиэтничных государств, вследствие чего дискурс о соотношении этнической и гражданской идентичностей занимает важное место в мировой науке. Исследования в основном ведутся в направлении преодоления классической для западной политической науки дихотомии гражданское / этническое (Kuzio, 2002; Yack, 1996; Coakley, 2018), поиска точек соприкосновения между гражданскими и этническими векторами нациестроительства и политики идентичности (Lindstam и др., 2021; Tabachnik, 2019).

Вопросам формирования социокультурной идентичности посвящены исследования ведущих российских социологов, политологов, этнологов – М. К. Горшкова, И. О. Тюриной, (Горшков и Тюрина, 2018), Л. М. Дробижевой, С. В. Рыжовой (Дробижева и Рыжова, 2021), В. А. Тишкова (Тишков, 2019) и др. Результатом междисциплинарных обсуждений ученых и политиков стало определение общероссийской гражданской идентичности, введенное в «Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» (в редакции 2018 г.): «Общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание)» определяется как «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества»¹.

Вопросы взаимодействия различных форм и уровней российской идентичности, укрепления общероссийской идентичности являются одним из приоритетов научных исследований в полиэтничных регионах страны. Особенности этнической и гражданской идентификаций на Юге России анализируются в работах В. А. Авксентьева, Г. Д. Гриценко (Авксентьев и Гриценко, 2018), Ю. Г. Волкова, Г. С. Денисовой (Волков и др., 2017), А. Ю. Шадже (Делокаров и др., 2012), Жаде З. (Российская идентичность..., 2010) и др.

В формировании общероссийской гражданской идентичности на Северном Кавказе достигнуты позитивные результаты. Однако данные эмпирических исследований (Авксентьев и Аксумов, 2010; Авдеев и Воробьев, 2021) свидетельствуют, что в «портфеле идентичностей» жителей Северного Кавказа существует «конкуренция идентичностей». По мнению А. К. Аликперова, на современном этапе для региона характерны собственные идентификационные модели, характеризующиеся усилением осознания локальной особенности, этнической идентичности в ущерб формированию общероссийской гражданской идентичности (Аликперов, 2019: 47).

Вследствие активной политики идентичности, проводимой российским государством, для идентификационной сферы России и ее регионов характерна высокая динамика. Цель настоящей статьи – на основе анализа многосоставной идентичности жителей Северного Кавказа определить проблемные точки процессов формирования и укрепления общероссийской идентичности в начале третьего десятилетия XXI в. и выявить ресурсы этой деятельности через наращивание символической составляющей политики идентичности.

Методика исследования

В статье представлены результаты экспертной оценки ресурсов и рисков укрепления общероссийской идентичности на Северном Кавказе. Для решения поставленной цели были выделены три ключевых компонента социокультурной идентичности жителей региона: общероссийская, этническая и конфессиональная, соотношение между которыми определяет уровень интегрированности регионального социума в российское цивилизационное пространство. Гипотеза исследования заключалась в том, что идентификационные процессы в субъектах РФ на территории СКФО носят неравномерный

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.: Указ Президента Российской Федерации от 6 дек. 2018 г. N 703). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения: 12.06.2021).

характер, при определенной сформированности общероссийской идентичности высокий уровень этнической и конфессиональной идентичностей поддерживают ситуацию их конкуренции, что является риском дальнейшей стабилизации этнополитических процессов в регионе, и основным ресурсом укрепления общероссийской идентичности является оптимизация символической политики.

Исследование проведено в октябре 2020 г. Экспертная оценка проводилась методом полуструктурированного интервью. В каждом субъекте РФ, входящем в СКФО, методом «снежного кома» были определены эксперты 4-х категорий: представитель научного сообщества, представитель административных структур, лидер мнения, представитель НКО. Экспертам предлагалось оценить по 5-балльной шкале уровень сформированности общероссийской идентичности в своем регионе, определить соотношение и характер взаимодействия этнической, конфессиональной и общероссийской составляющих «портфеля идентичностей», эксплицировать общероссийские смыслы, ценности и символы, которые могут способствовать укреплению общероссийской идентичности, предложить региональные символы, способные стать символами общероссийской идентичности, определить акторов нарастания общероссийских компонентов в «портфеле идентичностей» жителей Северного Кавказа.

Документальную базу исследования составили 26 транскриптов интервью экспертов.

«Портфель идентичностей» жителей СКФО

В Стратегии государственной национальной политики РФ формирование общероссийской гражданской идентичности рассматривается как одна из ключевых задач¹. В условиях Северного Кавказа общероссийская идентичность на современном этапе может быть только «гибридной», инкорпорирующей образы «внеисторической» для региона гражданской идентичности и «исторические» образы Северного Кавказа.

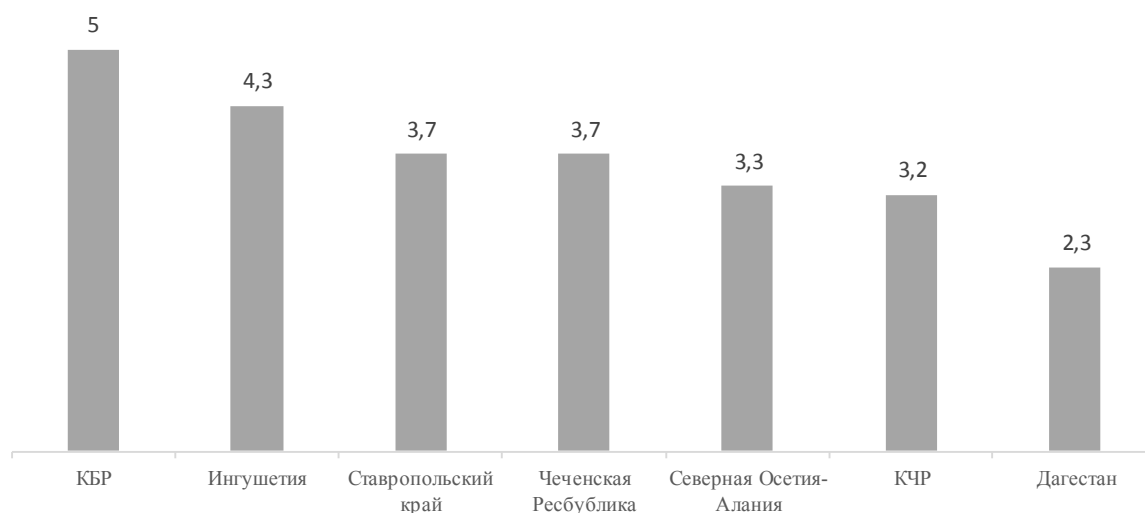

Рис. 1. Оценка экспертами уровня сформированности общероссийской идентичности в регионе (по 5-балльной шкале)

Опрошенные эксперты оценили уровень сформированности общероссийской идентичности на Северном Кавказе в 3,6 балла по 5-балльной шкале (средняя взвешенная арифметическая). Выше среднего уровень сформированности общероссийской идентичности оценивается экспертами из Кабардино-Балкарской Республики (КБР) (5 баллов), Республики Ингушетия (РИ) (4,3 балла), Ставропольского края (СК) и Чеченской Республики (ЧР) (3,7 балла). Ниже среднего уровень сформированности общероссийской идентичности оценивается экспертами из Северной Осетии-Алании (РСО-А),

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации.

(3,3 балла), Карачаево-Черкесской Республики (КЧР) (3,25 балла), Республики Дагестан (РД) (2,3 балла) (Рис. 1).

«Портфель идентичностей» жителей СКФО позволяет говорить о незначительном преобладании доли общероссийской идентичности в его структуре. Признавая оптимальность (для полиэтничного региона) иерархии идентичностей жителей региона, отраженной на рис. 2, отметим необходимость увеличения доли общероссийской идентичности как интегрирующего компонента после периода «этнического ренессанса», наступившего с распадом СССР и продолжавшегося более четверти века.

Рис. 2. «Портфель идентичностей» жителей СКФО

Полученные данные коррелируют со схожими по проблематике исследованиями северокавказских ученых, которые отмечают, что в разных республиках действуют собственные факторы поддержания и укрепления общероссийской идентичности, например, обеспечение личной безопасности, которую может обеспечить только государство, память старших поколений о советском прошлом (Адиев и Щербина, 2021).

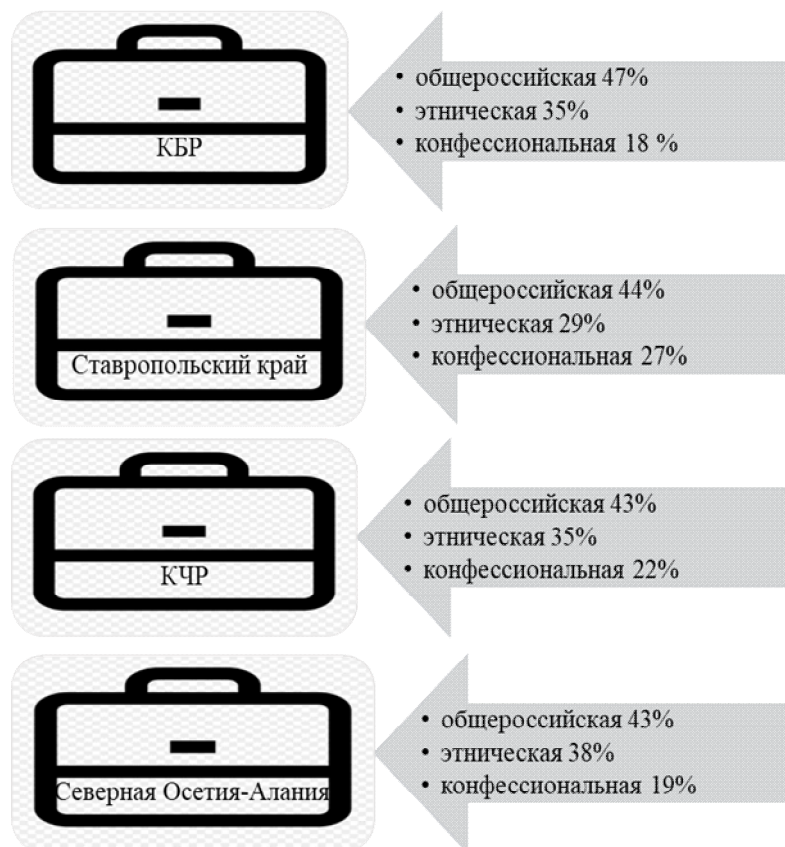

Рис. 3. «Портфели идентичностей» КБР, КЧР, Ставропольский край, Республика Северная Осетия-Алания

Сравнительный анализ оценок экспертов позволяет разделить субъекты РФ в СКФО на две группы по критерию доли общероссийской идентичности в их региональном «портфеле» идентичностей. Общероссийская идентичность, по оценкам экспертов, является преобладающей в КБР, КЧР,

Ставропольском крае и РСО-А (рис. 3). В этой группе на втором месте по объему доли «портфеля» находится этническая идентичность, на третьем – конфессиональная.

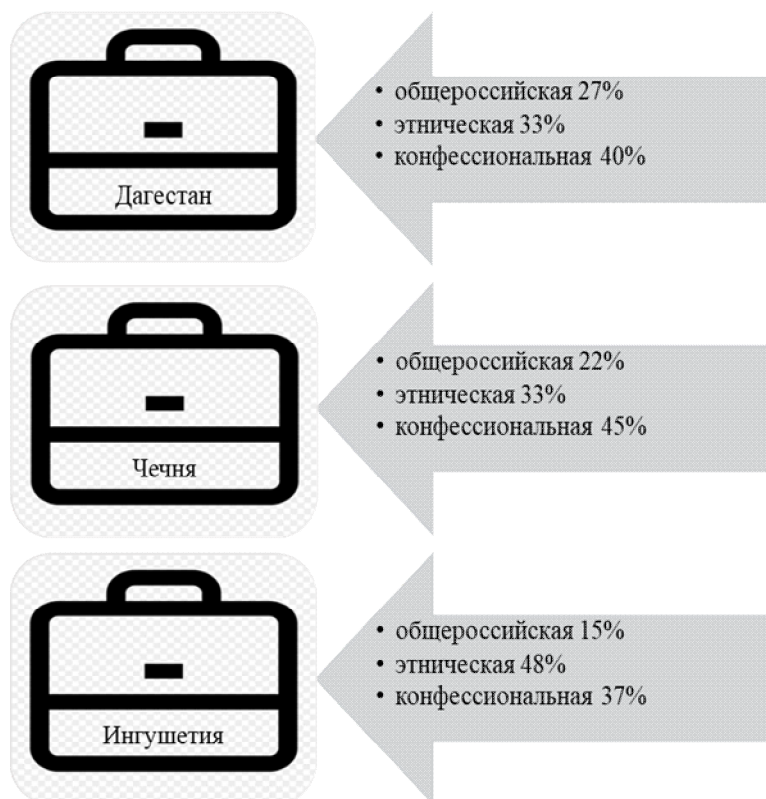

Рис. 4. «Портфели идентичностей» Республики Дагестан, Чеченской Республики, Республики Ингушетия

В Дагестане, Чечне и Ингушетии общероссийская идентичность занимает наименьшую долю в «портфеле» идентичностей жителей республик (рис. 4). Превалирующей в Чечне и Дагестане является конфессиональная идентичность, в Ингушетии наибольшую долю в «портфеле» идентичностей занимает этническая идентичность.

Конкуренция или взаимодополнение общероссийской и этнической идентичностей на Северном Кавказе

Анализ ответов на вопрос о взаимосвязи общероссийской и этнической идентичностей в регионе позволил распределить точки зрения экспертов на четыре группы: 1) «общероссийская и этническая идентичность взаимодополняют друг друга»; 2) «общероссийская и этническая идентичность и взаимодополняют друг друга, и находятся в состоянии конкуренции»; 3) «общероссийская и этническая идентичность находятся в состоянии конкуренции»; 4) «нет конкуренции из-за явного доминирования одной из идентичностей».

Большинство экспертов (16 из 26) придерживаются позиции «общероссийская и этническая идентичность взаимодополняют друг друга». В КБР такой точки зрения придерживаются 3 эксперта; в КЧР – все эксперты; в Дагестане – 1 эксперт; в Республике Ингушетия – 1 эксперт; в РСО-А – 2 эксперта; в ЧР – 2 эксперта; в Ставропольском крае – 3 эксперта.

Промежуточную точку зрения – «общероссийская и этническая идентичность и взаимодополняют друг друга и находятся в состоянии конкуренции» – выбрали 4 эксперта из 26 – по одному из КБР, РИ, РСО-А, СК.

Как конкуренцию соотношение общероссийской и этнической идентичностей оценил всего 1 эксперт – из ЧР.

Анализ точек зрения экспертов выявил еще одну позицию, которая не укладывается в дихотомию «взаимодополнение – конкуренция». 5 экспертов из 26 отметили, что нет ни взаимодополнения, ни конкуренции, поскольку одна из идентичностей явно доминирует. Наиболее жестко эту пози-

цию формулируют эксперты из Ингушетии: «*О взаимодополнении нет речи в Ингушетии*»; «*нет, дополнять они не могут друг друга, редко кто из ингушей говорит, что он россиянин*».

Такие оценки свидетельствуют о разновекторности идентификационных процессов на Северном Кавказе, что может рассматриваться как рискогенный фактор укрепления общероссийской идентичности, и требует конкретизации политики идентичности с учетом ситуации в каждом из субъектов федерации в регионе.

Значимость этнической и конфессиональной идентичностей в региональном измерении

Большинство опрошенных экспертов признают важность этнической идентичности для развития северокавказского региона. Однако внутри этой общей экспертной оценки просматривается широкая амплитуда взглядов и точек зрения.

Одни эксперты (21 из 26) артикулируют значимость этнической идентичности в бытовой, культурной, языковой сфере. Для экспертов этой группы важна дифференцирующая роль этничности, придающая специфику конкретной этнической группе, их тревожит проблема сохранения этничности как механизма социокультурной преемственности. Они акцентируют внимание на угрозах этнической идентичности со стороны «надвигающейся современности» (например, урбанизация) или «большой» русской культуры (русский язык вытесняет этнические языки). Именно данная группа экспертов склонна полагать, что эволюция этничности движется по наклонной, этничность «деградирует», ее значимость для общества и отдельных индивидов постепенно снижается.

Другая группа экспертов (5 из 26) уверена в незыблемости доминирующего положения этнической идентичности: вызовы и угрозы нового мира только укрепляют этническое самосознание.

Важность конфессиональной идентичности отметили 20 экспертов из 26. При этом только эксперты из Дагестана указали на доминирующую роль конфессиональной идентичности для всех слоев населения республики. Эксперты из КЧР, отмечая возрастающее значение конфессиональной идентичности в сознании молодежи, уточняют, что «*религиозная принадлежность никогда не была основным фактором идентичности у народов именно нашего региона*». Эксперты из РИ и ЧР, отмечая фундаментальную важность конфессиональной идентичности для своих республик, на первое место ставят этническую идентичность. Эксперты из КБР констатируют закрепление конфессиональной идентичности на третьем месте в региональной иерархии идентичностей, вслед за общероссийской и этнической. Определенный рост конфессиональной идентичности отмечают эксперты из Ставрополя. Эксперты из Северной Осетии единогласны в том, что в их республике роль религии и конфессиональной идентичности незначительна.

Общероссийские символы и смыслы в социокультурном пространстве Северного Кавказа

Большинство экспертов смогли определить общероссийские ценности и смыслы, которые достаточно устойчивы и выступают «скрепами», цементирующими общероссийскую идентичность на Северном Кавказе: «*справедливость, равенство перед законом*», «*любовь к малой и большой Родине, патриотизм, уважение к старшим, корпоративность, верность делу, свобода*», «*здоровье, дети, работа, образование*», «*достижения в области литературы и искусства, российская история, российские Вооруженные силы, научные и спортивные успехи*», «*щедрость души, ценности семьи и семейных традиций, уважение к старшим, уважение к религии*».

Практически все эксперты в качестве основного событийного символа называют День Победы. По поводу современных событийных символов наиболее полно сформулировал оценку представитель научного сообщества КЧР: «*Солидаризирующими являются такие события, как проведенная в Сочи Олимпиада, воссоединение Крыма с Россией, чемпионат мира по футболу, различные спортивные мероприятия*».

Среди исторических личностей, способных сегодня объединять россиян в одно общество, эксперты традиционно называют: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого и других классиков русской литературы, Ю. А. Гагарина, российских спортсменов, политических руководителей (в том числе Петра I, И. В. Сталина, В. В. Путина). Кроме этого, эксперты практически из всех субъектов называют своих знаменитых земляков (например, Кайсын Кулиева, Алима Кешокова). Большинство символических личностей связаны с прошлым, современный пантеон героев достаточно скромный.

Экспертам также было предложено назвать символы региона, имеющие потенциал стать символами общероссийской идентичности. Выделено восемь фразеологизмов, которые могут быть предложены соответствующим структурам для манифестации их в качестве символов общероссийской идентичности: «Домбай, Теберда – российские здравницы с многолетней историей» (КЧР); «Каспийское море – часть российской флотилии», «Бархан Сары-кум – уникальный и единственный природный объект-дюна в России», «Самурский лес – единственный в России лиановый лес» (РД); «Горнолыжный курорт Домбай – один из старейших в России и известный во всем мире»; «САО РАН в п. Архыз – один из ведущих научных центров России» (КЧР); «Город Грозный – город воинской славы» (ЧР).

В то же время, анализ ответов экспертов позволяет выделить риски и проблемные места конструирования и трансляции «скреп» российского общества. Во-первых, большинство экспертов делегирует полномочия по конструированию общих ценностей государству, не рассчитывая на активную роль институтов гражданского общества в этом процессе. О низкой активности институтов гражданского общества на этом поле свидетельствуют ответы экспертов-представителей НКО – они самые краткие и не содержат развернутых предложений, что свидетельствует либо о недостаточной осведомленности, либо о незаинтересованности в данном процессе. Большая часть экспертов полагают, что самыми важными структурами укрепления общероссийской идентичности на современном этапе являются органы федеральной власти. Практически все представители экспертного сообщества отметили два ключевых агента формирования общероссийской идентичности – СМИ и образование.

Еще один риск связан с тем, что большая часть объединяющего символическо-смыслового поля общероссийской идентичности относится к прошлому, современность представлена фрагментарно, преимущественно связана со спортом.

Заключение

Традиционно анализ структуры идентичностей проводится при помощи массовых опросов. Такие мониторинговые исследования дают информацию о динамике социокультурных идентичностей в различных регионах, однако не могут объяснить особенности идентификационных процессов.

Экспертная оценка свидетельствует об оптимальной для полиэтничного региона иерархии идентичностей жителей Северного Кавказа – незначительном преобладании доли общероссийской идентичности. Значимость этнической и конфессиональной идентичностей в республиках Северного Кавказа признают большинство экспертов. Большая часть экспертов рассматривают этническую идентичность как репрезентацию этничности в бытовой, культурной и языковой сферах и считают, что в перспективе ее значимость будет снижаться; меньшая часть экспертов уверена в самоценности этнической идентичности и ее незыблемости. Значимость конфессиональной идентичности связана, по мнению экспертов, с религиозным ренессансом постсоветского периода и возрождением «традиционного ислама», в частности.

В то же время идентификационные процессы на Северном Кавказе характеризуются разновекторностью. Превалирующая в Чечне и Дагестане конфессиональная идентичность свидетельствует о рисках распространения религиозного фундаментализма в республиках. Самая низкая доля общероссийской идентичности и самая высокая доля этнической в «портфеле» идентичностей жителей Ингушетии свидетельствуют о рисках политизации этничности в республике.

Корректировка региональной политики идентичности должна учитывать имеющуюся неоднородность идентификационной сферы на Северном Кавказе. Ресурсами успешного формирования российской идентичности в полиэтничном сообществе Северного Кавказа, как на региональном, так и на общероссийском уровне, являются актуализация символической политики, политики памяти, инновационные ценностно-смысловые/патриотические проекты, связанные не столько с прошлым, сколько с настоящим и будущим. Следует также активнее вести работу с наполнением смыслом и эмоциональным содержанием государственных праздников новой России; шире использовать практику межрегиональных проектов, связывающих Северный Кавказ с другими регионами России, активнее привлекать к этой работе институты гражданского общества.

Финансовая поддержка

Статья подготовлена в рамках реализации Государственного задания Южного научного центра РАН «Институциональные, исторические и культурные рамки формирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе» (№ 00-21-23, № государственной регистрации 121062800066-6) Программы фундаментальных и прикладных научных исследований РАН «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности».

Список литературы / References

- Авдеев, Е., Воробьев, С. (2021) 'Общероссийская гражданская идентичность молодежи Северного Кавказа: основные вызовы и риски конфликтности', *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 17, том 1, сс. 69–86. DOI: 10.21638/spbu23.2021.106. [Avdeev, E., Vorob'ev, S. (2021) 'All-Russian civic identity of youth in the North Caucasus: main challenges and risks of conflict' [Obshherossijskaja grazhdanskaja identichnost' molodezhi Severnogo Kavkaza: osnovnye vyzovy i riski konfliktnosti], *Political expertise: POLITEX*, 17(1), pp. 69–86. DOI: 10.21638/spbu23.2021.106. (In Russ.)].
- Авксентьев, В. А., Аксиумов, Б. В. (2010) 'Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора', *Социологические исследования*, 12 (320), сс. 18–27 [Avksent'ev, V. A., Aksjumov, B. V. (2010) 'Identity portfolio of youth in the South of Russia in the context of civilizational choice' [Portfel' identichnostej molodezhi Juga Rossii v uslovijah civilizacionnogo vybora], *Sociological Studies*, 12 (320), pp. 18–27. (In Russ.)].
- Авксентьев, В. А., Гриценко Г. Д. (2018) 'Противоречивость этнополитических тенденций на Северном Кавказе: экспертные оценки'. *Гуманитарий Юга России*, 3, том 7, сс. 139–154. DOI: 10.23683/2227-8656.2018.3.11. [Avksentyev, V. A., Gritsenko, G. D. (2018) 'Contradictoriness of ethno-political tendencies in the North Caucasus: expert assessments' [Protivorechivost' jetnopoliticheskikh tendencij na Severnom Kavkaze: jekspertnye ocenki], *Humanities of the South of Russia*, 3(7), pp. 139–154. DOI: 10.23683/2227-8656.2018.3.11. (In Russ.)].
- Адиев, А., Щербина, Е. (2021) 'Общероссийская идентичность на Северном Кавказе: pro et contra', *Вестник российской нации*, 3, сс. 54–63. [Adiev, A., Shherbina, E. (2021) 'All-Russian identity in the North Caucasus: pro et contra' [Obshherossijskaja identichnost' na Severnom Kavkaze: pro et contra], *Bulletin of the Russian nation*, 3, pp. 54–63. (In Russ.)].
- Аликперов, А. К. (2019) 'Проблема формирования российской идентичности в культурно-сложных обществах Северного Кавказа (системно-коммуникационный дискурс)', *Вестник Российской нации*, 1 (65), сс. 45–57. [Alikperov, A. K. (2019) 'The problem of the formation of Russian identity in culturally complex societies of the North Caucasus (system-communication discourse)' [Problema formirovanija rossijskoj identichnosti v kul'turno-slozhnyh obshhestvah Severnogo Kavkaza (sistemno-kommunikacionnyj diskurs)], *Bulletin of the Russian nation*, 1(65), pp. 45–57. (In Russ.)].
- Волков, Ю. Г., Денисова, Г. С., Курбатов, В. И., Сериков, А. В. (2017) 'Общероссийская и этническая идентичность на юге России: соотношение и ресурсы', *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, 4, сс. 156–161. [Volkov, Yu. G., Denisova, G. S., Kurbatov, V. I., Serikov, A. V. (2017) 'All-Russian and Ethnic Identity in the South of Russia: Correlation and Resources' [Obshherossijskaja i jetnicheskaja identichnost' na juge Rossii: sootnoshenie i resursy], *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, 4, pp. 156–161. (In Russ.)].
- Горшков, М. К., Тюрина, И. О. (2018) 'Синтез этнонационального и гражданского как основа российской идентичности', *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: социология*, 1 (18), сс. 44–57. [Gorshkov, M. K., Tjurina, I. O. (2018) 'Synthesis of ethnonational and civil as the basis of Russian identity' [Sintez jetnonacional'nogo i

- grazhdanskogo kak osnova rossijskoj identichnosti], *RUDN Journal of Sociology*, 1(18), pp. 44–57. (In Russ.).
- Делокаров, К. Х., Шадже, А. Ю., Чефранов, С. Г., Куква, Е. С. (2012) 'Российская национальная идентичность на Северном Кавказе: опыт нелинейного моделирования', *Гуманитарий Юга России*, 4, сс. 127–138. [Delokarov, K. Kh., Shadzhe, A. Yu., Chefranov, S. G., Kukva, E. S. (2012) 'Russian national identity in the North Caucasus: experience of nonlinear modeling' [Rossijskaja nacional'naja identichnost' na Severnom Kavkaze: опыт nelinejnogo modelirovaniya], *Humanities of the South of Russia*, 4, pp. 127–138. (In Russ.)].
- Дробищева, Л., Рыжова, С. (2021) 'Общероссийская идентичность в социологическом измерении', *Вестник Российской науки*, 2021, 1–2 (77–78), сс. 39–52. [Drobizheva, L., Ryzhova, S. (2021) 'All-Russian identity in the sociological dimension' [Obshherossijskaja identichnost' v sociologicheskom izmerenii], *Bulletin of the Russian nation*, 1–2 (77–78), pp. 39–52. (In Russ.)].
- Шадже, А. Ю. (ред.) (2010) *Российская идентичность на Северном Кавказе*. Москва: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: ООО «Качество» [Shadzhe, A. Ju. (eds.) (2010) *Russian identity in the North Caucasus* [Rossijskaja identichnost' na Severnom Kavkaze]. Moscow: Social'no-gumanitarnye znaniya; Majkop: ООО «Kachestvo». (In Russ.)].
- Тишков, В. А. (2019) 'Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы', *Вестник российской академии наук*, 4, том 89, сс. 408–412. DOI: 10.31857/S0869-5873894408-412 [Tishkov, V. A. (2019) 'Russia's identity: grand challenges' [Rossijskaja identichnost': vnutrennie i vneshnie vyzovy], *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 4, volume 89, pp. 408–412. DOI: 10.31857/S0869-5873894408-412. (In Russ.)].
- Coakley, J. (2018) 'National identity and the "Kohn dichotomy"', *Nationalities Papers. The Journal of Nationalism and Ethnicity*, 46 (2), pp. 252–271.
- Kuzio, T. (2002) 'The myth of the civic state: a critical survey of Hans Kohn's framework for understanding nationalism', *Ethnic and Racial Studies*, 25 (1), pp. 20–39.
- Lindstam, E., Mader, M. and Schoen, H. (2021) 'Conceptions of National Identity and Ambivalence towards Immigration', *British Journal of Political Science*, 51 (1), pp. 93–114.
- Tabachnik, M. (2019) 'Untangling liberal democracy from territoriality: from ethnic/civic to ethnic/territorial nationalism', *Nations and Nationalism*, 25 (1), pp. 191–207.
- Yack, B. (1996) 'The myth of the civic nation', *Critical Review. A Journal of Politics and Society*, 10 (2), pp. 193–211.

Статья поступила в редакцию: 30.09.2021

Статья поступила в редакцию повторно после доработки: 24.11.2021

Статья принята к печати: 15.01.2022

ALL-RUSSIAN IDENTITY IN THE NORTH CAUCASUS: EXPERT ASSESSMENT

V. A. Avksentev, B. V. Aksiumov, G. D. Gritsenko, S. Yu. Ivanova, M. M. Shulga

V. A. Avksentev, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science «Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences» (SSC RAS).
E-mail: avksentiev@rambler.ru (ORCID: 0000-0003-0762-3529).

B. V. Aksiumov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science «Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences» (SSC RAS).
E-mail: aksbor@mail.ru (ORCID: 0000-0002-0024-7041).

G. D. Gritsenko, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher,

Federal State Budgetary Institution of Science «Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences» (SSC RAS).

E-mail: dissovet@rambler.ru (ORCID: 0000-0001-8281-7409).

S. Yu. Ivanova, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher,
Federal State Budgetary Institution of Science «Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences» (SSC RAS).

E-mail: isu-socf@yandex.ru (ORCID: 0000-0003-2375-6348).

M. M. Shulga, Doctor of Sociology, Professor, Leading Researcher,
Federal State Budgetary Institution of Science «Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences» (SSC RAS).

E-mail: shulgamm@mail.ru (ORCID: 0000-0002-4698-5197).

Abstract

The article presents the results of expert assessment of the state, risks and resources of strengthening the all-Russian identity in federal subjects of the Russian Federation in the North Caucasian Federal District. An in-depth analysis of the “identity portfolio” of the North Caucasian residents reveals the insignificant predominance of the all-Russian identity in the structure of the “identity portfolio”. The authors conclude that, though the existing hierarchy of identities of the North Caucasian population is optimal for a polyethnic region, in modern conditions it is necessary to increase the role of the all-Russian identity as an integrating component. The multi-vector nature of the formation and strengthening of the all-Russian identity in the North Caucasian republics and Stavropol Krai at the level of the federal subjects are shown, and this requires a correction of the regional identity policy. It is concluded that the main subject of the formation of the all-Russian identity is state institutions. To increase the effectiveness of identity policy in the region the symbolic component of identity policy should be intensified, civil society should be involved in this work at a much larger scale and the resources of cultural and educational institutions should be used more actively.

Keywords: “identity portfolio”; all-Russian identity; ethnic identity; religious identity; all-Russian symbols and meanings; North Caucasus; expert assessment.

Acknowledgements: The article was prepared as part of the implementation of the State task of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences "Institutional, historical and cultural framework for the formation of an all-Russian identity in the North Caucasus" (№ 00-21-23, state registration No. 121062800066-6) of the Program of Fundamental and Applied Scientific Research of the Russian Academy of Sciences "Ethnocultural Diversity of Russian Society and the Strengthening of All-Russian Identity".

УДК-324:354(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-1-125-135

**ИССЛЕДОВАНИЕ СОВМЕЩЕННЫХ ВЫБОРОВ: ЗА КОГО ГОЛОСОВАЛИ
ИЗБИРАТЕЛИ ПАРТИИ «НОВЫЕ ЛЮДИ» ПРИ ОТСУТСТВИИ ПАРТИИ В БЮЛЛЕТЕНЕ**

А. Е. Любарев

Любарев Аркадий Ефимович, кандидат юридических наук, генеральный директор,
ООО «Честные выборы», Россия, Москва.
E-mail: lyubarev@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-8527-8818).

**ДАННЫЙ МАТЕРИАЛ СОЗДАН И РАСПРОСТРАНЕН ЛИЦОМ, ВКЛЮ-
ЧЕННЫМ В РЕЕСТР ИНОСТРАННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМА-
ЦИИ, ВЫПОЛНЯЮЩИХ ФУНКЦИИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА**

Аннотация

Обсуждается генезис электората партии «Новые люди», прошедшей в Государственную думу восьмого созыва. С этой целью анализируется, за какие партии голосовали избиратели, поддержавшие на думских выборах партию «Новые люди», в тех случаях, когда в региональных выборах эта партия не участвовала. Для анализа отобраны восемь таких регионов, где партия «Новые люди» получила на думских выборах более 6% голосов. Методами корреляционного и регрессионного анализа проверялась связь между результатом партии «Новые люди» на думских выборах и разностью результатов на региональных и думских выборах партий, участвовавших в обеих кампаниях. Полученные результаты свидетельствуют, что у электората партии «Новые люди» не было доминирующего предпочтения для «второго выбора» – они голосовали практически за все партии, представленные в региональном бюллетене. При этом в разных регионах у избирателей партии «Новые люди» были различные приоритеты в отношении «второго выбора». Тем не менее, для значительной части избирателей партии «Новые люди» наиболее предпочтительным было голосование за «Справедливую Россию» и «Российскую партию пенсионеров за социальную справедливость».

Ключевые слова: совмещенные выборы; выборы в Государственную думу; региональные выборы; партия «Новые люди»; корреляционный анализ; регрессионный анализ; «всеядные» партии.

Главным итогом прошедших в 2021 г. выборов в Государственную думу стало прохождение в федеральный парламент партии «Новые люди». Впервые после 2003 г. в Думе появилась пятая партия, к тому же имеющая имидж более правой, чем «Единая Россия» (Галимова, 2021; Кынев, 2021б). Партия эта была создана только в 2020 г., но успела себя зарекомендовать на региональных выборах в сентябре 2020 г. (Любарев 2020; Шпагин 2021). Тем не менее, ее электорат пока мало исследован.

Полезным инструментом в изучении электорального поведения избирателей является анализ совмещенных выборов, когда одновременно на одной территории проводятся выборы разного уровня, особенно если при этом применяется пропорциональная избирательная система (Любарев, Ковин¹, 2017; Любарев, 2021а; Любарев, 2021б: 42–49). В этом отношении выборы, прошедшие в сентябре 2021 г., дают богатую пищу для анализа, поскольку одновременно с выборами в Государственную думу проходили по партийным спискам выборы 39 региональных парламентов, 9 представительных органов региональных центров и еще ряд муниципальных выборов.

Партия «Новые люди» принимала участие в сентябре 2021 г. в выборах 22 региональных парламентов. В остальных 17 регионах она либо не выдвигала список, либо ее список получил отказ в регистрации. В результате в этих 17 регионах избиратели, голосовавшие за партию «Новые люди» на выборах в Государственную думу, на региональных выборах были вынуждены голосовать за другую

© Любарев А. А., 2022

¹ Иностранное средство массовой информации, выполняющее функции иностранного агента (включен в Реестр Минюста РФ 29.09.21).

партию или делать бюллетень недействительным (случаи отказа в получении бюллетеня, по нашему опыту, крайне редки, как и случаи уноса бюллетеня). Мы исходим из того, что для большинства избирателей выборы в Государственную думу были важнее региональных, и потому первичным был выбор по думскому бюллетеню.

Таким образом, мы можем сопоставить данные о голосовании в этих регионах за партию «Новые люди» на выборах в Государственную думу с разностью между итогами голосования на региональных и федеральных выборах за партии, участвовавшие в обеих кампаниях, и такое сопоставление даст нам некоторую информацию об электорате новой партии. Эта задача решается с помощью корреляционного и регрессионного анализа, аналогично тому, как это сделано в предыдущих работах (Любарев, Ковин, 2017; Любарев, 2021а).

Выбор объектов и методика

Из 17 субъектов Российской Федерации, где партия «Новые люди» не участвовала в выборах региональных парламентов, мы выбрали 8 регионов, в которых «Новые люди» получили на выборах в Государственную думу более 6% голосов от числа принявших участие в голосовании. Это Алтайский край, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Оренбургская и Тверская области, а также Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (ХМАО). В каждом из этих регионов мы отобрали еще один или несколько городов и районов, где есть достаточное для анализа число участковых избирательных комиссий (УИК) и «Новые люди» получили хороший результат. Это региональные центры Барнаул, Вологда, Калининград, Мурманск, Оренбург и Тверь, крупные города Бийск, Рубцовск (Алтайский край), Череповец (Вологодская область), Орск, Новотроицк (Оренбургская область), Нижневартовск и Сургут (ХМАО), а также крупные районы Первомайский, Шипуновский (Алтайский край), Вологодский, Сокольский (Вологодская область), Кировский (Ленинградская область) и Удомельский (Тверская область).

Для анализа использовались данные об итогах голосования, размещенные на официальном портале ЦИК России, по избирательным участкам (<http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom>). Для регионов мы также получали суммированием итоги голосования по территориальным избирательным комиссиям (ТИК). При этом сразу исключались те участки, где избиратели голосовали только на выборах в Государственную думу, а также участки дистанционного электронного голосования (последнее относится только к Мурманской области).

Для всех восьми выбранных регионов вычислялись как по ТИК, так и по УИК коэффициенты корреляции между результатом партии «Новые люди» на выборах в Государственную думу и разностью между результатами на региональных и федеральных выборах партий, участвовавших в обеих кампаниях (в процентах от числа проголосовавших избирателей). Также с учетом УИК вычислялись коэффициенты корреляции для всех выбранных городов и районов. Для тех случаев, когда были получены высокие значения коэффициента корреляции, мы далее строили регрессионные зависимости разности результатов партий от результата партии «Новые люди».

Результаты

В выборах региональных парламентов обсуждаемых субъектов Федерации принимали участие от пяти до восьми партий. Помимо четырех парламентских партий в Ленинградской области принимала участие также РОДП «Яблоко», в Мурманской и Оренбургской областях – Российская партия пенсионеров за социальную справедливость (РППСС), в Алтайском крае – «Яблоко» и «Коммунисты России», в Вологодской области – «Яблоко» и РППСС, в Калининградской и Тверской областях – «Яблоко», РППСС, «Коммунисты России» и «Родина», в ХМАО – РППСС, «Коммунисты России», «Родина» и Российская партия свободы и справедливости (РПСС).

В таблице 1 для выбранных регионов представлены результаты партии «Новые люди» на выборах в Государственную думу и разность результатов между региональными и думскими выборами для шести основных партий. Не приведены данные партии «Яблоко», у которой разность нигде не превышала 1,4%, партии «Родина», у которой в Тверской области разность составила 2,2%, а в двух других регионах была менее 1%, и РПСС, у которой разность в ХМАО составила 1,1%.

Как видно из приведенных данных, в большинстве случаев разность положительна, то есть результаты партий на региональных выборах лучше, чем на думских. Это, по-видимому, связано с наличием в бюллетене по думским выборам дополнительно от шести до девяти партий, чьи голоса на

региональных выборах достались партиям, участвовавшим в региональных выборах. Исключения – «Единая Россия» в двух и КПРФ в четырех регионах.

Поиск причин отрицательной разности выходит за рамки настоящей статьи, однако в отношении КПРФ, как минимум в трех регионах, объяснение лежит на поверхности. Напомним, что на думских выборах у КПРФ был первый номер в бюллетене. А на региональных выборах в Алтайском крае, Калининградской области и ХМАО первый номер имели «Коммунисты России» (при этом в Калининградской области и ХМАО у КПРФ был второй номер, а в Алтайском крае – четвертый), в Тверской области у «Коммунистов России» был второй номер, а у КПРФ – четвертый. Именно сочетание этих обстоятельств и сыграло свою роль. Как мы видим, в Алтайском крае, где КПРФ была сильнее всего отдалена в бюллетене от «Коммунистов России», последние получили на региональных выборах небывалый результат (12,1%), на 9,9% превысивший их результат в крае на думских выборах. При этом коэффициент корреляции между потерями КПРФ и добавкой «Коммунистов России» в разрезе ТИК, составил 0,86, а в разрезе УИК – 0,79, что подтверждает гипотезу о том, что потери КПРФ связаны в основном с голосованием за «Коммунистов России». Очевидно, значительная часть избирателей КПРФ на региональных выборах по ошибке проголосовала за первый номер, не разглядев, что на этом месте отмечена другая партия. Впрочем, по мнению А.В. Кынева (Кынев, 2021б: 38–39), играли роль и другие факторы: опора «Коммунистов России» на местные кадры и активная агитационная кампания. В трех других регионах меньше как потери КПРФ, так и «добавка» «Коммунистов России», но коэффициенты корреляции тоже высокие (так, в разрезе УИК в Калининградской области – 0,72, в Тверской области – 0,70, в ХМАО – 0,43).

Таблица 1

Сравнение итогов голосования на региональных и думских выборах 2021 г. для восьми регионов, %

Регион	Результат партии «Новые люди»	Разность между результатами региональных и думских выборов					
		ЕР	КПРФ	ЛДПР	СР	РПССС	КР
Алтайский край	6,1	1,1	-6,8	1,5	3,7	—	9,9
Вологодская область	7,6	1,3	2,8	2,1	2,0	3,4	—
Калининградская область	6,5	0,5	-2,1	1,3	1,9	2,6	3,1
Ленинградская область	6,6	3,5	2,2	2,3	5,4	—	—
Мурманская область	7,9	-0,6	1,6	1,7	5,	5,5	—
Оренбургская область	6,0	1,1	2,9	1,1	2,5	3,1	—
Тверская область	6,6	0,0	-1,5	1,4	1,2	2,2	2,5
Ханты-Мансийский АО	6,4	-2,1	-0,5	2,3	1,9	3,4	2,1

Сокращения: ЕР – «Единая Россия», СР – «Справедливая Россия», РПССС – Российская партия пенсионеров за социальную справедливость, КР – «Коммунисты России».

Не видя в региональном бюллетене названия партии, за которую избиратель голосовал на думских выборах, он мог не только проголосовать за одну из указанных партий, но и сделать бюллетень недействительным. Однако разница в доле недействительных бюллетеней между региональными и думскими выборами оказалась невелика: только в Мурманской области она составила 1,3%, а в остальных регионах была менее 1%.

Что касается голосов за партии, которые участвовали только в думских выборах, то везде, кроме Ленинградской области, большая их часть досталась партии «Новые люди» (в Ленинградской области сумма голосов за остальные восемь партий составила 9,0%). РЭП «Зеленые» получила в Мурманской области 1,3%, в остальных регионах – менее 1%. «Зеленая альтернатива» и «Яблоко» там же получили по 1,0%, в остальных регионах меньше. РПССС нигде не получила более 1%, Партия Роста – более 0,7%, «Гражданская платформа» – более 0,3%. Лучше результаты у «Коммунистов России» (от 1,5 до 2,1%) и у РПССС (2,6% в Алтайском крае и 3,0% – в Ленинградской области).

Таким образом, интересно отметить, кому были отданы голоса тех избирателей, которые на думских выборах голосовали за партию «Новые люди». Как видно из табл. 1, эти голоса не могли достаться только одной партии, они распределились между несколькими партиями. При этом можно

было заранее предполагать, что большая их часть досталась «Справедливой России» и РППСС, у которых в большинстве регионов была наибольшая «прибавка».

Чтобы разобраться в этом вопросе, мы вычислили коэффициенты корреляции (в разрезе ТИК и УИК) между результатами партии «Новые люди» и разностью результатов партий, участвовавших как в думских, так и региональных выборах в данном регионе, а также с разностью доли недействительных бюллетеней. В разрезе УИК значения коэффициентов получились в основном невысокие, но в большинстве случаев значимые, поскольку для значительного числа наблюдений (а наименьшее число УИК в Мурманской области – 578) 5%-ный уровень значимости имеют даже коэффициенты, меньшие 0,1. Незначимыми оказались лишь корреляции с КПРФ в ХМАО, в Калининградской и Тверской областях, ЛДПР в ХМАО и «Коммунистами России» в Алтайском крае. Наиболее высокие коэффициенты отмечены в Алтайском крае (0,484), Калининградской (0,320), Мурманской (0,256) и Оренбургской (0,479) областях у «Справедливой России», в Вологодской (0,331) и Ленинградской (0,328) областях у «Единой России», в Тверской области – у «Родины» (0,298), в ХМАО – у РППСС (0,453).

В таблице 2 показаны коэффициенты корреляции в разрезе ТИК. Мы видим, что в большинстве регионов получаются значимые корреляции у «Справедливой России», РППСС, РОДП «Яблоко», «Родины» и недействительных бюллетеней, в половине регионов – у «Единой России» и ЛДПР.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции между результатами партии «Новые люди» на выборах в Государственную думу и разностью результатов других партий и недействительных бюллетеней на региональных и думских выборах в разрезе ТИК

Партии	Алтайский край	Вологодская область	Калининградская область	Ленинградская область	Мурманская область	Оренбургская область	Тверская область	ХМАО
Число ТИК	75	28	24	18	17	47	45	22
«Единая Россия»	0,166	0,560	0,057	0,587	0,518	-0,099	0,285	0,578
КПРФ	0,348	0,294	0,271	0,547	-0,067	0,469	-0,033	-0,263
ЛДПР	0,712	0,638	0,513	0,352	0,077	0,296	0,242	-0,323
«Справедливая Россия»	0,731	0,693	-0,053	0,433	0,247	0,784	0,547	0,652
«Яблоко»	0,733	0,655	0,546	0,433	—	—	0,528	—
«Коммунисты России»	-0,129	—	-0,129	—	—	—	0,446	0,817
РППСС	—	0,669	0,613	—	0,320	0,777	0,511	0,623
«Родина»	—	—	0,675	—	—	—	0,573	0,733
РПСС	—	—	—	—	—	—	—	0,595
Недействительные бюллетени	0,426	0,413	0,398	0,126	-0,328	0,810	0,379	0,802

Примечание: жирным шрифтом выделены значимые коэффициенты корреляции (5%-ный уровень значимости).

Как и в разрезе УИК, с «Единой Россией» достаточно высокая корреляция в Вологодской, Ленинградской, Мурманской областях и ХМАО, с КПРФ – в Алтайском крае, Ленинградской и Оренбургской областях, с ЛДПР в Алтайском крае, Вологодской и Калининградской областях, со «Справедливой Россией» – в Алтайском крае, Вологодской и Оренбургской областях, с РППСС – в Вологодской, Калининградской, Оренбургской областях и ХМАО, с «Коммунистами России» – в Тверской области и ХМАО, с недействительными бюллетенями – в Оренбургской области и ХМАО. Та-

ким образом, мы видим региональную специфику, связанную, по-видимому, с разным позиционированием партий в регионах.

Также есть специфика у исследованных нами 13 крупных городов и шести крупных районов. Почти во всех случаях значимые корреляции обнаружались не менее чем с двумя партиями (либо с партией и недействительными бюллетенями). Единственное исключение – Кировский район Ленинградской области, где значимая корреляция (и довольно высокая – 0,863) получилась лишь с «Единой Россией». Наиболее высокие коэффициенты оказались в Мурманске (0,286), в Вологодском (0,464) и Сокольском (0,703) районах Вологодской области с «Единой Россией», в Рубцовске (0,380) и Удомельском районе Тверской области (0,389) с ЛДПР, в Бийске (0,549) и Шипуновском районе (0,604) Алтайского края, Вологде (0,462), Калининграде (0,346), Оренбурге (0,561), Новотроицке (0,497) и Сургуте (0,369) – со «Справедливой Россией», в Барнауле (0,398) и Первомайском районе (0,528) Алтайского края – с РОДП «Яблоко», в Твери – с «Коммунистами России» (0,360), в Череповце – с РППСС (0,369), в Орске (0,420) и Нижневартовске (0,354) – с недействительными бюллетенями.

Коэффициенты корреляции говорят только о взаимосвязи переменных: из их величин нельзя понять, какая часть голосов перешла от одной партии к другой. Для решения этого вопроса был использован регрессионный анализ. Мы провели его для трех регионов, где коэффициенты корреляции самые высокие, – Алтайский край, Оренбургская область и ХМАО. Наиболее наглядные результаты мы получили по Алтайскому краю в разрезе ТИК. Рисунок 1 показывает зависимость разности между результатами краевых и думских выборов для ЛДПР, «Справедливой России» и РОДП «Яблоко» от результата партии «Новые люди» на думских выборах. Все три зависимости удовлетворительно описываются регрессионными прямыми, пересекающими ось ординат близко к началу координат, то есть связь между переменными практически прямо пропорциональна. Отдельно мы вычислили коэффициенты регрессии для варианта, когда свободный член (отрезок, отсекаемый регрессионной прямой на оси ординат) равен 0. Результаты представлены в табл. 3.

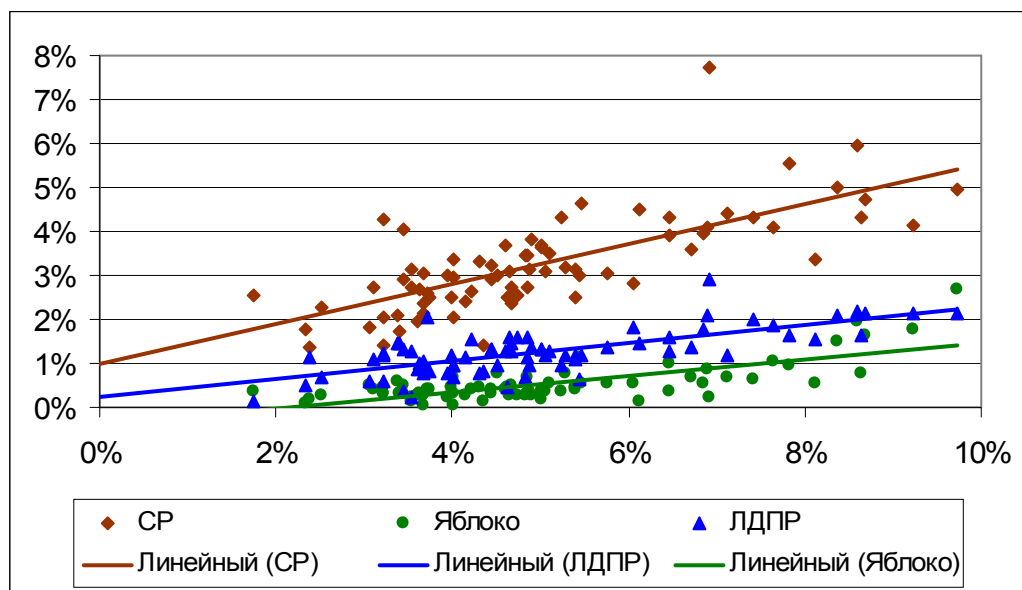

Рис. 1. Зависимость разностей результатов трех партий на выборах Алтайского краевого Законодательного собрания и выборах в Государственную думу от результатов партии «Новые люди» на выборах в Государственную думу. Точки – территории Алтайского края

Параметры корреляции и регрессии зависимостей разности результатов трех партий на выборах Алтайского краевого Законодательного собрания и выборах в Государственную думу от результатов партии «Новые люди»

Параметр		ЛДПР	«Справедливая Россия»	РОДП «Яблоко»
Коэффициент корреляции		0,71	0,73	0,73
Регрессия	наклон	0,205	0,456	0,185
	отрезок	0,2%	1,0%	-0,4%
	наклон при нулевом отрезке	0,245	0,628	0,115
Разность		1,63%	3,83%	0,73%
Результат НЛ * наклон при нулевом отрезке		1,49%	3,82%	0,70%

Как видно из таблицы, если считать наклон при нулевом отрезке показателем, характеризующим долю голосов, поданных за соответствующую партию на краевых выборах избирателями, голосовавшими на думских выборах за партию «Новые люди», то получится, что почти вся прибавка у ЛДПР, «Справедливой России» и РОДП «Яблоко» получена за счет избирателей партии «Новые люди». С другой стороны, сумма трех коэффициентов наклона равна 0,987, то есть наша модель показывает, что 98,7% избирателей, голосовавших за партию «Новые люди» на думских выборах, на краевых выборах голосовали за ЛДПР, «Справедливую Россию» или РОДП «Яблоко».

Более сложная картина получается в Оренбургской области и ХМАО. В Оренбургской области из значений коэффициентов корреляции и разностей результатов можно предполагать, что избиратели, поддержавшие на думских выборах партию «Новые люди», на областных выборах голосовали за КПРФ, «Справедливую Россию» и РППСС. В отношении ХМАО наше предположение состоит в том, что эти избиратели на окружных выборах голосовали за «Справедливую Россию», РППСС, «Коммунистов России», «Родину» и РПСС, а также делали бюллетени недействительными.

Однако сумма коэффициентов регрессии при нулевом свободном члене для указанных трех партий в Оренбургской области составила 1,43, а в ХМАО для указанных пяти партий и недействительных бюллетеней – 1,49. Это, по-видимому, связано с тем, что за те же в основном партии на областных и окружных выборах голосовали и избиратели, поддержавшие на думских выборах другие партии, не участвовавшие в региональных выборах. Действительно, у партии «Новые люди» в Оренбургской области высокая корреляция с РЭП «Зеленые», «Зеленой альтернативой», РОДП «Яблоко», «Родиной» и РПСС, а в ХМАО – также с РЭП «Зеленые» и «Зеленой альтернативой» (в меньшей степени с РОДП «Яблоко» и Партией Роста). При этом в Оренбургской области сумма голосов за три указанные партии составила 47% от числа голосов за «Новых людей», и в ХМАО за четыре указанные партии также 47%.

В силу этих обстоятельств оценки перехода голосов для Оренбургской области и ХМАО получаются менее точными. Тем не менее, если мы разделим полученные нами коэффициенты регрессии на 1,47, получится, что в Оренбургской области 36% избирателей партии «Новые люди» голосовали за РППСС, 34% – за КПРФ и 27% за «Справедливую Россию», а в ХМАО 38% голосовали за РППСС, 23% за «Коммунистов России», 17% за «Справедливую Россию», 10% за РПСС, 8% за «Родину», и еще 7% сделали бюллетень недействительным. Разумеется, числа эти являются весьма приблизительными, но они показывают порядок величин.

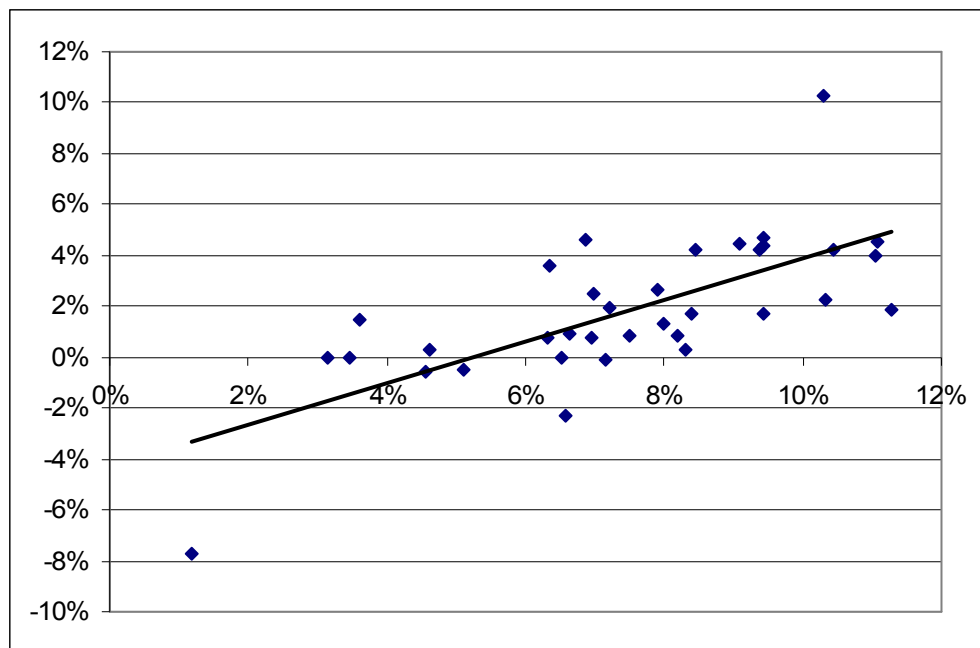

Рис. 2. Зависимость разности результатов «Единой России» на выборах Законодательного собрания Вологодской области и выборах в Государственную думу от результата партии «Новые люди» на выборах в Государственную думу. Точки – избирательные участки Сокольского района Вологодской области

Из исследованных городов и районов наиболее высокие коэффициенты корреляции у партии «Новые люди» обнаружались с «Единой Россией» в Кировском районе Ленинградской области и Сокольском районе Вологодской области. Однако в первом случае существенную роль сыграли четыре избирательных участка с результатами, сильно отличавшимися от остальных: 39–41% за партию «Новые люди» и 29–44% разница в результатах «Единой России». В Сокольском районе результаты более равномерные (см. рис. 2). Но и здесь пришлось при расчете регрессии исключить три избирательных участка: на одном разница в числе проголосовавших составила 51 человек (на остальных эта разность не превышала 6), на двух была аномальная разность у «Единой России»: +10,3% (участок образован в местах временного пребывания избирателей) и -7,8% (несколько небольших деревень); на обоих голосовало небольшое число избирателей.

По оставшимся 32 участкам коэффициент регрессии при нулевом свободном члене получился 0,27, и отношение разности результатов «Единой России» (2,1%) к результату партии «Новые люди» (8,0%) составило 0,27. Из этого можно сделать вывод, что 27% избирателей Сокольского района, поддержавших на думских выборах партию «Новые люди», на областных выборах проголосовали за «Единую Россию».

Обсуждение результатов

Прохождение партии «Новые люди» в Государственную думу не стало полной неожиданностью. После сентябрьских выборов 2020 г., на которых «Новые люди» прошли в региональные парламенты всех четырех регионов, где они были в бюллетене, прогнозы об их возможном (но не гарантированном) прохождении в Думу высказывались не раз (Коргунюк, 2020; Мельникова, 2020; Шпагин, 2021). В ходе думской кампании данные ведущих социологических центров говорили о том, что партия находится на грани барьера, ближе ко дню голосования обещали, что она преодолет барьер, но одновременно ряд представителей внесистемной оппозиции вели активную агитацию с призывом не голосовать за нее, уверяя, что она не пройдет (Кынев 2021б: 1, 4).

Успех партии был, в первую очередь, обусловлен запросом значительной части избирателей на новых политиков, и этому запросу идеально соответствовало название партии. Появление этого умеренно либерального проекта было санкционировано властью с целью дать некоторую возможность представленности в политике оппозиционно настроенного городского образованного избирателя. При этом партия была обеспечена финансово и вела активную агитационную кампанию с лета 2020 г.; по упоминаемости в медиа она к концу избирательной кампании входила в тройку лидеров вместе

с КПРФ и «Единой Россией», при этом была лидером позитивных упоминаний (Кынев, 2021б: 4, 53–55; Миронова 2020). Партия позиционировала себя так, чтобы привлечь разные группы электората: «Мы-то никакая не либеральная партия, и никакая не буржуазная... мы партия очень широкая. Мы партия обновления страны... Мы партия сообществ» (Копелевич, 2021). Таким образом, партию можно отнести к типу «всеядных» (catch-all party) при всей условности этого термина (Kirchheimer, 1966; Коргунюк, 2007: 17). Впрочем, программа партии содержит ряд положений либерального характера: «Выборность и конкурентность – в политике. Повышение доходов людей и развитие предпринимательства – в экономике. Свобода слова и собраний – в общественной жизни» (Программа партии, б.д.), но сами лидеры подчеркивали, что это демократические, а не либеральные лозунги (Копелевич, 2021). При этом эксперты отмечали, что «Новые люди» – это не идеологическая сила, а политтехнологический проект с привлекательным брендом (Галимова, 2021).

В этом контексте возникает вопрос, за счет электората каких партий «Новые люди» получили столь ощутимую поддержку. Сразу после выборов высказывались разные мнения. Так, один эксперт предположил, что «Новые люди» отнимали голоса у всей парламентской четверки; по мнению другого, они отняли голоса у ЛДПР (Галимова, 2021). Сравнительное исследование итогов голосования на думских выборах 2016 и 2021 гг. в Красноярском крае показало, что в электорате партии «Новые люди» значительна доля тех, кто на прошлых выборах голосовал за «Патриотов России». Однако Красноярский край в этом отношении специфичен: здесь в 2016 г. «Патриоты России» получили 5,1% (первое место по стране), в то время как в подавляющем большинстве регионов – менее 1%. Более слабая связь у партии «Новые люди» в южных и центральных частях края оказалась с разницей результатов (2021 г. минус 2016 г.) КПРФ и «Справедливой России», а в северных – с разницей результатов ЛДПР (Журибеда, 2021). По России в целом такие исследования пока не проведены.

В настоящей работе была поставлена более простая задача – оценить, за кого голосовали избиратели партии «Новые люди» в тех случаях, когда в бюллетене по региональным выборам этой партии не было. Иными словами, к каким партиям «Новые люди» оказались наиболее близки по мнению их избирателей? На материале восьми регионов мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, у электората партии «Новые люди» не было доминирующего предпочтения для «второго выбора» – они голосовали за разные партии, практически за все партии, представленные в региональном бюллетене. Во-вторых, в разных регионах у избирателей партии «Новые люди» были различные приоритеты в отношении «второго выбора». В этом плане ситуация с этой партией похожа на ситуацию с блоком «Родина», так же неожиданно «ворвавшимся» в Государственную думу в 2003 г. Расчеты показали, что блок сумел привлечь на свою сторону части электората практически всех основных участников выборов 1999 г. (Мягков и др., 2004: 669; Любарев, 2021б: 74–75).

Тем не менее, видно, что для значительной части избирателей партии «Новые люди» наиболее предпочтительным было голосование за «Справедливую Россию» и РППСС. И это, по-видимому, не случайно. «Справедливая Россия» давно имеет признаки «всеядной партии» (Кынев, Любарев, 2011: 747–749). Ее также часто именуют «партией второго выбора», поскольку она часто получала существенную поддержку избирателей, протестно настроенных, но не являющихся твердыми сторонниками какой-либо конкретной партии (Кынев, 2021а: 150). Похожие характеристики и у РППСС, которая также перед началом кампании рассматривалась как партия, имеющая шансы на прохождение в Думу (Кынев, 2021б: 6; Шпагин, 2021). В то же время в Вологодской и Ленинградской областях существенная часть избирателей партии «Новые люди» голосовала на региональных выборах за «Единую Россию». По-видимому, эта часть не воспринимала новую партию как оппозиционную, а лишь как «филиал партии власти».

Автор благодарит С. А. Шпилькина и А. Ю. Бузина за помощь в получении данных по итогам голосования на выборах 2021 г.

Список литературы / References

- Галимова, Н. (2021) 'В Думу проник пятый элемент', *РБК*, 20.09. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2021/09/21/6148a6729a7947a278121e2d> (дата обращения: 14.12.2021). [Galimova, N. (2021) 'The fifth element has penetrated the Duma' [V Dumu pronik pyaty element], *RBC*, 20.09. Available at: <https://www.rbc.ru/newspaper/2021/09/21/6148a6729a7947a278121e2d> (Accessed: 14 December 2021) (In Russ.)].
- Журибеда, К. О. (2021) 'Электоральные характеристики Красноярского края по итогам выборов депутатов Государственной Думы в 2016 и 2021 годах', *Электоральная политика*, 2 (6). URL: <http://electoralpolitics.org/ru/articles/elektoralnye-kharakteristiki-krasnoarskogo-kraia-po-itogam-vyborov-deputatov-gosudarstvennoi-dumy-v-2016-i-2021-godakh/> (дата обращения: 14.12.2021). [Zhuribeda, K. O. (2021) 'Electoral characteristics of the Krasnoyarsk Territory based on the results of the elections of deputies of the State Duma in 2016 and 2021' [Elektoralnye kharakteristiki krasnoarskogo kraia po itogam vyborov deputatov gosudarstvennoi dumy v 2016 I 2021 godakh], *Electoral Politics*, 2 (6). Available at: <http://electoralpolitics.org/en/articles/elektoralnye-kharakteristiki-krasnoarskogo-kraia-po-itogam-vyborov-deputatov-gosudarstvennoi-dumy-v-2016-i-2021-godakh/> (Accessed: 14 December 2021) (In Russ.)].
- Копелевич, И. (2021) 'Алексей Нечаев, лидер партии «Новые люди»: «Мы страна взрослых людей, хватит нас считать детишками»', *BFM*, 13.08. URL: <https://www.bfm.ru/news/478969> (дата обращения: 14.12.2021). [Kopelevich, I. (2021) 'Alexey Nechaev, leader of the New People Party: "We are a country of adults, stop counting us as kids"' [Alekssei Nechaev, lider partii "Novye lyudi": "My strana vzroslykh lyudei, khvatit nas schitat detishkami"], *BFM*, 13.08. Available at: <https://www.bfm.ru/news/478969> (Accessed: 14 December 2021) (In Russ.)].
- Коргунюк, Ю. Г. (2007) *Становление партийной системы в современной России*. Москва: Фонд ИНДЕМ, МГПУ. [Korgunyuk, Yu. G. (2007) *The formation of the party system in modern Russia* [Stanovlenie partiinoi sistemy v sovremennoi Rossii]. Moscow: INDEM Foundation, MGPU. (In Russ.)].
- Коргунюк, Ю. Г. (2020) 'Партийная система России накануне думских выборов 2021 года' в: Пупыкин, Р. А., Пилюгина, К. П. (ред.) *X Юбилейный Южно-российский политологический конвент «Политическая власть в условиях социальной турбулентности: региональные и глобальные аспекты»*. Материалы Всероссийской онлайн-конференции с международным участием. Ростов-на-Дону, сс. 78–82. [Korgunyuk, Yu. G. (2020) 'The party system of Russia on the eve of the Duma elections of 2021' [Partiinaya sistema Rosii nakanune dumskikh vyborov 2021 goda] in: Pupykin, R. A., Pilyugina, K. P. (eds) *X Jubilee South-Russian Political Science Convention "Political Power in conditions of social turbulence: regional and global aspects"*. Materials of the All-Russian online conference with international participation. Rostov-on-Don, pp. 78–82. (In Russ.)].
- Кынев, А. В. (2021а) *Выборы региональных парламентов в России 2014–2020: Новая департизация и Управляемая партийность 2.0*. Москва: Либеральная миссия. URL: <https://liberal.ru/library/vybory-regionalnyh-parlamentov-v-rossii-2014-2020?download=31438> (дата обращения: 14.12.2021). [Kynev, A. V. (2021a) *Elections of regional parliaments in Russia 2014–2020: New Departisation and Managed Partisanship 2.0* [Vybory regionalnykh parlamentov v Rossii 2014–2020. Novaya departizatsiya i Upravlyaemaya partiinost 2.0]. Moscow: Liberal Mission. Available at: <https://liberal.ru/library/vybory-regionalnyh-parlamentov-v-rossii-2014-2020?download=31438> (Accessed: 14 December 2021). (In Russ.)].
- Кынев, А. (2021б) 'Общие итоги выборов и избирательной кампании–2021'. *Фонд Либеральная миссия*, 06.12. URL: <https://liberal.ru/reports/obshhie-itogi-elektoralnyh-rezultatov-izbiratelnoy>

- kampanii-2021?download=32099 (дата обращения: 14.12.2021). [Kynev, A. (2021b) 'General results of election and election campaign–2021' [Obshchie itogi vyborov i izbiratelnoi kampanii–2021], *Liberal Mission Foundation*, 06.12. Available at: <https://liberal.ru/reports/obshhie-itogi-elektoralnyh-rezultatov-izbiratelnoj-kampanii-2021?download=32099> (Accessed: 14 December 2021) (In Russ.)].
- Кынев, А. В., Любарев, А. Е. (2011) *Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция*. Москва: Либеральная миссия, НЛО. [Kynev, A. V., Lyubarev, A. E. (2011) *Parties and Elections in Modern Russia: Evolution and Devolution* [Partii i vybory v sovremennoi Rossii: Evolyutsiya i devilyutsiya]. Moscow: Liberal Mission, NLO (In Russ.)].
- Любарев, А. Е. (2020) 'Российская партийная система после реформы 2012 года', *Электоральная политика*, 2 (4). URL: <http://electoralpolitics.org/ru/articles/rossiiskaia-partiinaia-sistema-posle-reformy-2012-goda/> (дата обращения: 14.12.2021). [Lyubarev, A. E. (2020) 'Russia's Party System Following the 2012 Reform' [Rossiyskaya partiynaya sistema posle reformy 2012 goda], *Electoral Politics*, 2 (4). Available at: <http://electoralpolitics.org/en/articles/rossiiskaia-partiinaia-sistema-posle-reformy-2012-goda/> (Accessed: 14 December 2021) (In Russ.)].
- Любарев, А. Е. (2021а) 'Исследование совмещенных выборов: региональные и муниципальные выборы 2020 г.', *Вестник Пермского университета. Политология*, 2, сс. 96–109. [Lyubarev, A. E. (2021a) 'The study of combine elections: regional and municipal elections in 2020' [Issledovanie sovmeshchennykh vyborov: regionalnye i munitsipalnye vybory 2020 g.], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2, pp. 96–109. (In Russ.)].
- Любарев, А. Е. (2021б) *Занимательная электоральная статистика*. Москва: Голос консалтинг [Lyubarev, A. E. (2021b) *Entertaining electoral statistics* [Zanimatel'naya elektoral'naya statistika]. Moscow: Golos consulting (In Russ.)].
- Любарев, А. Е., Ковин, В. С. (2017) 'Исследование совмещенных выборов: политические партии на выборах 2016 г. в Пермском крае', *Вестник Пермского университета. Политология*, 1, сс. 164–183. [Lyubarev, A. E., Kovin, V. S. (2017) 'The study of combine elections: Political Parties in the Perm Region Elections of 2016' [Issledovanie sovmeshchennykh vyborov: politicheskie partii na vyborakh 2016 g. v Permskom krae], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 1, pp. 164–183. (In Russ.)].
- Мельникова, А. (2020) '«Санитарно-канализационная функция». Зачем Кремлю перед выборами Госдумы нужны малые партии', *Znak*, 02.12. URL: https://www.znak.com/2020-12-02/zachem_kremlyu_pered_vyborami_gosdumy_nuzhny_malye_partii (Дата обращения: 14 декабря 2021). [Melnikova, A. (2020) "«Sanitary and sewer function». Why does the Kremlin need small parties before the State Duma elections' ["Sanitarno-kanalizatsionnaya funktsiya". Zachem Kremlyu pered vyborami Gosdumy nuzhny malye partii], *Znak*, 02.12. Available at: https://www.znak.com/2020-12-02/zachem_kremlyu_pered_vyborami_gosdumy_nuzhny_malye_partii (Accessed: 14 December 2021) (In Russ.)].
- Мягков, М., Ситников, А., Шакин, Д. (2004) *Электоральный ландшафт России*. Аналитический доклад. Москва: Институт открытой экономики. URL: http://openecon.shulgin.ru/attach.asp@a_no=503 (дата обращения: 14.12.2021). [Myagkov, M., Sitnikov, A., Shakin, D. (2004) *The electoral landscape of Russia*. Analytical report [Elektoralnyi landschaft Rossii. Analiticheskii doklad]. Moscow: Institute of Open Economy. Available at: http://openecon.shulgin.ru/attach.asp@a_no=503 (Accessed: 14 December 2021) (In Russ.)].
- Программа партии, б.д. Сайт партии «Новые люди». URL: https://newpeople.ru/program_newpeople (дата обращения: 14.12.2021). [Party program, no date [Programma partii]. Website of "New People" party. Available at: https://newpeople.ru/program_newpeople (Accessed: 14 December 2021) (In Russ.)].
- Шпагин, С. А. (2021) 'Непарламентские партии в современной России: у порога Государственной Думы?', *Электораль-*

ная политика, 1 (5). URL: <http://electoralpolitics.org/ru/articles/neparlamentskie-partii-v-sovremennoi-rossii-u-poroga-gosudarstvennoi-dumy/> (дата обращения: 14.12.2021). [Shpagin, S. A. (2021) 'Non-Parliamentary Parties in Contemporary Russia: On State Duma's Doorstep', *Electoral Politics*, 1 (5). Available at: [http://electoralpolitics.org/en/articles/neparlamentskie-partii-v-](http://electoralpolitics.org/en/articles/neparlamentskie-partii-v-sovremennoi-rossii-u-poroga-gosudarstvennoi-dumy/)

[sovremennoi-rossii-u-poroga-gosudarstvennoi-dumy/](http://electoralpolitics.org/en/articles/neparlamentskie-partii-v-sovremennoi-rossii-u-poroga-gosudarstvennoi-dumy/) (Accessed: 14 December 2021) (In Russ.)].

Kirchheimer, O. (2015) 'The Transformation of the Western European Party Systems' in: J. La Palombara, & M. Weiner (Eds.) *Political Parties and Political Development*. Princeton, New York: Princeton University Press, pp. 177–200.

Статья поступила в редакцию: 20.12.2021

Статья принята к печати: 15.01.2022

THE STUDY OF COMBINED ELECTIONS: FOR WHOM DID THE VOTERS OF THE "NEW PEOPLE" VOTE WHEN THEIR PARTY WAS NOT ON THE BALLOT

A. E. Lyubarev

A. E. Lyubarev, Candidate of Law Science, General Director of LLC "Fair Elections".
E-mail: lyubarev@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-8527-8818).

Abstract

The article discusses the genesis of the electorate of the "New People" party, which was elected to the State Duma of the eighth convocation. To this end, it analyzes which parties the voters who supported the "New People" in the Duma elections voted for, in cases when this party did not participate in the regional elections. Eight regions where the "New People" received more than 6% of the votes in the Duma elections are selected for analysis. Correlation and regression analysis methods are used to check the relations between the result of "New People" in the Duma elections and the difference in the results of the regional and Duma elections of the parties participating in both campaigns. The results obtained indicate that the electorate of the "New People" did not have a dominant preference for the "second choice": they voted for different parties, for almost all the parties represented in the regional ballot. At the same time, in different regions, the voters of the "New People" had different priorities regarding the "second choice". Nevertheless, for a significant part of the "New People" supporters, the most preferred vote was for "Just Russia" and "the Russian Party of Pensioners for Social Justice".

Keywords: combine elections; elections to the State Duma; regional elections; the party "New People"; correlation analysis; regression analysis; "catch-all" parties.

К сведению авторов

«Вестник Пермского университета. Политология» – периодическое издание, в котором публикуются результаты исследований по следующим отраслям политической науки (научным специальностям):

23.00.01. Теория и философия политики, история и методология политической науки.

23.00.02. Политические институты, процессы и технологии.

23.00.05. Политическая регионалистика. Этнополитика.

Журнал выходит 4 раза в год.

Журнал входит в список ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

После выхода из печати полнотекстовые версии номеров размещаются на интернет-сайте журнала и на интернет-сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Обращаем внимание, что, посылая статью для публикации в журнале «Вестник Пермского университета. Политология», автор тем самым дает согласие на ее размещение в открытом доступе на интернет-сайте журнала (в случае принятия к публикации).

Принимаются рукописи научных статей, рецензий или обзоров, не опубликованные ранее. В случае, если автор решает направить свою рукопись на рассмотрение в другой журнал, он обязан уведомить редакцию «Вестника Пермского университета. Политология» о ее отзыве.

Принимаются к рассмотрению рукописи на русском и английском языках.

Следование настоящим инструкциям обязательно и гарантирует то, что рукопись вашей статьи будет принята редакцией к рассмотрению.

Рукопись должна включать:

- 1) название работы;
- 2) благодарности и/или упоминание организации, при финансовой поддержке которой выполнено исследование, представленное в статье (при необходимости);
- 3) аннотацию (для обзора и научной статьи);
- 4) ключевые слова;
- 5) основной текст, включая (при необходимости) таблицы, графики, иллюстрации;
- 6) приложения (при необходимости);
- 7) библиографический список, включающий статьи и монографии, цитируемые в работе.

Аннотация представляет собой краткий текст, который раскрывает цель и задачи работы, логику построения исследования, его структуру и основные выводы. Аннотация должна быть информативной, давать адекватное представление о проведенном исследовании без необходимости обращения к статье.

Название статьи, аннотация, ключевые слова должны быть на русском и английском языках.

Отдельным файлом должна быть представлена информация об авторе (ах):

- место работы / учебы, должность,
- ученая степень, звание (при наличии),
- адрес электронной почты,
- авторские ORCID и ResearcherID.

В случае, если авторов несколько, то дополнительно указывается контактное лицо и адрес его электронной почты.

Информация об авторе (ах) предоставляется на русском и английском языках.

Объем рукописи

Объем рукописи статьи, обзора – до 40 000 знаков (включая ссылки, подписи к таблицам, графикам и иллюстрациям, библиографический список).

Объем рукописи рецензии до 20 000 знаков.

Объем аннотации – 150–250 слов.

Количество ключевых слов – 7–10.

Требования к оформлению рукописи

Текст оформляется в формате MS Word через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер 14; поля: правое 2 см, левое 2 см, сверху и снизу по 2 см. Выравнивание текста по ширине, отступ первой строки – 1,25. Нумерация по центру страницы.

Иллюстративный материал (при наличии) должен быть высокого качества (600 dpi для оттенков серого и 300 точек на дюйм для цвета, в правильном размере). В случае, если в качестве иллюстраций к тексту используются фотографии, репродукции и иные визуальные материалы, принадлежащие третьим лицам и / или размещенные на открытых публичных ресурсах, то они должны сопровождаться ссылкой на источник и/или иметь необходимое разрешение правообладателя на их повторное использование.

Информация в виде таблиц, диаграмм, гистограмм должна представлять собой новую информацию, а не дублировать содержание текста. Таблицы, диаграммы, гистограммы должны быть доступны для редактирования и представлены отдельным файлом.

Если рукопись содержит уравнения, убедитесь, что они также доступны для редактирования.

Оформление ссылок в тексте рукописи на источники (нормативно-правовые акты, статистические данные, архивные материалы, интервью, мемуары и др.) постраничное (внизу страницы) продолжающейся нумерацией в соответствии с требованиями стиля Гарвард.

Ссылки на цитируемую (упоминаемую) академическую литературу оформляются в скобках, где указываются автор, год, страница(ы):

(Иванов, 2005) / (Иванов, 2005: 7)

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Иванов и Симонов, 1999) / (Иванов и Симонов, 1999: 46)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

Если у цитируемой работы авторов больше двух, то указать первого и ставить – и др. (et al.):

(Иванов и др., 1998) / (Иванов и др., 1998: 99)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

В случае, если цитируются две и более работы одного автора, изданные в один год, то при оформлении применяются следующие правила:

(Иванов, 2005a)

(Иванов, 2005b)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

Если в тексте есть упоминание идей, положений, суждений сразу нескольких авторов и нескольких работ, следует оформлять следующим образом:

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

В случае, если в библиографической ссылке отсутствует автор(ы) (коллективная монография, сборник, документ и т. п.), следует указывать либо название работы, либо фамилию редактора(ов). При этом, если название цитируемой работы состоит из одного-двух слов, то оно указывается полностью, если длинное, то следует дать первые одно-два слова, а далее поставить многоточие, затем знак запятой и год издания.

(Wales Act, 1998)

(ФЗ № 23-45, 2000)

(Было слово..., 2000)

При цитировании изданий одного автора, но относящихся к разным годам, следует указывать фамилию автора и годы через точку с запятой:

(Mitchell, 2010; 2017)

При цитировании источника без даты:

(Smith, no date: 15).

(Кузнецов, б.д.: 16)

При непрямом цитировании:

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы

В конце статьи формируется *Библиографический список / References*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Вначале указываются источники на русском языке, затем – на иностранных.

Библиографический список должен сопровождаться транслитерацией и переводом русскоязычных источников на английский язык. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.net> (стандарт транслитерации – BSI).

В случае если у цитируемой статьи или книги есть присвоенный DOI, следует его указывать.

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы оформляется в соответствии с требованиями стиля Гарвард¹.

Книга, монография:

Mitchell, J. A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Тошович, Б. (2011) *Корреляционная грамматика сербского, хорватского и бошняцкого языков*. (Том 1). Москва: Языки славянской культуры. [Toshovich, B. (2011) *Correlative Grammar of Serbian, Croatian and Bosnian* [Korreljatsionnaya grammatika serbskogo, khorvatskogo i boshnyatskogo yazykov] Vol.1, Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)].

Stone, S. J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher.

В: Панов, П. В. (ред.) (2017) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия. [Panov, P. V. (eds.) (2017) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)].

Глава в книге, монографии:

Gray J. N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N. T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

Минаева, Э. Ю., Панов, П. В. (2017) 'Конструирование границ и сегментация политического пространства как фактор взаимодействий вокруг этнических региональных автономий' в: Панов, П. В. (ред.) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия, сс. 110–137. [Minaeva, E. Yu., Panov, P. V. (2017) 'The segmentation of political space as a factor for interaction over ethnic regional autonomies' [Konstruirovaniye granicz i segmentaciya politicheskogo prostranstva kak faktor vzaimodejstvij vokrug e'tnicheskix regional'nyx avtonomij] in: Panov, P.V. (eds.) '*Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights*' [Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, pp. 110–137. (In Russ.)].

Книги с анонимными или неизвестными авторами:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

Большая советская энциклопедия (1978), Т.30. Москва.: Советская энциклопедия. [Great Soviet Encyclopedia [Bol'shaya sovetskaya encyclopediya] (1978), Vol. 30. Moscow].

Монография (электронное издание или книга online):

Stoker, L. A., Falker, J. and Hatcher, K. P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: URL: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10.09.2016).

В случае цитирования переводной книги написание фамилий давать в оригинальном, а не в транслитерированном варианте:

Боуэн, У. Г. (2018) *Высшее образование в цифровую эпоху*. Москва: Издательский дом Высшей Школы экономики [электронное издание]. URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (дата обращения: 12.08.2018). [Bowen, W. G.

¹ *Harvard Format Citation Guide*. [Online]. Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide> (Accessed: 12 August 2018)

(2018) *'Higher Education in the Digital Age'* [Vysshee obrazovanie v cifrovuyu epoxu] Moskva: Izdatel'skij dom Vysshej Shkoly ekonomiki.] [online]. Available at: URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (Accessed: 12.08.2018)].

Статья в периодическом издании (журнале, газете):

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296.

Mitchell, J. A. 'How citation changed the research world', *The Mendeley*, 62(9) [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 15 November 2016)

Германова, Н. Н. (2009) 'Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике', *Вестник МГЛУ*, 557, сс. 24–41. [Germanova, N. N. (2009) 'Artificial Languages of Imagined communities: the Problem of National languages in Western Linguistics' [Iskusstvennye yazyki voobrazaemykh soobshchestv: problema natsional'nykh yazykov v zapadnoi lingvistike], *Vestnik MGLU*, 557, pp. 24–41. (In Russ.)].

Если русскоязычный журнал/газета имеет официальное название на латинице, то следует приводить это название, а не транслитерацию.

Описание диссертации, проектов, студенческих эссе:

Leckenby, R. J. (2005) *Dynamic characterisation and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

Энгельгардт, Г. (2005) *Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.)*: дис. ... докт. ист. наук. Москва. [Engel'gardt, G. (2005) 'Republic Serbska in Bosnia and Hercegovina. Genesis and evolution (1990–2006 gg.)' [Respublika Serbskaya v Bosnii i Gercegovine. Vozniknovenie i evolyuciya]. Dr. Diss. (Hist.). Moscow. (In Russ.)].

**Более подробные инструкции для библиографического описания источников и литературы см.:
URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>**

Information for the authors

Thank you for choosing to submit your paper to us. Our journal accepts previously not published articles and reviews. The journal publishes manuscripts in both English and Russian.

The instructions will ensure we have everything required so your paper can move through peer review.

Manuscripts should be compiled in the following order:

- 1) Title;
- 2) Acknowledgements as well as Funding and grant-awarding body (where appropriate);
- 3) Abstract (for article);
- 4) Key words;
- 5) Main text, including tables, graphs and illustrations;
- 6) Appendix (where appropriate); bibliographic list (references), including cited articles and books.

Abstract is a short text that shows the aims, logic, claims and results of the research. The abstract should be informative and give an adequate idea of the research.

The title, abstract, key words are set to be in both English and Russian.

Author(s) details should be submitted as a single file in both English and Russian:

- place of employment / study, position,
- academic degree (if applicable),
- e-mail,
- ORCID & ResearcherID.

In the case there are several authors, please, indicate the contact person and his / her e-mail.

Wordage

Please keep in attention a typographical unit count for your paper. A typical article for the journal should be no more than 40000 typographical units; this limit includes tables, references, figure captions, footnotes, endnotes, and an abstract of 150–200 words.

The wordage of review is about 20000 typographical units.

7–10 keywords.

Formatting and templates

MS Word, single space, TNR 14.

Margins: right 2 cm, left 2 cm, top and down – 2 cm.

Text alignment in breadthwise. Indenture – 1,25.

Please submit illustrations of high quality (600 dpi for shades of gray and 300 dots per inch for color, in the correct size).

If you use photos, images and other visual materials that are property of other persons, please provide the necessary permission of the right holder to reuse them.

Tables and graphs should be available for editing and presented as a separate file. If the manuscript contains equations, make sure that they are also editable.

Quoting sources (acts, statistical data, archival materials, interviews, memoirs, etc.) are paginated (at the bottom of the page) and continued numbering by the requirements of Harvard Style

Cited articles and books in-text:

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

(Mitchell, 2010; 2017)

(Smith, no date: 15)
(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Format bibliographic list (references) in Harvard Style.

If it is applicable, please indicate DOI of cited articles and books.

Book:

Mitchell, J.A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Stone, S.J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher

A chapter in edited book:

Gray J.N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N.T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

No author:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

On-line book:

Stoker, L.A., Falker, J. and Hatcher, K.P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10 September 2016)

Article:

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296

Hunter, F.A. 'How political order changed?', *The Journal*, 34(8) [online]. Available at: <https://www.thejournal.com> (Accessed: 15 May 2018)

Unpublished thesis:

Leckenby, R.J. (2005) *Dynamic characterization and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

For instructions that are more detailed please see:

URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Вестник Пермского университета.
Политология
2022. Том 16. № 1

Bulletin of Perm University.
Political Science
2022. Vol. 16. № 1

Научное издание

Редактор *Л. Л. Савенкова*
Корректор *Л. Л. Соболева*
Компьютерная верстка *Н. М. Беляевой*

Подписано в печать 21.03.2022.
Выход в свет 25.03.2022.
Формат 60x84/16. Усл. печ. ____, ____.
Тираж 500 экз. Заказ ____.

Адрес учредителя, издателя и редакции:

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
(Историко-политологический факультет)

Издательский центр ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте
«Пресса России. Объединенный каталог» <https://www.ppressa-rf.ru/cat/1/edition/i41006/>
Подписной индекс 41006